

СТИВЕН

ЭРИКСОН

СЛЕД КРОВИ

МАЛАЗАНСКАЯ КНИГА ПАВШИХ

Звезды новой фэнтези

Стивен Эриксон

**След крови. Шесть историй о
Бошелене и Корбале Броше**

«Азбука-Аттикус»

2010-2018

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Кан)-445

Эриксон С.

След крови. Шесть историй о Бошелене и Корбале Броше /
С. Эриксон — «Азбука-Аттикус», 2010-2018 — (Звезды новой
фэнтези)

ISBN 978-5-389-22144-4

Стивен Эриксон, создатель знаменитого Малазанского цикла («Малазанская книга павших»), оцененного по достоинству как читателями, так и признанными мастерами фэнтезийного жанра, вновь ведет нас по запутанным тропам своей вселенной, где искусство магии столь же обыденно, как в нашем мире самолет и автомобиль. Шесть историй о Бошелене и Корбале Броше, двух странствующих чародеях-некромантах, и их горемычном слуге Эмансипоре Ризе ввергнут нас в такую бездну страстей, что мало не покажется никому. Герои наши не отличаются благонравием, ведь в мире, который их окружает, нет места сентиментальности и доверчивости, здесь надо держать ухо востро, чтобы тебя не съели – и в переносном, и в прямом смысле. Им, правда, по роду деятельности помогают души умерших, способные прорицать будущее, – но не всегда и без особой охоты, так что лучше надеяться на себя, на удачу и на попутный ветер. Впервые на русском!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Кан)-445

ISBN 978-5-389-22144-4

© Эриксон С., 2010-2018
© Азбука-Аттикус, 2010-2018

Содержание

След крови	6
Мутные воды Несмеяни	50
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Стивен Эриксон
След крови. Шесть историй о
Бошелене и Корбале Броше

© К. П. Плешков, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство Азбука®

След крови

Город Скорбный Минор наполнял колокольный звон: он слетал в кривые узкие переулки и обрушивался на вставших с зарей торговцев, что поспешно раскладывали свои товары на рыночных площадях. Звук колоколов катился по грязным булыжникам в сторону пристани и летел дальше над серыми волнами беспокойного залива. В пронзительном, отдающем железом перезвоне слышались истерические нотки.

Нескончаемый жуткий голос колоколов отражался эхом внутри крытых сланцем могильных курганов, которым город был обязан своими вздыбленными улицами, покосившимися домами и тесными переулками. Курганы эти, возрастом старше самого Скорбного города, давно перекопанные в бесплодных поисках добычи, напоминали оспины, оставшиеся после какой-то древней заразы. Звон колоколов достигал рассыпанных, изломанных костей, что с незапамятных времен покоились в выдолбленных колодах среди сгнивших шкур и каменных орудий, среди костяных бусин и украшений из ракушек, меж скорчившихся собачьих скелетов, а порою и лошадей, чьи головы с пробитыми между левым глазом и ухом дырами в черепе были отрезаны от туловища и уложены в ногах у хозяина. Эхо колокольного звона пробуждало погруженные в многовековой сон тени.

Некоторые из этих кошмарных теней восстали в ответ на зов. Сбрасывая с себя в пред-рассветной тьме черепки и землю, они почуяли присутствие... кого-то или чего-то. А затем вновь вернулись в свои мрачные обитатели – и для тех, кто видел этих призраков и хоть что-то о них знал, их уход походил скорее на бегство.

На Храмовой площади, по мере того как солнце поднималось над холмами все выше и выше, колодцы, фонтаны и каменные чаши до краев заполнялись монетами; среди груд меди поблескивало золото и серебро. Возле окруженных высокими стенами храмов Огни уже собирались толпы горожан, радуясь в лучах утреннего солнца, что внезапная смерть прошла мимо, и благодаря Спящую Богиню, которая по-прежнему продолжала спать. Толпы слуг видели в то утро выходящими из боковых дверей святилища Худа, ибо богатые имели обыкновение откупаться от Повелителя Смерти, рассчитывая в очередной раз проснуться со спокойной душой в своих мягких постелях.

Для монахов же Королевы Грез прошедшая ночь стала поводом для траура, ибо цивилизация вновь показала свое покрытое шрамами полуночное лицо, и имя этому лицу было Убийство. Потому-то и не смолкали колокола, и на порт Минора, подобно савану, опускался их жуткий звон, холодный и жестокий, – звон, от которого никто не мог убежать...

А тем временем в переулке за небольшим домом на Нижней Торговой улице прорицатель Колоды Драконов, окруженный кольцом терпеливо ждущих своей очереди собак, шумно избавлялся от завтрака, который состоял из гранатов, хлеба, чернослива и разбавленного вина.

За спиной Эмансипора Риза с грохотом захлопнулась дверь, задребезжав непрочным засовом, прежде чем вновь осесть на изношенных кожаных петлях. Эмансипор устался в узкий, пахнущий плесенью коридор. В расположенной справа, на высоте пояса нише одинокая сальная свеча освещала пятна от сырости, потрескавшуюся штукатурку и крошечный каменный алтарь сестры Солиэль, усыпанный увядшими цветами. На дальней стене, в нескольких шагах от того места, где стоял сейчас Риз, висел тяжелый палаш из черного железа с крестовидной рукояткой и бронзовым шаром на эфесе; скорее всего, палаш давно уже проржавел в покрывшихся патиной ножнах. Эмансипор взглянул на оружие своей юности, ясно ощутив груз пяти... да что там пяти – почти уже шести прожитых десятилетий, и на его морщинистом, опаленном солнцем лице отразилась печаль.

Жена Риз молча трудилась в кухне, занятая тем, что прогревала сырой песок. Котелок из-под утренней каши и тарелки на деревянном столе рядом с ней все еще ожидали чистки. Прислушиваясь к отрывистому и все более сбивчивому дыханию супруги, Эмансипор мысленно представил себе ее неповоротливую массивную фигуру.

– Это ты, Манси?

Эмансипор заколебался. Он мог прямо сейчас развернуться и уйти – Риз умел измерять глубину и знал, как вязать любые узлы. Его не пугала раскачивающаяся под ногами палуба. Он мог покинуть этот вшивый проклятый город, бросить жену и визгливых, вечно хнычущих отпрысков, которых они произвели на свет. Он мог... просто сбежать.

Однако Эмансипор вздохнул и ответил:

– Да, дорогая.

Жена повысила голос:

– А почему ты не на работе?

Риз набрал в грудь побольше воздуха:

– Видишь ли, я... – Он помедлил и громко, решительно завершил: – Я теперь безработный.

– Что ты сказал?

– Без работы, говорю, я остался.

– Неужто тебя уволили? Выгнали? Ах ты глупый, негодный...

– Колокола! – заорал он. – Колокола! Ты разве не слышишь?

В кухне на мгновение настала тишина.

– Смилуйтесь, Сестры! Идиот! Почему ты не ищешь работу? Немедленно найди новое место. Если ты думаешь, что будешь тут болтаться без дела, глядя, как наших детей вышвыривают из школы...

Эмансипор снова вздохнул.

«Ты всегда была на редкость практичной особой, дорогая Субли...»

– Уже иду, милая.

– И не возвращайся, пока не найдешь работу. И не абы какую, а хорошую. Будущее наших детей...

Он захлопнул за собой дверь и встал, уставясь на улицу. Колокола продолжали звонить. Становилось все жарче, в воздухе пахло нечистотами, гниющими ракушками, человеческим и звериным потом. Субли готова была душу продать за старый, ветшающий дом у него за спиной – а уж до чего ей нравился сам район. Что до Эмансипора, то здесь воняло в точности так же, как и в других местах, где им доводилось жить. Разве что гниющие в сточных канавах овощи были разнообразнее.

«Место, Манси, очень важно. Все зависит от места».

Через дорогу ходил вразвалочку перед своей лавкой Старж Плетельщик, раздвигая ставни на окнах и бросая многозначительные любопытные взгляды на верхушку кургана, горбившегося посреди улицы между их домами. Этот старый пердун все слышал. Не важно. Теперь Субли в рекордные сроки закончит возиться с котелком и тарелками, а потом выползет на улицу и начнет трепать языком, тараща глаза в поисках сочувствия, это уж как пить дать.

Ему и в самом деле до конца дня позарез нужна новая работа. Иначе все уважение, которого Риз сумел добиться за последние полгода, исчезнет быстрее, чем огонек свечи под порывом урагана, и к нему вернется мрачное прозвище Манси Неудачник, призрак прошлого, тенью следующий за ним, а суеверные соседи вроде Старжа Плетельщика будут совершать охранительные жесты каждый раз, когда их пути пересекутся.

Любой ценой найти новую работу. Теперь имело значение только это. И не важно, что в последнее время какой-то сумасшедший бродит ночами по городу; не важно, что каждое утро тут и там обнаруживаются страшно изуродованные тела жителей Скорбного Минора: с пустым,

невидящим взглядом (если у них вообще оставались глаза) и искаженными в смертельном ужасе лицами. И эти трупы с отсутствующими частями тела... Эмансипор содрогнулся. Не в том причина, что мастеру Балтро никогда больше не понадобится кучер, разве только для команды сторбленных белолицых могильщиков, которые отвезут усопшего в последний путь, к месту упокоения его предков, после чего род Балтро прервется навсегда.

Эмансипор снова вздрогнул. Кабы не тот кошмар, что случился с несчастным торговцем, ему можно было бы почти позавидовать. По крайней мере, смерть означала бы, что наконец-то наступит тишина. Нет, не в Субли дело, всё эти колокола. Проклятый звон: нескончаемый, пронзительный, надоедливый...

– Иди найди монаха на конце той веревки и сверни ему шею.

Капрал, моргнув, посмотрел на сержанта и неуверенно покачнулся под тяжестью покрытой голубой патиной кольчуги из бронзы, шлема с шишаком и массивных, подбитых кожей наплечников.

«Черт возьми, парень, должно быть, очень хорошо плавает в этих доспехах, – подумал сержант Гульд. – Да, вид у малого не особо впечатляющий! Во имя Худа, короткий меч в его ножнах наверняка до сих пор запечатан воском».

– Давай, сынок. – Сержант отвернулся.

Слыша, как шаги парня стихают у него за спиной, Гульд мрачно посмотрел на отряд, который выстроился кордоном вокруг лежащего в яме трупа. Стражники отгоняли зевак, бродячих собак, пинали чаек и голубей, чтобы дать тому, что осталось от мертвеца, обрести покой под копной соломы, которую бросил поверх мертвого тела какой-то сострадательный прохожий.

Сержант увидел прорицателя, который с посеревшим лицом вышел, пошатываясь, из соседнего переулочка. Придворного королевского мага нельзя было причислить к бродягам, но ткань на коленях его белых панталон явно свидетельствовала о близком знакомстве с грязными, засаленными булыжниками мостовой.

Гульд без всякого уважения относился к изнеженным чародеям: слишком уж далеки они были от обычных людских забот, слишком погружены в свои книги, наивны, да и выглядели как дети. Вот и Офану было уже почти шестьдесят, а лицом он походил на ребенка.

«Без алхимии здесь точно не обошлось, – подумал сержант. – И все ради тщеславия».

– Эй, Стуль Офан! – позвал Гульд, поймав взгляд слезящихся глаз мага. – Ты уже закончил?

В словах сержанта звучало полное безразличие, но это была его излюбленная манера задавать вопросы.

Толстый маг подошел ближе.

– Да, – хрипло ответил он, облизывая посиневшие губы.

«Непростое это искусство – толковать Колоду Драконов по следам убийства».

– И?..

– Это не демон, не секуль, не жорлиг. Это человек.

Сержант Гульд нахмурился, поправляя шлем в том месте, где шерстяная подкладка натерла ему лоб.

– Это мы и без тебя знаем. То же самое сообщил уличный прорицатель. За что, собственно, король жалует тебе башню в своем замке?

Лицо Стуля Офана помрачнело.

– Я пришел сюда по приказу короля, – бросил он. – Я придворный маг. Мои прорицания имеют скорее... – он на мгновение запнулся, – более бюрократическую природу. Кровавые убийства не моя специальность.

Гульд нахмурился еще сильнее:

– Ты прорицаешь по Колоде, чтобы вести бухгалтерию? Это нечто новое для меня, маг.

– Не болтайте глупостей, сержант. Я имел в виду, что моя магия касается... э-э-э... скорее, административных вопросов. Государственные дела и все такое. – Стуль Офан огляделся вокруг, сгорбив пухлые плечи, и содрогнулся, когда его взгляд упал на тело, накрытое соломой. – Это... это самое грязное чародейство, совершенное безумцем...

– Погоди-ка, – прервал его Гульд. – Стало быть, убийца – чародей?

Стуль кивнул, его губы дрогнули.

– Он весьма могущественный некромант, умеющий виртуозно замечать следы. Даже крысы ничего не видели – во всяком случае, ничего такого, что осталось бы в их мозгах...

Крысы. Чтение крысиных мыслей стало в Миноре своего рода искусством. Жадные до добычи маги дрессировали проклятых тварей и посылали их в старые курганы, где покоились кости тех, кто умер настолько давно, что их имена исчезли из памяти горожан. Это слегка утешило сержанта. Все-таки есть истина на свете, если маги и крысы видят одно и то же. И слава Худу, что существуют крысоловы, – эти бесстрашные мерзавцы плюнули бы чародею под ноги, даже если бы их слюна была последней каплей влаги на земле.

– А как насчет голубей? – спросил он с деланным безразличием.

– Они по ночам спят. – Стуль недовольно взглянул на Гульда. – У меня тоже есть свои пределы. Крысы – еще ладно. Но голуби... – Он потрянул головой, откашлялся и глазами искал урну. Таковой, естественно, поблизости не нашлось, и чародей, отвернувшись, сплюнул на булыжники. – Так или иначе, убийце пришлось по вкусу знатные особы...

– Не делай поспешных выводов, маг, – фыркнул Гульд. – Дальний родственник дальнего родственника. Средней руки торговец тканями, без наследников...

– Этого вполне достаточно. Королю нужны результаты. – Стуль Офан посмотрел на сержанта с намеком на презрение. – На кону ваша репутация, Гульд.

– Репутация? – горько рассмеялся сержант и отвернулся, на миг позабыв о маге.

«Репутация? Да моя голова уже на плахе, а человек в сером складывает в кучу камни. Знатные семейства пребывают в страхе. Они грызут хилые ноги короля в промежутках между льстивыми поцелуями. За одиннадцать ночей одиннадцать жертв. Никаких свидетелей. Весь город охвачен ужасом, и ситуация может в любой момент выйти из-под контроля. Я обязан найти эту мразь, он должен корчиться у Дворцовых ворот, насаженный на пики... Чародей – это что-то новенькое. Наконец-то появилась хоть какая-то зацепка. – Гульд посмотрел на прикрытое соломой тело торговца. – Мертвецы ничего не могут рассказать. А уличные прорицатели странно немногословны и заметно нервничают. Уже одно это должно было дать мне повод призадуматься. Явно некий маг, достаточно могущественный, чтобы запугать мелких сошек. И что еще хуже, некромант – некто, умеющий заставить души молчать или отправить их к Худу до того, как остынет кровь».

Стуль Офан снова откашлялся.

– Что ж, – сказал он, – в таком случае увидимся завтра утром.

Гульд поморщился:

– Рано или поздно убийца непременно ошибется... Ты уверен, что это человек?

Маг кивнул.

– Мужчина, я полагаю?

– Ну да. В определенных пределах.

Гульд изумленно уставился на мага, вынудив того отступить на шаг:

– Что это значит? В каких еще определенных пределах?

– Ну... гм... по моим ощущениям, это человек, мужчина, хотя в нем явно есть нечто странное. Я просто предположил, что он постарался напустить туману, скрыть свою личность – с помощью каких-нибудь простых заклинаний или вроде того...

– Думаешь, могущественный чародей, который способен заставить молчать души и стирать память крысам, станет трусливо прятаться за какими-то защитными заклинаниями?

– Н-да... – нахмурился Стуль Офан. – Пожалуй, тут и впрямь что-то не так...

– Обдумай это хорошенько на досуге, маг, – посоветовал Гульд, и хотя он был всего лишь сержантом городской стражи, собеседник поспешно кивнул в ответ. А затем спросил:

– Что передать королю?

Гульд засунул большие пальцы за пояс с мечом. Прошли годы с тех пор, как он в последний раз доставал оружие, но он с радостью воспользовался бы возможностью сделать это сейчас. Сержант окинул взглядом толпу вокруг, море лиц, все плотнее сжимавшееся вокруг кольца стражников.

«А ведь это может быть любой из них, – подумал Гульд. – Тот хрипящий нищий с отвисшей челюстью. Те два крысолова. Или даже вон та старуха с увешанным куклами поясом – какая-то ведьма, я уже видел ее раньше. Всякий раз она является на место убийства и теперь готова взяться за очередную куклу, одиннадцатую, – помнится, я допрашивал ее шесть дней назад. Да и волос на подбородке у этой карги достаточно, чтобы принять ее за мужчину. Или вон тот темнолицый незнакомец, в доспехах под роскошным плащом, с великолепным оружием на поясе; не исключено, что убийца – он. Наверняка какой-нибудь чужеземец, у нас никто не пользуется ятаганами с одним лезвием. Так что преступником запросто может быть каждый: небось убийца явился взглянуть на дело своих рук при дневном свете, позлорадствовать над самым опытным в городе стражником, знающим толк в подобного рода делах».

– Скажи его величеству, что у меня есть список подозреваемых.

Стуль Офан издал кашляющий звук, который вполне мог выражать недоверие.

– И еще передай королю Сельджуру, – сухо продолжал Гульд, – что я счел его придворного мага довольно полезным, хотя у меня есть к нему еще много вопросов, и я ожидаю, что означенный чародей приложит все усилия, чтобы дать на них ответ.

– Да, конечно, – хрипло проговорил Стуль Офан. – Я к вашим услугам, сержант, если король прикажет.

Он повернулся и направился к ожидавшему его экипажу.

Гульд вздохнул. Список подозреваемых – легко сказать.

«Сколько магов в Скорбном Миноре? Сотня? Две сотни? Сколько среди них действительно одаренных и могущественных? А ведь нельзя сбрасывать со счетов еще и тех чародеев, что постоянно прибывают сюда на торговых кораблях и возвращаются затем восвояси. Кто же убийца: чужеземец или кто-то из местных, ступивших на путь зла? Высшее колдовство способно совратить даже самый мирный разум. Или это некая несчастная тень вырвалась на свободу из какого-нибудь полуразвалившегося кургана? Нигде вроде бы в последнее время не копали строительных котлованов... Хотя кто его знает. Надо бы уточнить у ровняльщиков. Вообще-то, вряд ли здесь замешаны тени: это, так сказать, не в их стиле».

Колокола яростно зазвонили и смолкли. Нахмурившись, Гульд вспомнил приказ, который он отдал молодому капралу.

«Проклятье, неужели парень понял меня буквально?»

Эмансипор Риз сидел в тесном, полупустом в это время зале таверны «Пряность». От дымного очага, на котором готовили завтрак, воняло рыбой. Он пристроился за стоявшим отдельно круглым столом у задней стены и коротал время в обществе Зануды и Крыги, которые продолжали заказывать все новые и новые порции эля по мере того, как время приближалось к полудню. Отвращение, которое Эмансипор обычно испытывал к этим портовым крысам, таяло с каждой кружкой, полной пенящегося напитка. Он даже начал прислушиваться к разговору собутыльников.

– Трон под Сельджуром всегда шатался, – говорил Зануда, почесывая бочкообразную грудь под покрытым пятнами соли камзолом, – еще с тех пор, как жекки захватили Стигг, а он не решился на вторжение. Теперь у нас по другую сторону пролива орда дикарей, а Сельджур не способен ни на что, кроме пустых угроз. – Он отыскал вошь и, внимательно рассмотрев ее, бросил в рот.

– Не такие уж они и дикари, – медленно цедя слова, возразил Крыга и потер щетину на массивном подбородке, шуря маленькие темные глазки. – Они не просто какая-то там орда, эти жекки. У них имеется целый пантеон, набитый духами, демонами и прочим, а их военный вождь во всем, кроме планов сражений, отвечает перед старейшинами. Так что, возможно, он не столь уж и прост, учитывая его успехи, – в конце концов, Стигг пал всего за сутки, и одному Худу ведомо, какой магией вождь владеет. А уж если еще и старейшины...

– Мне все это неинтересно, – прервал его Зануда и махнул измазанной в жире рукой, словно бы отгоняя портовых мух. – Радуйся, что жеккам не догрести прямым курсом до Мутноводья. Я слышал, они сожгли стиггские галеры прямо в портах: если подобная тупость не стоила их военному вождю головного убора из перьев, то у этих самых старейшин мозгов не больше, чем у морского ежа. Больше мне сказать нечего. А коли трон под Сельджуром шатается, то Скорбный Минор вполне может стать легкой добычей.

– Во всем виновата знать, которая заковала город в кандалы, – не унимался Крыга, – и Сельджур вместе с ней. И никому не легче от того, что единственная его наследница – распутная девка, готовая переспать с каждым чистокровным аристократом в Миноре. Я уж молчу про жрецов, которые только и умеют, что предрекать конец света и молоть прочую чушь. Так что дело плохо, но не в одном лишь Скорбном Миноре. Во всех городах мира творится то же самое: выродившиеся правящие семейства и безмозглые завывающие жрецы – классический случай дележки власти и богатств за счет простого народа, который бредет, спотыкаясь, будто мул под ярмом.

– Нам нужен король, у которого хребет покрепче, – буркнул Зануда. – Только и всего.

– Точно так же поначалу говорили люди в Кореле, когда тот напыщенный капитан, Безумный Эфес, узурпировал трон. Однако скоро уже никто ничего не говорил: все были мертвы или даже хуже того.

– Исключение лишь подтверждает правило...

– Только не в политике.

Двое спорщиков хмуро уставились друг на друга. Затем Зануда толкнул Крыгу в бок и обратился к Эмансипору:

– Что, Манси, снова работу ищешь? – (Оба портовых завсегдатая ухмыльнулись.) – Не везет, похоже, с тобой хозяевам. Да хранит Госпожа Удача того несчастного, кому хватит глупости тебя нанять, – нет, я вовсе не имею в виду, будто на тебя нельзя положиться.

Крыга улыбнулся шире, показав неровные гнилые зубы.

– Может, Худ сделал тебя своим вестником? – предположил он. – Тебе никогда такое в голову не приходило? А то чего только на свете не бывает. Нынче мало кто из прорицателей умеет читать Колоду Драконов, поэтому наверняка не определить. Повелитель Смерти выбирает себе кого хочет, и тут уж ничего не поделаешь.

– Крыга верно говорит, – заметил Зануда. – Ну-ка, вспомни: что стало с твоим первым работодателем? Я слышал, утонул в собственной постели. Полные легкие воды и отпечаток ладони поверх рта. Худов дух, ну, однако, и смерть...

– Сержант Гульд докопался до истины, Крыга, – буркнул Эмансипор, уставившись в кружку. – Люксор ввязался в рискованную игру с неподходящими людьми. Гульд достаточно быстро нашел убийцу, и этот урод несколько дней болтался на крюке, прежде чем выложить, кто дал ему такое поручение.

Он сделал большой глоток, воздавая почести окаянной памяти Люксора. Зануда наклонился вперед, и его налитые кровью глаза блеснули.

– Ладно. А что со следующим, Манси? Коновал сказал, что у него лопнуло сердце. Представляешь? А ведь совсем молодой парень, он тебе в сыновья годился.

– Ага, а еще он был настолько толст, что мог опрокинуть экипаж, если не сидел посередине, – проворчал Эмансипор. – Уж я-то знаю – сам не раз затаскивал его туда и обратно. Так что удивляться не приходится. Я всегда говорил, что твоя жизнь такова, какой ты делаешь ее сам. – Он допил остатки эля в память о несчастном толстяке Септриле.

– А теперь вот еще и торговец Балтро, – сказал Крыга. – Я слышал, убийца забрал его потроха и язык, чтобы никто не смог заставить его душу говорить. Ходят слухи, будто на место происшествия прибыл придворный маг короля, вертелся у Гульда под ногами, мешал ему работать.

Чувствуя, как у него кружится голова, Эмансипор поднял взгляд и, моргнув, посмотрел на Крыгу:

– Придворный маг короля? В самом деле?

– А чего ты вдруг так переполошился? – спросил Зануда, удивленно подняв брови. – Тебе-то из-за чего волноваться?

– Балтро был благородных кровей, – вздрогнув, вставил Крыга. – То, что сотворили у него между ног...

– Заткнись! – бросил Эмансипор. – Он был по-своему хорошим человеком. И не забывай: ветер в море плевком не успокоишь.

– Еще по одной? – умиротворяющим тоном поинтересовался Зануда.

– Откуда у вас столько денег? – нахмурился Эмансипор.

Зануда улыбнулся, ковыряясь в зубах.

– Мы избавляемся от трупов, – рыгнув, объяснил он. – Никаких душ ведь нет, верно? Во всяком случае, следов от них не остается. Будто их и не было. Так что, как говорят жрецы, это просто мясо. Никаких обрядов, никаких почестей, и не важно, сколько заплатили вперед родственники. Жрецы просто не желают прикасаться к покойникам, и дело с концом.

– Так что наша задача, – пояснил Крыга, – оттаскивать их на берег. – Он щелкнул зубами. – Чтобы крабы жирели и становились вкуснее.

Эмансипор уставился на них:

– Вы же сами ловите крабов! И продаете их!

– Почему бы и нет? Разве вкус чем-нибудь отличается? Три эмоля за фунт – неплохой заработок.

– Это... ужасно.

– Работа как работа, – пожал плечами Зануда. – И между прочим, Манси, ты сейчас пьешь на эти деньги.

– Что верно, то верно, – кивнул Крыга.

Эмансипор потер лицо, которое начинало неметь.

– Угу... пью. С горя.

– Да, кстати! – вдруг, выпрямившись, сказал Зануда. – Я тут видел на площади объявление. Вроде бы кто-то ищет слугу. Если ноги тебя еще держат – может, тебе прямо туда и отправиться?

– Погоди... – начал было Крыга, явно встревожившись, но товарищ толкнул его локтем в бок.

– Неплохая, кстати, мысль, – продолжал Зануда. – Твоей женушке ведь не нравится, что ты остался без работы? Нет, я, конечно, не настаиваю. Просто хочу помочь, только и всего.

– На центральном столбе?

– Угу.

«Худов дух, меня жалеют торговцы крабами...»

– Слугу, говоришь? – Риз нахмурился. Работа кучера была не такой уж плохой. Лошадей он любил больше, чем большинство людей. Но слуга... это означало целый день перед кем-то кланяться, раболепствовать. Хотя... – Налей-ка мне еще кружечку, в память о Балтро, а после я схожу гляну.

– Ага, душа воспрянула? – ухмыльнулся Зануда и тут же, смутившись, покраснел. – Гм... само собой, я вовсе не имел в виду Балтро.

Пока Эмансипор шел до Рыбной площади, он понял, что с элем перебрал. В глазах, правда, почти не двоилось, но идти по прямой было нелегко. К тому времени, когда он добрался до места, весь мир вокруг него вращался, а когда Риз закрывал глаза, казалось, будто его разум падает в бесконечный темный туннель. И где-то там, в глубине, ждала Субли, которая всегда говорила, что последует за мужем через врата Худа, если останется после его смерти с долгами или еще какими-нибудь неприятностями, – бедняга почти наяву слышал, как жена устраивает разнос тамошним демонам. Ругаясь себе под нос, он поклялся держать глаза открытыми, бормоча: «Мне нельзя умирать. К тому же я просто пьян, только и всего. Не умираю и никуда не падаю – мужику нужна работа, нужны деньги, на нем лежит ответственность за семью...»

Солнце почти зашло, и площадь пустела: торговцы и починщики сетей запирали лавки, среди накопившегося за долгий день мусора нахально разгуливали голуби и чайки. Даже хмельной Эмансипор, прислонившись к стене на краю площади, чувствовал охватившую всех нервную спешку – темнота в Скорбном Миноре несла с собой новый ужас, и никто не испытывал желания задерживаться среди удлиняющихся теней. Риза удивило, что ему самому не страшно. Несомненно, виной тому были выпитый эль, а также странная уверенность в том, что шаги Худа отдаются где-то поблизости от пути, проложенного ему судьбой, и в эту ночь ничего плохого с ним не случится.

– Получу работу, и все пойдет по-другому, – пробормотал он. – Главное сейчас – не закрывать глаза.

Какой-то городской стражник смотрел, как Эмансипор, шатаясь и спотыкаясь, бредет к столбу с объявлениями в центре площади, возле фонтана Беру, где похожие на бороду пенящиеся струйки соленой воды бесцельно стекали в забитый перьями бассейн. Риз пренебрежительно помахал рукой застывшему с каменным лицом стражу и заорал:

– Да ничего мне не сделается! Вестник Худа! Это я, хе-хе! – Он нахмурился, увидев, как стражник поспешно изобразил охранительный знак и попятился. – Шутка! – крикнул Эмансипор. – Худова истина... в смысле, клянусь Сестрами! Здравие и Мор вершат мою гудьбу... в смысле, судьбу! Возвращайся, приятель! Я пошутил!

Речь Эмансипора превратилась в бессвязное бормотание. Оглядевшись, он обнаружил, что остался один. Поблизости не было ни души: все с необычайным проворством убрались с площади. Пожав плечами, он переключил свое внимание на просмоленный деревянный столб.

На уровне груди виднелся прибитый к столбу листок тонкой льняной бумаги.

– Недешевая, однако, бумажка, – пробормотал Эмансипор. – Странно, что она так долго висит.

И тут он увидел в правом нижнем углу незаметный защитный знак. Не какое-то мелкое заклинание вроде наведения чирьев на всю родню для любого, кто похитит сдуру листок, или даже чего-нибудь посерьезней, облысения, там, или бесплодия, – внутри круглого знака был искусно изображен череп.

– Клянусь бородой Беру, – прошептал Эмансипор. – Смерть. Да клятый листок переживет сам этот столб.

Он с опаской подошел ближе, пытаясь разобрать слова. В объявлении узнавалась рука наемного писаря, причем весьма умелого. Будь Риз трезв, он мог бы, сопоставив все эти детали, сделать определенные выводы. Но Эмансипор был пьян и сам знал об этом, а серьезные размышления требовали больших усилий. Он понимал, что поступает легкомысленно, но страшная перспектива вернуться к Субли и признаться, что не нашел работу, вынуждала рискнуть.

Упершись рукой в столб, он склонился над объявлением и прищурился. К счастью, запись была короткой.

«Требуется слуга. Полная занятость. Работа включает поездки. Плата обсуждается индивидуально, в зависимости от опыта. Обращаться в гостиницу „Печальник“».

«В гостиницу „Печальник“?.. Да это ведь совсем рядом, меньше чем в квартале отсюда. „Работа включает поездки“... Худов клобук, это значит... Ага, именно то и значит, то есть... – Эмансипор почувствовал, как его губы растягиваются в широкой улыбке, и сердце екнуло от неподдельной радости. – Отдам жене деньги, а сам уеду отсюда подальше. На школу крысенышам хватит, а я буду далеко-далеко. Хе-хе».

Рука Риза соскользнула со столба, и в следующее мгновение он понял, что лежит на булыжниках, уставившись в безоблачное ночное небо. Болел нос, но не сильно. Сев, он огляделся вокруг, чувствуя, как кружится голова. Площадь была пуста, не считая нескольких таращившихся на него из переулка мальчишек, явно недовольных, что прохожий пришел в себя.

– Думайте что хотите, – проговорил Эмансипор, поднимаясь на ноги, – а я прямо сейчас пойду и устроюсь на работу. – Пошатываясь, он ощупал камзол и свои кучерские бриджи, но было слишком темно, чтобы разглядеть, в каком они виде. Понятно, что пропитаны потом, еще бы – камзол из плотной шерстяной ткани, жмуций в плечах и с длинными рукавами в тугих обшлагах. – Будем надеяться, у них там найдется форменная одежда, – пробормотал Риз. – Может, даже пошитая на заказ. Так... «Печальник», стало быть. Значит, мне вон туда.

Путь, казалось, занял целую вечность, но в конце концов Эмансипор различил над входом в узкую четырехэтажную гостиницу вывеску с изображением плачущего человечка. Фонарь под вывеской отбрасывал желтый свет на прислонившегося к резному косяку двери привратника. С его кожаного пояса свисал солидного вида тесак; при виде приближающегося Эмансипора мясистая рука стража мгновенно легла на рукоять.

– А ну, проваливай отсюда, приятель! – прорычал он.

Эмансипор остановился на краю светового круга, слегка покачиваясь.

– Вообще-то, у меня тут встреча, – сказал он, выпрямившись и гордо выпятив подбородок.

– Сильно сомневаюсь.

– Я слуга. Пришел наниматься на работу.

Привратник нахмурился, почесывая нависающий лоб:

– Вряд ли ты долго проработаешь, судя по твоему виду и запаху, которым от тебя разит. Хотя... – Он снова почесал лоб и ухмыльнулся. – Хотя ты пришел вовремя. В смысле, хозяева, похоже, еще не спят. Заходи и скажи писарю, он тебя проводит.

– Так и сделаю, добрый человек.

Привратник открыл дверь, и Эмансипор, осторожно ступая, сумел угодить в нее, не ударившись о косяк. Дверь за ним закрылась, и он помедлил, моргая от яркого света полудесятка свечей, расставленных на полках напротив вешалки для одежды. Судя по золоченой чаше, расположенной под свечами, здесь поклонялись богине Д'рек.

Шагнув ближе, он заглянул в чашу и увидел копошащуюся массу белых червей, порозовевших от крови какого-то несчастного животного. Эмансипор уперся руками в стену, чувствуя, как к горлу подступает пенистый горький эль, и, за неимением поблизости ничего другого, его вырвало прямо в чашу.

Черви судорожно задергались, утопая в янтарной желчи с клочьями пены.

С трудом держась на ногах, Риз обтер рот и край чаши и отступил от стены. В воздухе висел густой аромат стигтских благовоний, сладковатый, будто пахло гниющими фруктами; он понадеялся, что запах замаскирует вонь от блевотины. Подавив очередной рвотный рефлекс, он осторожно вздохнул.

– Ну кто там еще? – Справа от него послышался голос.

Эмансипор увидел вышедшего из полумрака сгорбленного худого старика с пальцами, измазанными чернилами. Заметив Риза, писарь резко выпрямился, яростно сверкая глазами:

– Болван Далг совсем уже из ума выжил? Впускает невесть кого! – Он устремился вперед. – А ну, пошел вон!

Старик взмахнул было руками, но тут же в тревоге замер, услышав, как Эмансипор заявил в ответ:

– Следите за своими манерами, сударь! Я просто задержался, чтобы принести жертву... э-э-э... Червю Осени. Я опытный и умелый слуга, к вашему сведению. Прибыл в точности, как было велено. Извольте отвести меня к своему хозяину, и побыстрее.

«Пока я не принес еще одну жертву, да простит меня Д`рек», – подумал он.

На морщинистом лице писаря сменилась целая гамма чувств, он испуганно уставился на посетителя. Старик облизал черным кончиком языка высохшие губы и неожиданно улыбнулся завороченно смотревшему на него Эмансипору:

– Что, обхитрил меня? Умно, сударь. – Он постучал пальцем по кончику носа. – Ладно. Ведает Огнь, я и сам явился бы наниматься к этим двоим только в таком виде – не то чтобы я желал твоим хозяевам зла, имей в виду. Но я не глупее любого другого, и вонючий пьяница как нельзя лучше подходит и этому часу, и тени, которую отбрасывают они оба, и всем их манерам, ну и так далее. Учти, – он протянул Эмансипору руку и повел его к лестнице, что вела в комнаты, – тебя, скорее всего, прогонят, ведь это первая твоя ночь и все такое, но тем не менее. Хозяева квартируют на верхнем этаже – там лучшие комнаты в доме, если не обращать внимания на летучих мышей под крышей. Но могу поспорить, им это только в радость.

Подъем по лестнице и опорожненный желудок слегка протрезвили Эмансипора. К тому времени, когда они добрались до четвертого этажа, прошли по узкому коридору и остановились справа перед последней дверью, Риз начал понимать, что болтовня писаря, сколь бы путаной она ни была, характеризует его новых работодателей несколько странным образом.

«Новых работодателей? Так меня уже наняли? Нет, что-то не припоминаю...»

Эмансипор попытался сообразить, что это может означать, но безуспешно. Он в достаточной степени пришел в себя, чтобы расчесать пальцами свои тронутые сединой волосы, пока писарь, тяжело дыша, скребся в дверь. Вскоре прогрохотал засов, и дверь бесшумно распахнулась.

– Милостивый сударь, – поспешно проговорил писарь, наклонив голову, – пришел ваш новый слуга.

Поклонившись еще ниже, он двинулся обратно к лестнице.

Глубоко вздохнув, Риз поднял глаза и встретил суровый взгляд стоявшего перед ним человека. При виде его безжизненных серых глаз Эмансипор почувствовал, как по спине пробежал холодок, но ему удалось не дрогнуть и не потупить взор, разглядывая незнакомца, пока тот изучал его самого. На вид новому хозяину было чуть более сорока. Глубоко посаженные глаза на бледном угловатом лице, высокий, почти квадратный лоб, длинные седеющие волосы, зачесанные назад и завязанные хвостом, как у матроса. Тронутая проседью остроконечная борода на решительном энергичном подбородке. Мужчина был одет в длинный, отороченный мехом утренний халат (пожалуй, чересчур теплый для Скорбного Минора), а его руки с длинными пальцами без единого перстня были сложены на шелковом поясе.

Эмансипор откашлялся.

– Ваше премногоблагородие! – рявкнул он и тут же подумал: «Проклятье, слишком уж громко».

Кожа в уголках глаз незнакомца слегка натянулась.

– Я Эмансипор Риз, – уже не столь громогласно продолжал Эмансипор. – Могу работать слугой, кучером, поваром...

– Да вы пьяны, – сказал незнакомец с акцентом, какого Риз никогда прежде не слышал. – И нос у вас разбит, хотя, похоже, уже почти не кровоточит.

– Приношу свои нижайшие извинения, сударь, – сумел выговорить Эмансипор. – В том, что я пьян, я виню свое горе. А в том, что у меня сломан нос, я виню деревянный столб или, может, булыжники.

– Горе?

– Скорблю по поводу ужасной личной трагедии, сударь.

– Какое несчастье. Ладно, заходите, господин Риз.

Комнаты за дверью занимали четверть верхнего этажа. Их роскошную обстановку составляли две большие кровати с балдахинами, накрытые мятыми простынями, письменный стол с выдвижными ящиками и кожаной подушечкой для локтей, а также низкий табурет перед ним. Стены украшали скверные фрески, вделанные в дешевые панно. Слева от стола находился большой платяной шкаф, с открытыми дверцами и пустой внутри. Возле него располагался вход в ванную, отгороженную расшитой бисером занавеской из мягкой кожи. Вдоль стены выстроились четыре потертых дорожных сундука высотой по грудь; лишь один из них был открыт, и в нем виднелась превосходная одежда в иноземном стиле, висящая на железных вешалках. Больше в комнате никого не было, но в ней ощущалось присутствие кого-то еще, что подтверждалось смятой постелью. Единственным по-настоящему странным предметом в комнате был кусок серого сланца величиной с тарелку, лежавший на ближней кровати. Хмуро взглянув на него, Эмансипор вздохнул и одарил незнакомца безмятежной улыбкой; тот спокойно стоял возле двери, уже закрытой и запертой на засов.

«Высокий. Легче будет притворяться, что кланяешься».

– Кто-нибудь может вас рекомендовать, господин Риз?

– Да, конечно! – Эмансипор вдруг обнаружил, что беспрерывно кивает. Он попытался перестать, но не смог. – Моя жена, Субли. Мы вместе уже тридцать один год...

– Я имею в виду вашего прошлого работодателя.

– Он умер.

– Тогда того, кто был до него.

– Тоже умер.

Незнакомец приподнял узкую бровь:

– А до него?

– Умер.

– А еще прежде?..

– А до этого я был рулевым на торговом корабле «Морская пена». Двадцать лет ходил в Стигт по Кровавому проливу.

– Ага... и где теперь этот корабль и его капитан?

– Затонули на глубине в шестьдесят морских саженей у Ридрийской отмели.

Вторая бровь незнакомца последовала за первой.

– Весьма впечатляюще, господин Риз.

Эмансипор моргнул.

«Как, интересно, у него получается фокус с бровями?»

– Да, сударь. Они все были прекрасные люди.

– И вы... каждую ночь скорбите по этим потерям?

– Прошу прощения? Нет, сударь, конечно нет. Только изредка, да и то днем. Вот так-то. Бедняга Балтро был достойным человеком.

– Балтро, говорите? Уж не тот ли это торговец Балтро, ставший последней жертвой безумца, который рыщет ночью по городу?

– Он самый. Я, сударь, последний, кто видел его живым.

Брови незнакомца поднялись выше.

– Естественно, не считая убийцы, – добавил Эмансипор.

– Естественно.

– Никто на меня никогда не жаловался.

– Это я уже понял, господин Риз. – Хозяин дома развел руками, показывая одной из них на табурет возле стола. – Прошу садиться, а я тем временем опишу круг обязанностей, каковые возлагаются на моего слугу.

Эмансипор снова улыбнулся, а затем подошел к столу и сел.

– В объявлении сказано, что предполагаются поездки?

– Это вас беспокоит, господин Риз? – Незнамец встал в изножье одной из кроватей, вновь сложив руки на поясе.

– Вовсе нет. Для меня это скорее стимул, сударь. Сейчас, когда моря успокоились и более не взимают кровавую жатву, я тоскую по брызгам морской воды, кренящейся палубе и качающемуся горизонту. Вверх и вниз, крен на правый борт... Что-то не так, сударь?

Незнамец нервно переступил с ноги на ногу, и его без того бледное лицо слегка посерело.

– Нет, все хорошо. Просто я предпочитаю путешествовать по суше. Как я понимаю, читать вы умеете? Или кого-то наняли для просмотра объявлений?

– О нет, я умею читать, сударь. У меня к этому талант. Могу читать по-минорски, по-клептски, по-стигтски – научился по картам, сударь. Наш лоцман слишком уж любил медовуху...

– А писать на этих языках вы тоже умеете?

– Да, сударь. И читать, и писать. Да что там, я даже по мелл'зански читать умею!

– В смысле, по-малазански? Вы имеете в виду Малазанскую империю?

– Ну да. Правда, мы здесь называем ее Мелл'занской.

– Понятно. Скажите, господин Риз, а вы не против работать по ночам и спать днем? Как я понимаю, вы женаты...

– Меня это вполне устраивает, сударь.

Незнамец нахмурился, затем кивнул:

– Что ж, прекрасно. Ваши обязанности включают решение повседневных вопросов, связанных с путешествиями. Оплата проезда, договоренности с портовыми властями, поиск соответствующего нашим потребностям ночлега, забота о том, чтобы наша одежда всегда была чистой, благоухающей и свободной от паразитов, и так далее – вы уже занимались раньше чем-то подобным, господин Риз?

– И этим, и даже хуже – в смысле, даже в большем объеме, сударь. Еще могу чистить и подковывать лошадей, чинить снасти, шить, читать карты, ориентироваться по звездам, вязать узлы, плести веревки...

– Да-да, прекрасно. Теперь что касается оплаты...

Эмансипор любезно улыбнулся:

– Я дешево стою, сударь. Дешевле некуда.

Незнамец вздохнул:

– С такими-то талантами? Не говорите глупостей, господин Риз. Вы себя недооцениваете. Предлагаю вам договор на год, с приличным депозитом в надежном банке, с которого будут регулярно переводиться деньги вашей семье. Ваши личные нужды будут удовлетворяться бес-

платно на протяжении всего времени, пока вы нас сопровождаете. Годовая сумма в тысячу двести стандартных серебряных соверенов вас устроит? – (Эмансипор изумленно уставился на него.) – Ну так как?

– Э... гм...

– Хорошо, тогда полторы тысячи. Полагаю, этого будет достаточно.

– Согласен! Да! Вполне достаточно, сударь! – «Худов дух, да это же больше, чем зарабатывает Балтро. В смысле, зарабатывал». – Где мне подписать договор, сударь? Могу я сразу же приступить к работе?

Эмансипор поднялся, выжидающе глядя на незнакомца. Тот улыбнулся:

– Подписать договор? Если хотите. Меня это не особо волнует.

– Гм... как мне к вам обращаться, сударь?

– Ах да, я не представился. Мое имя Бошелен. Обращение «хозяин» вполне меня устроит.

– Конечно, хозяин. А... гм... тот, второй?

– Второй?

– Ну, человек, с которым вы вместе путешествуете, хозяин.

– А... – Бошелен повернулся, задумчиво глядя на кусок сланца. – Его зовут Корбал Брош. Можно сказать, весьма неприятная личность. Как слуга вы отвечаете передо мной, и только передо мной. Сомневаюсь, что для мастера Броша будет от вас какая-то польза. – Он слегка улыбнулся, но взгляд его остался по-прежнему холоден. – Хотя на этот счет я могу и ошибаться. Ладно, там будет видно. А теперь я хотел бы отужинать – мясом с кровью и темным вином, не чрезмерно сладким. Можете передать мой заказ писарю внизу.

– Слушаюсь, хозяин, – поклонился Эмансипор.

Гульд стоял на верхней площадке скрипучей башни Мертвого Секаранда и, шурясь, разглядывал город сквозь наполненный миазмами дым, почти неподвижно висевший над крышами. Царившее внизу спокойствие странным образом контрастировало с ночными тучами над его головой, уносящимися в сторону моря, казалось, столь низко, что он инстинктивно пригнулся, прижавшись к скользкому, замшелому парапету и в страхе ожидая, когда поднимут на шестах сигнальные фонари.

В разгаре был тот сезон, когда небо нависало над городом, в течение многих дней заключая город в ловушку его собственного дыхания. Сезон зла, болезней и крыс, которых пляшущая луна гонит на улицу.

Хотя башне Мертвого Секаранда было меньше десяти лет, она уже успела опустеть и прослыть населенной призраками. Однако Гульд почти не ощущал страха, ведь он сам растил любовно черные сорняки древних слухов, что вполне соответствовало новому предназначению, которое он нашел для этого каменного сооружения. С находившегося почти в центре наблюдательного пункта его систему сигнальных шестов можно было увидеть из любой части Скорбного Минора.

В те дни, когда Мелл'занская империя впервые стала угрожать городам-государствам Клепта – в основном не здесь, а на другом побережье, где имперский кулак Сивогрив высадил свои силы вторжения, едва не завоевав весь остров, прежде чем его убили свои же собственные соратники, – в дни черного дыма и грозных ветров, в Скорбный Минор явился Секаранд. Назвав себя высшим чародеем, он заключил договор с королем Сельджуром, пообещав ему помощь в обороне города, и возвел это сооружение как столп своего могущества. То, что последовало затем, как говорится, покрыто мраком неизвестности. Люди до сих пор продолжали обсуждать случившееся и выдвигать самые разные версии (хотя Гульд знал больше подробностей, чем остальные). Секаранд вызвал духов-личей, чтобы те составили ему компанию в башне, и они то ли свели его с ума, то ли попросту убили: чародей спрыгнул (вполне воз-

можно, что не по своей воле) с этой самой зубчатой стены на булыжники мостовой. Какое-то время горожане мрачно шутили о внезапном и быстром падении высшего мага. Так или иначе, подобно мелл'занцам, сохранившим свое присутствие на Клепте лишь в одном-единственном захудалом порту на северо-западном побережье (где было расквартировано менее полка измотанной морской пехоты), Секаранд так и не выполнил свое обещание.

Гульд пользовался башней вот уже три года. Сержант встречал здесь нескольких теней, которые клялись, что служат обитавшему под фундаментом башни личу, но, помимо этого, они ничего больше не говорили и никогда ему не угрожали, так что причина их служения этому личу по-прежнему оставалась тайной.

Именно Гульд время от времени просил их стонать и завывать, дабы держать в страхе грабителей и просто любопытствующий народ. И они с неустанным усердием выполняли просьбу.

Тяжелые, как будто набрякшие кровью облака нависали над головой Гульда. Сержант стоял без движения, ожидая, что в любой момент на его лицо упадут первые капли дождя.

Вскоре, почувствовав рядом чье-то присутствие, он медленно повернулся и увидел тень, парящую возле люка в полу.

Облаченная в рваные лохмотья, спутанные полосы парусины, веревки и клочки выцветшего шелка на призрачных конечностях – все, что удерживало ее в этом мире смертных, – она не сводила с сержанта глаз, похожих на черные провалы на бледном лице.

Гульд с внезапной тревогой ощутил, что еще немного и тень бросится ему на спину.

«Один толчок, и я свалюсь вниз...»

Поняв, что ее обнаружили, призрачная фигура обмякла, что-то ворча себе под нос.

– Ну что, как тебе погодка? – спросил Гульд, борясь с дрожью. – Нравится?

– Некий дух заглушает звук и запах, – прохрипела тень. – Притупляет взгляд. Но невидимый танец продолжается.

– То есть?

– Ярок танец этого духа среди магических Путей. Мой хозяин, мой повелитель, лич из личей, верховный правитель, тот, кто пробудился после многовековой дремоты, но теперь преисполнен мудрости, мой хозяин посылает меня – меня, унылого раба, скромного знатока всей несправедливости, что, вне всякого сомнения, царит в мире и поныне, – чтобы я передал его настоящее предупреждение.

– Предупреждение? В смысле, эта погода сотворена колдовством?

– Охотник рыщет в ночи.

– Знаю, – проворчал Гульд. – Что еще с ним связанное ты чувствуешь? – спросил он, не рассчитывая на вразумительный ответ.

– Мой хозяин, мой повелитель, лич из...

– Подробности можешь опустить. Так что там насчет твоего хозяина? – прервал его Гульд.

– ...личей, верховный правитель, тот, кто...

– Хватит уже титулов!

– ...после многовековой...

– Тень, мне позвать изгоняющего бесов?

– Если бы ты не прерывал меня столь грубо, то услышал бы уже все до конца! – огрызнулся призрак. – Мой хозяин не желает оказаться среди тех, на кого идет охота. Вот.

Гульд нахмурился:

– Насколько же страшен этот убийца? Не важно, ты мне уже ответил. В данный момент мне его не остановить, кем бы он ни был. Если злоумышленник решит выследить твоего хозяина – что ж, могу лишь пожелать несчастному личу удачи.

– Забавно, – проворчала тень и медленно исчезла.

«Забавно? Чертовски странные тени обитают в этой башне, даже для призраков. Так или иначе, думай дальше, Гульд. Скорбный Минор известен своими чародеями, гадателями и про-

рицателями, колдунами и слухачами, провидцами и тому подобным, но это все в основном мелкая рыбешка – никто никогда не считал Клепт средоточием цивилизации. В Кореле, говорят, некий принц-демон заведует торговой компанией, а в старых болотах под городом неупокоенных не меньше, чем мошкары. Хорошо, что я живу не в Кореле. Стоп, не отвлекаться! О чем я думал? Ах да, о подозреваемых...»

В течение последующего часа ничего примечательного не происходило. Прозвучал и затих четвертый ночной колокол. И все же Гульд несколько не удивился, когда чуть позже над темными зданиями в близлежащем квартале в панической спешке взмыли три колеблющихся огня. «Двенадцатый. И так без конца, каждую ночь...» Возможно, Стуль Офан был прав – сигнальные огни поднялись из района особняков знати, над пронзенным и обескровленным сердцем города.

Повернувшись, сержант шагнул к люку, но тут же остановился, чувствуя, как от упавших на лоб капель его пробирает холодом до самых костей. Мгновение спустя он встряхнулся, подумав: «Это не кровь, а вода, ничего больше». Яростно рванув на себя тяжелую деревянную крышку люка, он быстро нырнул в темноту за ней.

Пока сержант спускался, вокруг завывали тени, и на этот раз Гульд знал, что леденящие душу стоны, со всех сторон отдающиеся эхом от каменных стен, не имеют ничего общего с тем, чтобы отгонять воров и искателей приключений.

За час до рассвета Бошелен велел Эмансипору приготовить ему постель. Другой – человек по имени Корбал Брош – так и не появился, что, похоже, не слишком беспокоило Бошелена, который провел ночь, нанося на кусок сланца магические символы и знаки. Склонившись над лежавшим на краю стола серым камнем, он гравировал на нем некие надписи, что-то бормоча себе под нос и сверяясь с полудюжиной книг в кожаных переплетах, в каждой из которых одна лишь бумага стояла больше годового жалованья среднего служащего.

Страдая от похмелья и смертельной усталости, Эмансипор бродил по комнате, наводя порядок после того, как убрал остатки ужина. Обнаружив в походном сундуке Бошелена прекрасной работы кольчугу из черного железа, по колено и с длинными рукавами, он как следует смазал ее, тщательно починив старые звенья, смятые и разрубленные. Доспех явно побывал не в одном бою, как и его хозяин. И все же, то и дело бросая искоса взгляд на Бошелена, Эмансипор с трудом мог поверить, что тот когда-либо был солдатом. Его новый хозяин трудился над камнем, бормоча, шурясь и иногда высовывая язык – будто художник, алхимик или чародей.

«Чертовски странный способ проводить ночь, – подумал Эмансипор. Мучившее его любопытство сдерживали подозрения, что человек этот и в самом деле практикует темную магию. – Но чем меньше знаешь, тем лучше».

Закончив с кольчугой, Риз вернул доспех на место, кряхтя под его скользкой тяжестью. Расправляя подбитые изнутри плечи на тяжелой вешалке, он заметил под ней длинный плоский ящик. Крышка его была закрыта, но он был не заперт. Эмансипор поднял ящик, снова застав под его немалым весом, и положил на свободную кровать. Удостоверившись, что Бошелен не обращает на него никакого внимания, Эмансипор откинул крышку и увидел внутри разобранный арбалет, дюжину стрел, окованных железом, и пару кольчужных перчаток с открытыми ладонями и срезанными концами пальцев.

Воспоминания унесли его во времена юности, на поле битвы, вошедшее в легенду как Горе Эстбанора, где разношерстное ополчение Клепта – это было еще до того, как в каждом из городов появился свой собственный король, – отбросило от Кореля наступающее войско. Среди корельских легионов были солдаты, носившие мелл'занское оружие – прекрасной работы, намного превосходящее любое местное. И вот сейчас Риз вновь увидел именно такое оружие, изготовленное искусным кузнецом, полностью сделанное из закаленного железа – может, даже из знаменитой д'аворской стали. Даже приклад был металлическим.

– Худов дух, – прошептал Эмансипор, любовно проводя по арбалету пальцами.

– Осторожнее с остриями, – проворчал Бошелен, подошедший к Эмансипору сзади. – Если поранитесь – умрете.

Слуга поспешно отдернул руку:

– Яд?

– Вы что же, Риз, думаете, будто я наемный убийца?

Повернувшись, Эмансипор встретился с его насмешливым взглядом.

– В свое время, – продолжал Бошелен, – я сменил множество занятий, но отравителем не был никогда. Оружие облечено заклятием.

– Вы чародей?

Губы хозяина изогнулись в улыбке.

– Многие называют себя таковыми. Вы поклоняетесь богам, Риз?

– Моя жена божится... в смысле, молится некоторым, хозяин.

– А вы?

– А смысл? – пожал плечами Эмансипор. – Праведники ведь тоже умирают! Насколько я понимаю, вера в высшие силы лишь удваивает стоимость похорон, только и всего. Впрочем, как-то раз мне довелось истово молиться: может, это спасло мою шкуру, а может, просто судьба позволила разминуться до времени с тенью Худа...

Взгляд Бошелена смягчился, став слегка рассеянным.

– До времени... – повторил он, как будто в этих словах имелся некий глубокий смысл, а затем хлопнул слугу по плечу и вернулся к столу. – Впереди у вас долгая жизнь, Риз. Не вижу даже тени от тени, и ваш смертный лик маячит где-то вдалеке.

– Смертный лик? – Эмансипор облизал внезапно пересохшие губы. – В смысле, вы... э-э-э... предрекли миг моей смерти?

– Насколько это возможно, – ответил Бошелен. – Иные завесы не так-то легко сорвать. Но думаю, я выяснил все, что требуется. – Он помедлил и добавил: – В любом случае оружие в чистке не нуждается. Можете вернуть его в сундук.

«Значит, он не простой чародей. Помеченный Худом некромант, ведающий тайны смерти. Проклятье, Субли, что же я делаю...»

Он закрыл крышку и защелкнул замки.

– Хозяин?

– Да? – Бошелен уже снова занялся своим камнем.

– Мой смертный лик... вы и в самом деле его видели?

– Ваше лицо? Да, я ведь уже сказал.

– И оно... было охвачено ужасом?

– Как ни удивительно, нет. Похоже, вы умрете, смеясь.

«Похоже, я умру, смеясь, – бормотал про себя Эмансипор, ковыляя по пустым темным улицам и видя перед мысленным взором лишь теплую постель, согретую Субли. – Проклятье, наверняка все это вранье и сказки, но лучше бы убежать без оглядки от этого торговца смертью как можно дальше! Королева Грез, во что же я только что вляпался? Поначалу решил, что мне повезло, а коли подумать хорошенько, то одни сплошные минусы. Сперва я был чересчур пьян, чтобы сообразить, что к чему, а потом стало уже слишком поздно. Этот тип видел мою смерть. Теперь я у него в руках. Мне уже не уйти. Он пошлет кого-нибудь – гуля, или к'нип-трилла, или какого-нибудь еще клятого призрака, который вырвет мне сердце, а Субли будет ругаться над окровавленными простынями у Стиральной скалы из-за того, что ей придется купить столько щелока, и проклянет мое имя даже после смерти, а дети передерутся из-за моих новых сапог и...»

Он внезапно остановился, наткнувшись на какого-то человека; ростом тот был с трелля-полукровку, а тело его оказалось твердым, как кипа кож.

– Прошу прощения, сударь, – сказал Эмансипор, вежливо наклонив голову.

Незнакомец поднял покрытую черной кольчугой руку, на конце которой виднелась массивная, плоская, бледная и странно мягкая с виду ладонь.

Эмансипор отступил еще на шаг. Воздух между ними вдруг словно заискрился, и что-то с силой сдавило ему внутренности.

Затем ладонь дрогнула, пальцы затрепетали, и рука снова медленно опустилась. Из-под капюшона незнакомца послышался негромкий смешок.

– Слава судьбе, для меня он помечен, – произнес он высоким дрожащим голосом.

– Еще раз прошу прощения, сударь, – повторил Эмансипор. Он понял, что оказался в районе особняков, двинувшись кратчайшим путем от «Печальника» до своего дома. Вообще-то, это было крайне глупо, учитывая, что квартал знати патрулировали жаждущие крови личные стражники аристократов, полные решимости поймать безумного убийцу, чтобы получить награду от своих хозяев. – Позвольте пройти, сударь. – Эмансипор сделал шаг вперед. Вокруг никого больше не было, и до рассвета оставалось еще четверть колокола.

Незнакомец снова хихикнул и сказал:

– До чего же спасительная метка. Ну как, пробрало тебя холодком? – В его речи слышался странный акцент.

– Ночь достаточно теплая, – пробормотал Риз, поспешно проходя мимо.

Незнакомец его не тронул, но, идя по улице, Эмансипор чувствовал на спине его ледяной взгляд.

Мгновение спустя он, к своему удивлению, увидел спешившую по другой стороне улицы еще одну фигуру в капюшоне – на этот раз миниатюрную, женскую. Еще больше Риза удивило появление мужчины в шуршащих и слегка позвякивающих доспехах, который следовал за женщиной.

«Худов вестник, а ведь солнце еще даже не взошло!»

Внезапно Эмансипор почувствовал, как на него наваливается усталость. Впереди поднялась какая-то суматоха. Он увидел огни фонарей, услышал крики, а затем истошный женский вопль. Поколебавшись, он двинулся кружным путем, обходя место происшествия и возвращаясь на более знакомую территорию.

Эмансипор почувствовал, как одежда липнет к телу, как будто он только что соприкоснулся с... чем-то крайне неприятным.

«Лучше привыкать, – встряхнувшись, подумал Риз. – Работать по ночам и все такое прочее. В любом случае вряд ли мне что-то угрожает – желания смеяться в эту клятую ночь у меня точно нет».

– Жуть, – пробормотал бледный как мел стражник, утирая рот тыльной стороной ладони.

Гульд кивнул. Ничего худшего ему видеть пока еще не доводилось. Молодой господин Хум-младший, находившийся в девятой степени родства с королевской династией, умер ужасающей смертью: бо́льшая часть его внутренностей была разбросана и размазана по половине переулка.

И тем не менее никто не слышал ни звука. Сержант прибыл на место происшествия меньше чем через четверть колокола после того, как на труп наткнулись двое патрульных стражников. Кровь и ошметки плоти еще не успели остыть.

Гульд послал по следу псов-ищеек и отправил капрала во дворец с двумя посланиями: одно для короля, а другое, составленное в куда более крепких выражениях, для мага Стуля Офана. Не считая его отряда и одинокой перепуганной лошади, все еще впряженной в опро-

кинутый экипаж господина Хума-младшего – опрокинутый, Худов дух! – за происходящим наблюдала лишь одна живая душа, чье присутствие крайне беспокоило Гульда.

Отвернувшись наконец от экипажа, он взглянул на женщину. Принцесса Шарн. Единственное дитя короля Сельджура. Его наследница и, если верить слухам, та еще стерва.

Хотя это могло означать грядущие неприятности, Гульд настоял на том, чтобы задержать королевскую особу. В конце концов, это ее вопль привлек внимание патруля, и вопрос, что делала принцесса в городе после четвертого ночного колокола – одна, без охраны, даже без служанки, – требовал ответа.

Прищурившись, он разглядывал закутанную в широкий плащ со скрывавшим лицо капюшоном девушку, к которой необычайно быстро вернулось самообладание. Нахмурившись, Гульд подошел к принцессе, дав знак отойти в сторону двоим стоявшим рядом с нею стражникам.

– Ваше высочество, – начал Гульд, – ваше спокойствие воистину достойно королевской особы. Признаюсь откровенно: я восхищен.

В ответ она лишь слегка наклонила голову.

Гульд потер подбородок, на мгновение отведя взгляд, а затем снова повернулся к собеседнице, придав лицу профессионально бесстрастное выражение.

– И я только рад этому, ибо сие означает, что я могу расспросить вас прямо здесь и сейчас, пока ваша память еще остается свежей и незамутненной...

– Вы чересчур бесцеремонны, – скучающим тоном произнесла принцесса.

Однако сержант проигнорировал ее слова.

– Ясно, что между вами и господином Хумом-младшим имелись тайные отношения. Вот только на этот раз либо вы опоздали на свидание, либо он пришел слишком рано. Так или иначе, вам сопутствовала Госпожа Удача, а бедному юноше не повезло. Могу представить, какое облегчение вы испытали, принцесса, не говоря уж о вашем отце, которого наверняка уже должным образом известили о чудесном спасении его единственной дочери. – Он помедлил, услышав, как убыстрилось ее дыхание. – Я хотел бы знать, что вы в точности заметили, когда пришли сюда. Может быть, вы видели кого-то еще? Что-то слышали? Почувствовали некий запах?

– Нет, – ответила принцесса. – Хуми был... был уже... В общем, вот такой! – Она махнула рукой в сторону переулка за спиной Гульда.

– Хуми?

– В смысле, господин Хум-младший.

– Скажите, принцесса, а где ваша служанка? Не могу поверить, что вы явились сюда в полном одиночестве. Наверняка она была вашей посыльной, ибо без тайных любовных писем здесь вряд ли обошлось...

– Да как вы смеете!

– Оставьте этот тон для своей дрожащей от страха свиты, – бросил Гульд. – Отвечайте!

– Ни слова больше! – послышался голос позади сержанта.

Обернувшись, он увидел мага Стуля Офана, который проталкивался через выстроившихся у входа в переулок стражников. Близился рассвет, и появление толстяка странным образом сопровождалось щебетом первых утренних птиц.

– Ваше высочество, – сказал Стуль, наклонив голову, – ваш отец, король, желает немедленно вас видеть. Можете воспользоваться моим экипажем. – Он пронзил Гульда яростным взглядом. – Сержант, полагаю, уже закончил.

Оба отступили назад, и принцесса Шарн поспешно скрылась внутри экипажа. Как только закрылась дверца и кучер хлестнул лошадей, Гульд обрушился на мага:

– Я, конечно, понимаю, что господин Хум-младший – далеко не подходящий объект для любовных утех драгоценной принцессы, и могу представить, что Сельджуру хочется похоро-

нить любые слухи о причастности к случившемуся королевских особ, – но если ты еще раз попытаешься помешать моему расследованию, Офан, я брошу крабам то, что от тебя останется! Понял?

Маг побагровел, затем побледнел:

– Это приказ короля, Гульд...

– И даже если бы он сам стоял тут над изуродованным трупом несчастного парня, я бы точно так же прямо задавал вопросы. Король – это всего лишь один-единственный человек, и его страх несравним со страхом целого города. И можешь передать королю, что если он хочет, чтобы ему вообще оставалось кем править, то пусть лучше держится в сторонке и не мешает мне делать мою работу. Боги, ты что, не чувствуешь всеобщую панику?

– Чувствую, и еще как! Кровь Огни, проклятье, да я и сам ее разделяю!

Схватив Стуля за парчовую мантию, Гульд потащил его в переулок.

– Смотри хорошенько, маг. Все случилось в полной тишине: никто вокруг не проснулся, даже собаки в садах молчали. Скажи, кто это сделал? – Он отпустил мантию Офана и отступил назад.

Маг поспешно произнес несколько заклинаний, и воздух вокруг него стал ледяным.

– Заклятие тишины, сержант, – прохрипел он. – Парень кричал – боги, как же он кричал! Но вокруг него сомкнулся сам воздух, окутав беднягу плотным покрывалом. Это высшее колдовство, Гульд. Выше просто не бывает. Даже запах не смог вырваться наружу и напугать собак по другую сторону этих стен...

– А как насчет экипажа? Такое впечатление, будто его протаранил бешеный бык. Проклятье, да загляни ты уже в мозги лошади!

Стуль Офан, шатаясь, подошел к дрожащему, покрытому пеной животному. Едва он протянул руку, конь моментально встал на дыбы, закатив глаза и прижав уши. Маг выругался.

– Лошадь свели с ума! Сердце у нее бьется что есть силы, но она не может сдвинуться с места. Не пройдет и часа, как бедолага сдохнет...

– Но что она видела? Какой образ остался перед ее глазами?

– Все стерто, – ответил Стуль Офан. – Начисто.

Оба повернулись, услышав быстро приближающийся стук кованых копыт по булыжникам. Появился всадник в доспехах, бесстрашно проехав на своем белом коне мимо стражников.

«Во имя Худа, какой вообще смысл в этом кордоне стражи?»

Новоприбывший был в белом, подбитом мехом плаще, покрытом белой эмалью железном шлеме и серебристой кольчуге. Головка эфеса его меча походила на цельный отполированный опал.

Выругавшись себе под нос, Гульд крикнул всаднику:

– Что привело вас сюда, Смертный Меч?

Всадник спешил и снял шлем, открыв узкое, испещренное шрамами лицо, на котором сверкали близко посаженные черные глаза. Взгляд его обратился к освещенной фонарями сцене в переулке.

– Гнуснейшее из деяний, – прохрипел он тонким срывающимся голосом. Рассказывали, что кинжал наемного убийцы Д’рек едва не рассек ему горло десяток лет назад – но Тульгорд Виз, Смертный Меч Сестер, выжил, в отличие от наемника.

– Это не вопрос религии, – сказал Гульд. – Хотя я благодарен вам за вашу клятву рыскать в ночи, пока убийца не будет найден...

– Найден, сударь? Да я поклялся порубить его на куски! И что вы, циничный неверующий, можете знать о вопросах религии? Вы не чувствуете во всем этом Худова смрада? А ты, маг, станешь отрицать истинность моих слов?

Стуль Офан пожал плечами:

– Могу со всей определенностью утверждать, Смертный Меч, что преступник – некромант, но это еще вовсе не означает, что он поклоняется Богу Смерти. Собственно, жрецы не признают некроمانтию. В конце концов, подобное темное искусство есть покушение на магический Путь Мертвых...

– Они не признают ее из чисто политической выгоды. Ты бесхребетный, плаксивый глупец, Офан. Я ведь скрещивал клинки с Вестником Худа – или ты уже забыл?

Гульд заметил, как вздрогнул при этих словах один из стражников.

– Вот что я вам скажу, Тульгورد Виз, – подал голос сержант. – Смерть в данном случае не была целью злоумышленника. Как не была ею и до этого.

– В каком смысле?

– Да в таком, что убийца... э-э-э... кое-что собирает...

– Что он собирает?

– Части тел.

– Части тел?

– Если точнее – органы. Те, что обычно считаются жизненно важными. Естественно, если их забрать, наступит смерть. Замечаете разницу?

Тульгورد Виз облокотился на луку седла:

– Семантика не относится к числу моих любимых игр, сударь. Если преступнику нужны только органы, то зачем ему тогда уничтожать души?

Гульд повернулся к магу:

– Тут и впрямь имеет место уничтожение душ, Стуль Офан?

Тот неуверенно пожал плечами:

– Или... их кража, сержант, что, естественно, проделать несколько сложнее...

– Но зачем красть души, если гораздо легче их уничтожить, дабы никто уже потом не смог их допросить?

– Не знаю.

Тульгورد Виз снова уселся в седло, положив на рукоять меча руку в перчатке.

– Не препятствуйте мне, сударь, – сказал он Гульду. – Мой клинок свершит справедливую кару.

– Пусть уж лучше этот безумец корчится на крючьях, – ответил Гульд. – Или вы считаете, что этого хватит, чтобы утолить охватившую город жажду крови?

Смертный Меч замолк, но лишь на мгновение.

– Полагаю, мой поступок вполне удовлетворит горожан, сударь...

– Вряд ли этого будет достаточно, Смертный Меч. Все-таки было бы лучше протащить преступника по всем улицам, но это уже зависит не от меня. В любом случае, – добавил Гульд, шагнув вперед, – это вам лучше держаться от меня подальше. Предупреждаю: даже не пытайтесь мне мешать, Смертный Меч.

Тульгورد Виз успел наполовину извлечь из ножен оружие, прежде чем к нему подскочил Стуль Офан, удержав его руку.

– Тульгورد, это уже слишком! – проблеял маг.

– Убери свои дряблые пальцы, свинья!

– Оглянитесь вокруг, сударь, умоляю вас!

Смертный Меч огляделся, затем медленно убрал оружие в ножны. В отличие от Стуля Офана, он явно не слышал лязга шести арбалетов, но все они теперь были направлены на него, и выражения лиц стражников Гульда не оставляли сомнений в их намерениях.

Сержант откашлялся.

– Это двенадцатая ночь подряд, Смертный Меч. Полагаю, мои люди принимают происходящее крайне близко к сердцу. Нам нужен убийца, и мы его найдем. Так что повторяю еще

раз: держитесь от меня подальше, сударь. Не хочу оскорблять ни вас, ни вашу честь, но попробуйте только снова вытащить меч, и вас мигом прикончат, будто бешеного пса.

Пинком отшвырнув Стуля Офана, Тульгорд Виз развернул коня.

– Вы насмехаетесь над богами, сударь, и ваша душа за это поплатится.

Он пришпорил коня и ускакал прочь.

Мгновение спустя впряженная в экипаж лошадь внезапно рухнула наземь, и тут же раздался тяжелый щелчок. Гульд поморщился, увидев, как все шесть арбалетных болтов вонзились в тело несчастного животного.

«Проклятье, у них, похоже, просто руки чешутся». Он мрачно посмотрел на пребывающих в замешательстве стражников.

Стуль Офан воспользовался возникшей неловкостью, чтобы поправить одежду.

– Ваш убийца – чужеземец, сержант, – сказал он, не поднимая взгляда. – Никто в Скорбном Миноре настолько не силен в некромантии, включая и меня.

Гульд кивком поблагодарил его.

– Я доложу королю, – продолжал маг, глядя на возвращающийся за ним экипаж, – о том, что вы сузили список подозреваемых, сержант. И еще добавлю от себя, что вы уже близки к тому, чтобы схватить преступника – если ничто не помешает.

– Надеюсь, ты прав, – проговорил Гульд, и искреннее сомнение, прозвучавшее в его голосе, явно озадачило Стуля Офана.

Молча кивнув, он направился к экипажу.

Гульд подождал, пока маг уедет, а затем отвел одного из стражников в сторону:

– Тебе что, встретился Вестник Худа?

– Виноват, не понял?

– Я видел, как ты отреагировал на заявление Виза. Естественно, Смертный Меч имел в виду нечто иное, потому что твердит об этом вот уже двадцать лет. Скажи: как ты понял его слова? Что тебя насторожило?

– Ну, возможно, мне просто показалось, сержант. Сегодня ночью я встретил в портовом районе какого-то пьяного старика, и он точно так себя и назвал: сказал, дескать, я – Вестник Худа. На самом деле наверняка ерунда...

– А что он делал?

– Похоже, читал объявление на столбе на Рыбной площади. Я слышал, оно все еще там, под охранным знаком.

– Скорее всего, действительно ничего особенного. Но проверить не помешает.

– Да хранят нас боги, сержант.

– Ладно, – прищурившись, буркнул Гульд. – Как только доложу королю, непременно глянем на то объявление. Пойдешь вместе со мной. Понял?

– Так точно, сержант.

В это мгновение вернулся псарь со своими собаками.

– Сплошная неразбериха, – сообщил он. – Они нашли след, оставленный то ли женщиной, то ли мужчиной, то ли обоими сразу, то ли вообще неизвестно кем. Один или два следа, а потом еще третий, сильно пахнувший солью и оружейным маслом, – псы прямо-таки рвались с поводков.

Гульд взглянул на полудюжину ищеек на обвисших поводках, с опущенной головой и вываленными языками.

– И куда вели все эти следы?

– Собаки потеряли их в порту: с вонью гниющих ракушек и рыбьих потрохов не поспоришь. А может, следы были заколдованы. Мои щеночки разнюхали целый мешок с тухлой рыбой – не похоже на них, я бы сказал. Очень не похоже.

– Судя по запаху, твои собаки не просто разнюхали этот самый мешок.

Псарь нахмурился:

– Мы подумали, что будет лучше скрыть наш запах, сударь.

Гульд шагнул ближе и тут же попятился.

«Худ меня побери, похоже, не только собаки извалялись в той рыбе!»

Он уставился на псаря.

Тот отвел взгляд, облизывая губы, и зевнул.

Из гостиной донесся голос Субли:

– Опять эти голуби! Расселись прямо у нас над головой, на карнизах, гадят в водосточные трубы – сделай хоть что-нибудь, Эмансипор! А теперь еще и... ох, храни меня Солиэль!

Визгливый голос жены проникал во все закоулки дома, и нигде от него не было спасения.

«Ничего, теперь мне уже недолго терпеть осталось, скоро уеду...» – утешал себя Эмансипор, понимая, что пребывает в дурном настроении из-за того, что не выспался и здорово перебрал накануне, зная, что нечестно поступает по отношению к своей несчастной жене, – прекрасно осознавая все это, но не в силах остановить поток темных мыслей. Риз помедлил, разглядывая в жестяном зеркале смутное изображение своего изборозжденного морщинами лица с налитыми кровью глазами, а затем вновь начал обрабатывать бритвой щетину.

На чердаке хныкали дети, эти спиногрызы скреблись и чесались так громко, что он слышал каждое касание грязных ногтей о кожу. Их отправили из школы домой, у обоих обнаружилась чесотка. Неудивительно, что жена была мрачнее тучи. Тут требовался алхимик – а это немалые деньги, – не говоря уже о моральной стороне дела. Чесотка – какой позор! Отвратительно пахнущая кожная плесень – проклятье уличных собак и беспризорников – вторглась в дом Ризов, оскверняя их положение в обществе, подрывая престиж и насмехаясь над их гордостью. Теперь, даже если отнести в храм Солиэль целый горшок золотых монет, уже все равно ничего не исправить.

Субли даже не сомневалась, откуда взялась эта зараза, и настойчиво твердила:

– Голуби, Эмансипор! Прогони их немедленно! Слышишь?

Утром настроение у нее было намного лучше. Она довольно неумело пыталась скрыть потрясение, вызванное известием, что муж столь быстро нашел работу, и еще более неумело – алчный блеск в глазах, когда он объяснил, какое жалованье ему положили. В награду Субли пока не сунула ему в руки метлу, выгнав на грязный, заваленный мусором и кусками сланца двор расправляться с голубями. Она даже позволила Манси лишний час поспать, прежде чем начать в ужасе рыдать над бесславным возвращением детей от наставника.

Теперь они могли позволить себе алхимика. Могли даже позволить себе перебраться поближе к школе, в более приличный район, полный достойных людей, до сих пор не встречавшихся в изобилующей драматическими подробностями жизни Субли.

Эмансипор убеждал себя, что не стоит особенно злиться на жену: в конце концов, она была рядом с ним все эти годы. «Как гора...» И у нее имелось собственное прошлое, мрачное, грязное и запятнанное кровью. Бедной женщине довелось пережить немало страданий, хотя это не помешало ей обзавестись двумя отпрысками в те годы, которые он в основном проводил в море. Эмансипор, хмурясь, снова прервал бритье. Мысль об этом грызла его постоянно, особенно если учесть, что никто из детей не был на него похож. Однако он участвовал в их воспитании, так что в каком-то смысле это уже не имело значения. Само их откровенно презрительное отношение к папаше было достаточным доказательством его отцовства, чья бы кровь ни текла в жилах ребятишек.

Эмансипор смыл с лица хлопья мыльной пены. Возможно, сегодня вечером его ждет встреча с тем другим, таинственным Корбалом Брошем. А еще с него снимут мерку для новой формы и выдадут ему дорожный саквояж.

– Поставь ловушки, Эмансипор! Сделай это, пока не ушел, слышишь?

– Да, дорогая.

– Зайдешь к алхимику?

Поднявшись с табурета, он потянулся к спинке кровати за курткой.

– К которому именно? Н'сармину? Тральпу-младшему?

– К Тральпу, естественно, олух!

«Значит, лечение обойдется на две серебряные кроны дороже. А Субли, как я погляжу, быстро приновилась к ситуации...»

– И поставь ловушки! Пусть Вестник Худа навестит этих клятых голубей!

Эмансипор нахмурился.

«Вестник Худа. Что там было вчера?...»

Риз тряхнул головой и пожал плечами.

– Проклятый эль, – пробормотал он, поправляя занавеску над входом в спальню. – Дорогая моя Субли... Ревущая гора... Ничего, уже скоро, совсем скоро я уеду отсюда...

Король не смог скрыть свой страх. В былые времена не сносить бы Гульду головы, подобное поведение правителя обрекло бы его на смерть от ножа наемного убийцы. Но Сельджур был уже стар – старше, чем многие думали. Разогнав всех наложниц, его величество теперь делил постель лишь с трепетной неопределенностью. Естественно, оставались еще сухопарые королевские советники со змеиным взглядом, однако те не присутствовали при докладе Гульда. Не хватало еще, чтобы они пронюхали, что король сильно напуган, и не просто орудующим в Миноре таинственным убийцей, но зарождающейся в Стигге темной бурей и грохотом, доносящимся с юга, со стороны Корели... Король потерял самообладание и бессвязно бормотал. Перед простым сержантом городской стражи. И в результате Гульд теперь знал о драгоценной принцессе Шарн больше, чем ему бы хотелось.

Пожав плечами, сержант двинулся по узкой, извилистой и горбящейся от могильников улице Хворей, направляясь к Рыбной площади. Похоже, над Скорбным Минором во всех смыслах сгустились сумерки. В любом случае Гульд исполнил свой долг, доложив обо всем королю Сельджуру, и получил вполне ожидаемый ответ: распоряжение подавить любые слухи о причастности к случившемуся королевской семьи. Об отце господина Хума-младшего, влиятельном землевладельце, уже позаботились – наверняка с помощью сундука денег и множества обещаний, – и теперь Гульд вернулся на застывшие в молчаливом напряжении улицы города.

Он оставил капрала сторожить объявление, хотя кража его выглядела крайне маловероятной, учитывая охранный знак, суливший вору смерть. Гульду пришлось бо́льшую часть дня ждать аудиенции у Сельджура, и, когда он вышел из дворца, солнце над заливом уже клонилось к закату. Известие об убийстве сына влиятельного аристократа нагнало на город еще больше страха; лавки закрывались, улицы пустели, ведь ночью на них должны были выйти наемные убийцы, тени благородного гнева, готовые мстить кому угодно. Этой ночью любой, по глупости оставшийся на улице без особых причин (или без оцетинившегося оружием отряда телохранителей), рисковал: ему могли запросто выпустить кишки.

Свернув за угол, Гульд вышел на площадь. Капрал, который нервно переминался с ноги на ногу, положив руку на короткий меч, был единственной оставшейся на ней живой душой, не считая тощей собаки, сидящего на столбе растрепанного ворона и десятка ссорившихся в сточной канаве чает.

С моря подул ветер, но он был лишь чуть прохладнее, чем нависшая над городом знойная духота. Гульд утер пот с верхней губы и подошел к капралу:

– Кто-нибудь пытался выяснить, почему ты здесь стоишь, парень?

Юноша покачал головой:

– Никак нет. Ну наконец-то вы пришли, сержант, а то я тут уже целый день торчу.

– Извини, – буркнул Гульд. – Задержался в королевском дворце. Небось ноги устали?

– Так точно.

– Что ж, давай их разомнем – прогуляемся по адресу, который указан в объявлении. Гостиница «Печальник». Ты знаешь, где это?

– Так точно, знаю. И я слышал от одного крысолова, что там живут двое чужеземцев, которые прибыли на «Туманном всаднике»...

– Продолжай.

Капрал переступил с ноги на ногу:

– В общем, «Туманный всадник» приплыл из Кореля, выгрузил какое-то железо, забрал груз и сегодня утром ушел в Мар. И еще эти чужеземцы наняли себе слугу.

– Вот как?

– Да, сержант, а до этого он служил кучером у торговца Балтро. Представляете?

Гульд нахмурился:

– Ладно, парень. Пошли. Какой, говоришь, там адрес?

– Слушаюсь, сержант. Гостиница «Печальник». Это недалеко.

Привратник Далыг понимающе ухмыльнулся, глядя на Гульда:

– Не удивлен, что вы пришли, сержант, совсем даже не удивлен. К Облеру, да? Вот только он теперь образумился и ростовщицеством вроде как больше не промышляет. По крайней мере, я ничего такого не замечал и...

– У вас тут недавно поселились двое гостей, – прервал его Гульд. – Чужеземцев.

– Гм... ну да. Весьма своеобразная парочка.

– Что же в них такого особенного?

Привратник хмуро поскреб в затылке.

– Ну... – сказал он. – В общем, странные типы. Один так вообще никогда комнату не покидает.

– А другой?

– Тоже не часто, а теперь, когда они обзавелись слугой, тем более. Мало того что они торчат там безвылазно, так и к ним тоже никто не ходит, и даже едят они у себя в комнате.

Гульд кивнул:

– Значит, сейчас оба постояльца здесь?

– Да, сударь.

Оставив капрала с привратником, сержант вошел в гостиницу «Печальник» и тут же наткнулся на управляющего, который держал в руках чашу для пожертвований и тряпку. Быстро поставив чашу на полку, тот сунул тряпку за пояс.

– Чем могу помочь, господин стражник?

Гульд взглянул на его нервно переплетающиеся пальцы, длинные и чумазые:

– Облер, как я понимаю? Ведешь теперь честную жизнь?

Тот побледнел:

– Совершенно верно. Вот уже несколько лет я управляю этой гостиницей, а заодно подрабатываю писарем. Я теперь уважаемый человек, сударь. Честно тружусь и все такое. – Глаза Облера забежали по сторонам.

– Я хочу потолковать с двумя твоими гостями-чужеземцами, Облер.

– Вот как? Сейчас их позову.

– Я пойду с тобой.

– Гм... ладно, как вам будет угодно. Следуйте за мной, сударь.

Поднявшись по узкой, покрытой толстым ковром лестнице, они двинулись по коридору. Управляющий постучал в дверь. Мгновение спустя с другой стороны послышался старческий голос:

– Что тебе, Облер?

Писарь наклонился к уху Гульда.

– Это Риз, – прошептал он. – Слуга. – А затем крикнул: – Тут пришел стражник и хочет поговорить с твоими хозяевами, Риз! Открой, будь так любезен!

Гульд злобно уставился на Облера.

– Вовсе ни к чему было сообщать подробности, – прошипел он, – мог бы просто попросить его впустить тебя.

Услышав доносящееся изнутри бормотание, сержант уже поднял было руку, чтобы еще раз с силой постучать в дверь, но внезапно она распахнулась, и в коридор быстро выскользнул слуга, снова закрыв дверь за собой.

Немолодой мужчина широко раскрыл глаза, узнав сержанта.

– Ага, Эмансипор Риз, – медленно проговорил Гульд. – Помнится, я допрашивал тебя меньше двух дней назад, а теперь мы снова встретились. Странно.

– Я всего лишь нашел новую работу, – буркнул Риз. – И ничего больше.

– А разве я говорил, будто есть что-то еще?

– Вы сказали «странно», но, как по мне, в этом нет ничего странного, не считая вашего здесь появления.

«Гм, а старик, похоже, соображает...»

– Я хочу поговорить с твоими хозяевами. Можешь обо мне доложить, или как там у вас принято...

– Увы, сержант, но мой хозяин с сожалением вынужден сообщить, что сегодня вечером он не принимает гостей, поскольку в его исследованиях наступил критический момент...

– Я не в гости сюда пришел, старик. Или доложи обо мне, или отойди с дороги и не мешай. Мне нужно поговорить с этими двоими.

– Там только один, – сказал Риз. – Видите ли, сержант, мастер Бошелен – ученый. Он не желает, чтобы его отвлекали...

Зарывав, Гульд попытался оттолкнуть Риза, но тот крепко стоял на ногах. Сержанта удивило, что в старике столько силы: а ведь глядя на него, и не скажешь. Но тут он увидел на правом предплечье слуги старые шрамы от меча.

«Проклятый ветеран! Терпеть не могу старых солдат – они ни перед кем не прогибаются».

Гульд отступил назад, положив руку на меч:

– Смотрю, ты готов из кожи вон лезть, Риз, защищая право своего хозяина на уединение. Но я сержант городской стражи и прибыл сюда не просто так, но как лицо официальное. Если и дальше будешь мне препятствовать, мигом окажешься в колодках. – Гульд напрягся, видя, как помрачнело и напряглось морщинистое лицо Риза. «Проклятье, с такими связываться опасно!» – Поверь мне, не стоит усугублять положение. Ты сделаешь только хуже.

– Если я впущу вас, сержант, – голос Риза напоминал скрежет гравия в полосе приборя, – то меня, скорее всего, уволят. А я никак не могу лишиться места, сударь. Как вам известно, я не из числа особо везучих. Мне позарез нужна эта работа, и я намерен ее сохранить. Если у вас есть вопросы, возможно, я сумею на них ответить, а может, и нет, но войти я вам точно не позволю.

– Худов дух, – вздохнул Гульд, отступая еще на шаг. Он повернулся к управляющему, который беспомощно жестикулировал, издавая невнятные звуки. – Позови-ка моего капрала, Облер. Он ждет внизу у входа. Скажи, чтобы поторапливался и держал оружие наготове. Понял?

– Умоляю вас, господин сержант...

– Кому я сказал! А ну, пошевеливайся!

Писарь послушно поспешил по коридору.

Гульд снова развернулся к стоявшему с обреченным видом Ризу и тихо проговорил:

– Сейчас явится капрал. Тебя разоружат и свяжут. Шум поднимется такой, что слышно будет далеко. Никто не усомнится в том, что ты сделал все, что мог. Ни один хозяин, у которого достаточно мозгов, не найдет повода тебя уволить. Короче, делай, как я говорю, Риз, и тогда тебя не арестуют. И не убьют. В противном случае мы как следует над тобой поработаем, пока дух не испустишь, а потом для верности еще и прирежем. Ну так как, согласен мне помочь?

Риз безвольно обмяк:

– Ну ты и сволочь, сержант! Ладно, ваша взяла.

На лестнице раздались топот тяжелых сапог капрала и лязг ударяющихся о перила ножен, а затем послышалось его судорожное дыхание, и наконец появился он сам с побагровевшим лицом, выставив перед собой меч. Глаза парня изумленно расширились при виде спокойно стоящих сержанта и слуги. Гульд помахал подчиненному, и тот побежал к сержанту.

Гульд снова повернулся к Ризу.

– Ладно, – прошептал он, – сыграем поубедительнее.

Протянув руку, он схватил слугу за расшитый парчой воротник. Старик взревел, с силой лягнув ногой дверной косяк. Оттащив Риза в сторону, Гульд толкнул его к стене. Тут появился капрал.

– Приставь меч к шее этого подонка! – приказал Гульд.

Капрал с необычным усердием подчинился, едва не резанув Риза по горлу, пока встревоженный Гульд не отвел назад его руку.

В это мгновение дверь открылась. Появившийся на пороге человек лениво окинул взглядом происходящее в коридоре, затем посмотрел в глаза стражнику.

– Отпустите моего слугу, сударь, – мягко проговорил он.

Гульд почувствовал, как по его жилам пробежал холодок.

«С этим шутить точно не стоит», – подумал сержант и махнул рукой стражнику:

– Отойди назад, парень. – (Капрал в замешательстве подчинился.) – Убери оружие, – приказал Гульд.

Меч с шорохом и щелчком скользнул обратно в ножны.

– Вот так-то лучше, – сказал чужеземец. – Пожалуйста, заходите, сержант, раз уж вам так хочется меня видеть. Эмансипор, прошу с нами.

Гульд кивнул капралу:

– Жди здесь.

– Есть.

Все трое вошли в комнату. Риз закрыл за собой дверь и опустил засов.

Гульд огляделся. Заваленный кусками сланца стол, еще свежие остатки завтрака на стуле. («Странно, уже почти вечер», – подумал сержант.) Две незаправленные кровати, дорожные сундуки, из которых открыт был только один: сержант увидел внутри самую обычную одежду, наброшенную на ящик с каким-то оружием, и кольчугу. Остальные три сундука были надежно заперты. Гульд шагнул к столу, разглядывая сланец.

– Не узнаю эти руны, – сказал он, поворачиваясь к сурово смотревшему на него чужеземцу. – Откуда вы прибыли?

– Из далекой земли, сержант. Увы, ее название ничего вам не скажет.

– А у вас есть способности к языкам, – заметил Гульд.

Иностранец поднял бровь:

– Весьма умеренные. Как я понимаю, мой акцент вполне отчетлив.

– Как давно вы выучили клептский?

– Этот язык так называется? Я думал, это минорский.

– Клепт – остров, а Минор – город на нем. Я задал вам вопрос, сударь.

– Как давно я освоил ваш язык? Это столь важно? Что ж, отвечу... около трех недель назад. Пока мы плыли из Кореля, я нанял одного матроса, уроженца этого острова, чтобы он меня учил. В любом случае здешний язык явно похож на корельский.

– Вы чародей, сударь?

Чужеземец слегка наклонил голову:

– Мое имя Бошелен.

– А ваш спутник?

– Корбал Брош. Он освобожденный евнух, сударь.

– Евнух?

Бошелен снова кивнул.

– Среди народа, из которого он происходит, этой малоприятной операции подвергают всех рабов мужского пола. По очевидным причинам Корбал Брош предпочитает уединение, мир и покой.

– Где же он? В одном из этих сундуков?

– Я вовсе не говорил, будто он кого-то стесняется, сержант. Нет, в данный момент Корбал Брош за городом, он не переносит большие толпы.

– Где именно?

– Точно не знаю. Он... блуждает.

Гульд взглянул на куски сланца:

– Что это?

– Плоды неудачных попыток, сержант. Местный сланец обладает интересными минеральными свойствами – наверняка именно потому его использовали древние строители гробниц. Внутри его содержится природная энергия. И я пытаюсь ее... обуздать.

– Как долго вы намерены пробыть в Миноре?

Бошелен пожал плечами:

– Зависит от того, увенчаются ли успехом мои усилия. Естественно, – он слегка улыбнулся, – даже моему терпению есть предел.

Гульд почувствовал в словах собеседника скрытую угрозу, некое предупреждение, но виду не подал.

– А как вы общаетесь со своим другом, этим евнухом?..

«Проклятье, с чего мне вдруг так не по себе? В истории Минора были свои мрачные эпохи: тут тоже практиковались рабство и кастрация... Почему же, во имя Худа, у меня аж мороз по коже?»

Бошелен снова пожал плечами:

– Использую простейшее заклинание для связи. Он явится в назначенное для встречи место точно в указанное время.

– Вы некромант, Бошелен? – небрежно поинтересовался Гульд, наблюдая за реакцией собеседника, но не почувствовал ничего, кроме едва заметного веселья.

– Нет, что вы, сержант. Слишком уж это зловещее занятие. У меня нет никакого желания ступить на Тропу Худа...

– Худа? Некоторые утверждают, будто это нечто совершенно противоположное...

– На сей счет существует множество предположений. Я лично склонен согласиться с теорией мудреца Кульпа-старшего, что некромантия находится на пороге Тропы Худа – в промежутке между жизнью и смертью, если вам так будет угодно. Некроманты, возможно, знают больше, но не в их обычае распространяться на эту тему. Те, кто практикует смертное искусство, крайне скрытны – в силу естественных причин.

Кивнув, Гульд медленно направился к двери.

– Ваш слуга – упрямый человек, Бошелен. Он был готов отдать свою жизнь, защищая ваше право на уединение.

– Знай я об этом, – сказал Бошелен, бросив взгляд на Риза, – я бы предупредил его насчет тех, кто не понимает ответа «нет».

– Неплохая мысль, – буркнул Гульд. – Вы едва не лишились достойного человека и хорошего слуги.

– Воистину, это было бы весьма печально. Спасибо за заботу. Больше вы от меня ничего не хотите?

– Пока нет, – ответил Гульд, останавливаясь на пороге. – Вы заплатили за эту комнату вперед?

– До конца недели, сержант. А что?

Гульд открыл дверь, пряча кривую усмешку.

«Чего это он вдруг так напрягся?»

– Всего хорошего, сударь.

Сержант вышел в коридор, закрыв за собой дверь. Снаружи, буквально выпучив глаза от нетерпения, ждали капрал и Облер. Гульд двинулся по коридору. Оба последовали за ним.

– Бошелен говорит, что они заплатили за неделю вперед, – сказал Гульд Облеру.

– Так и есть, сударь, – кивнул управляющий гостиницей.

– То есть пробудут здесь еще как минимум четыре дня?

– Верно.

– Капрал?

– Да, сержант?

– Оставайся возле здания, пока тебя не сменят. Облер, здесь есть черный ход?

– Да, но он тщательно заперт, закрыт на три засова.

– Это еще почему?

Писарь постучал пальцем под левым глазом и осклабился:

– Слишком уж громко дверь лязгает. Я каждый раз просыпаюсь, сударь.

– А как давно черным ходом пользовались в последний раз?

– Уже несколько недель прошло. С тех пор как появились эти двое – ни разу.

– Значит, Корбал Брош ушел через главный вход?

Облер остановился на лестничной площадке:

– Корбал Брош? Это который же из них, сударь?

– Евнух. Которого сейчас здесь нет.

– Точно нет? Вы уверены, сударь? С тех пор как они заселились, я видел выходящим из комнаты только одного – того самого, с кем вы только что говорили. Второй должен быть там, сударь, он никуда не выходил.

Гульд нахмурился:

– Ошибаешься, Облер.

Писарь, однако, лишь покачал головой.

– Ладно... А скажи мне: этот Корбал Брош что-нибудь ест?

– Гм... нет, сударь.

Сержант нахмурился еще сильнее. Глаза управляющего забегали, и он облизал губы.

– Коли подумать, сударь, так это и в самом деле странно. Если только второй не делится с ним едой. Может, они постятся или еще что.

Гульд двинулся дальше по лестнице. Капрал следовал за ним по пятам, а сзади семенил Облер.

– Как вообще выглядел этот евнух? – не оборачиваясь, спросил сержант у управляющего гостиницей.

– Рослый, сударь. Просто огромный. Кажется, вообще ни слова не сказал, только постоянно улыбался. Липкий, как дохлый кит, сударь, – вот как он выглядел. Я понятия не имел,

что он евнух, но сразу почувствовал: что-то с ним не так. А теперь, когда вы сказали, сомнений нет: точно евнух.

– Выпейте вина, – сказал Бошелен, наливая до краев два кубка и протягивая один Ризу. Тот с благодарностью его принял.

– Прошу прощения, хозяин...

– Не за что. Как сказал тот стражник, было бы крайне печально – и нежелательно, – если бы вы хоть как-то пострадали. – Он вопросительно взглянул на старика. – С чего вдруг такое упрямство? Вы производите впечатление разумного человека, Риз, – и вдруг попытались оказать сопротивление сержанту городской стражи...

– Ну... просто я не хотел подвести вас, хозяин. Мне... э-э-э... нравится эта работа.

– Боялись ее потерять? Пусть вас это не беспокоит, Риз. Мы считаем вас просто идеальным слугой.

«Мы?» Эмансипор огляделся.

– И, кроме того, любезный Риз, – продолжал чародей, потягивая вино, – я предвижу, что наше знакомство будет долгим.

– Да? Э-э-э...

– Хотя ваш разум все еще скрывает от меня свои тайны.

– В самом деле, хозяин?

– Гм... например, ваша жена, с которой вы живете вот уже тридцать лет...

– Субли? Ну, я частенько на нее ворчу, хозяин, это верно, но она все это время была рядом со мной, а иногда мне больше просто не за кого держаться, сударь, если вы меня понимаете. Я люблю ее всей душой...

– Знаю. Не в том дело, Риз. Я слышу в ваших мыслях ее голос, но не нахожу образа – я не вижу жену внутри вас, и именно это кажется мне столь странным...

Несколько мгновений они, не моргая, смотрели друг на друга поверх золотых кубков, а затем Бошелен допил остатки вина, кашлянул и отвел взгляд.

– У меня будет завтра для вас работа, Риз.

– Да, хозяин?

– Вот что, любезный... – Бошелен снова наполнил свой кубок. – Найдите нам место на корабле. На судне, которое идет как можно дальше на восток.

Эмансипор прищурился:

– Хорошо, хозяин. Мне потребовать с Облера деньги, которые вы заплатили вперед?

– Нет, пусть забирает. Но в ближайшие два дня я хотел бы покинуть Минор. Это возможно?

– Сейчас начало сезона, хозяин. Можете не сомневаться.

– Отлично. И вот еще что, Риз...

– Да, хозяин?

– Будьте осторожнее.

– Само собой, хозяин.

– Вы уже встречались раньше с тем сержантом?

Эмансипор кивнул:

– Да, причем дважды. Год назад, когда убили моего работодателя, а потом – когда убили торговца Балтро.

– Похоже, он весьма сообразителен, – задумчиво кивнул Бошелен.

– Во всех отношениях, хозяин. Сержант Гульд у нас местная знаменитость. Сам король приказывает ему вести расследования. В смысле, определенного рода. В основном убийств. Гульд никогда еще его не подводил.

– Как я понимаю, именно он ищет этого ночного убийцу, который наводит на город ужас?

– Да, сударь.

– Что ж, – улыбнулся Бошелен, – полагаю вполне естественным, что Гульд решил допросить чужеземцев вроде нас. Вы согласны?

– Пожалуй, да, хозяин, – бесстрастно подтвердил Риз.

– Но даже при всем этом, – продолжал Бошелен, глядя на вино в своем кубке, – я ценю уединение и не люблю излишнего внимания со стороны... официальных лиц. Потому я и решил отправиться в путь раньше, чем мы планировали. Однако мне не хотелось бы лишний раз тревожить Гульда. Это совершенно ни к чему...

– Он ни слова не услышит, хозяин.

– Вот и отлично. Оставайтесь ночевать здесь: вы мне нужны завтра свежим и выспавшимся.

– Да, хозяин. Спасибо, хозяин.

Эмансипор лег на кровать.

«Ни к чему лишний раз тревожить Гульда, говоришь? Ну-ну! „Вы некромант, Бошелен?“

– „Нет, что вы, сержант. Слишком уж это зловещее занятие“. Проклятье, и во что я только ввязался?»

Эмансипор очень сильно устал, но на полноценный сон не рассчитывал. Какой уж там отдых.

Гульд остановился на неосвещенном пороге таверны «У Косого», чувствуя, как глаза разъедает густой дым, заполнявший тесное помещение с низким потолком, а в уши врывается ропот множества голосов.

Из толпы появился солдат, которого он послал следить за чужеземцем, подошел к сержанту и отрапортовал:

– Он сидит сзади. От стойки его лучше видно.

– Веди, – проворчал Гульд.

Пока сержант и его подчиненный проталкивались к длинной прогнувшейся стойке, что тянулась вдоль одной из стен, голоса завсегдатаев по обеим сторонам от них настороженно затихали, но тут же слышались снова за их спиной: посетители с облегчением понимали, что это пришли не за ними. Таверна «У Косого» считалась в Скорбном Миноре одним из самых сомнительных заведений. Будь у Гульда такое желание – и еще тридцать стражников, – он мог бы арестовать всех присутствующих, просто из принципа: наверняка каждому из них нашлось бы что предъявить.

Наконец они добрались до стойки. Молодой солдат повернулся и показал на столы в задней части зала:

– Вон там, сержант.

За крайним столом, спиной к стене, сидел в одиночестве некто в сером плаще с капюшоном, надвинутым так глубоко, что лицо его скрывалось в тени. С того места, где стоял Гульд, видны были правая нога ниже колена, обутая в мокасин, и большой охотничий нож в ножнах на голени. Худые загорелые руки с длинными пальцами, обнимавшие кружку, были покрыты шрамами. К стене за спиной незнакомца был прислонен большой лук со спущенной тетивой.

Нахмурившись, Гульд шагнул было вперед, но солдат остановил его:

– Нет, сержант, не этот. Вон тот.

– Ага.

«То-то я удивился – с чего бы это он вдруг сменил одежду?» Чужеземец, которого сержант заметил на месте двух последних убийств, обедал за столом по соседству с тем, который занимал человек в капюшоне. Все так же в доспехах, сидя спиной к залу, он шумно поглощал пищу: его чавканье, ворчание и фыркание было слышно даже с расстояния в шесть шагов, среди царящей вокруг какофонии.

– Жди здесь, солдат, – приказал Гульд и направился к столу.

Вместе с чужеземцем сидел какой-то местный житель, который болтал не переставая:

– ...Ну, вот я и говорю себе: так это ж не мой дом! Уж всяко не похоже! Крыша мне едва по грудь, а я, сам видишь, невысокого роста. Ты был тут во время дождей? Две недели назад? Настоящий потоп! Так что же оказалось? В общем, дом стоял на могильнике – обычное дело тут, в Скорбном Миноре, верно? Но сток забился, и вода проложила другой путь к морю – прямо сквозь могильник под нами! И вся эта клятая дрянь осела, утащив с собой наше жилище! И мало того, там была моя жена, в постели, но не одна! О нет! Только не моя любимая Мулли! С ней были аж четверо – целых четверо! – клятых призраков. Мелких, конечно, – что еще может вылезти из этих могил? – но достаточно сильных, чтобы щекотать ее, тыкать и гладить в разных местах, а Мулли только знай себе стонала – как же им, наверное, было весело! – и просила: «Еще! Еще!...»

– Хватит уже молоть чушь! – рявкнул Гульд.

Рассказчик поднял взгляд и кивнул:

– Клянусь: все так и было! И вот я ей говорю...

– Заткнись! – бросил сержант. – Найди себе другой стол! Быстро!

Чужеземец взглянул на Гульда и вернулся к еде.

– Э-э-э... – пробормотал местный, отодвигая стул. – Ладно, ухожу. Я вас понял, сержант Гульд: да, я вас знаю, сто раз видел. Имейте в виду, я ничего незаконного не делал, в любом случае не докажете...

– Убирайся немедленно, – вышел из себя Гульд, – или я упеку тебя в колодки недели на две, а то и на три – и ничего доказывать не придется!

– Понял, ухожу! Всё-всё, считайте, меня здесь уже нет...

Посмотрев вслед поспешно скрывшемуся в толпе горожанину, Гульд вздохнул и медленно опустился на освободившийся стул рядом с чужеземцем.

– У меня к тебе несколько вопросов, – негромко сказал он.

Чужеземец рыгнул, что-то невразумительно буркнул себе под нос и продолжил есть.

– Откуда ты взялся? И почему тебя столь интересуют места убийств?

Его собеседник фыркнул и покачал головой, все так же не глядя в глаза Гульду. И ответил с сильным акцентом:

– Так, просто посмотреть, сержант.

– В Миноре, конечно, смотреть особо нечего, но уж всяко найдется что-нибудь помимо переулков с расчлененными трупами.

– Неужели? – Чужеземец на мгновение оторвался от еды.

– Если, конечно, – продолжал Гульд, – убийства – не твоя работа.

Парень взял хлебную корку и начал промокать ею остатки бульона в миске.

– Ну что вы, сержант, такого я себе не позволяю.

– Послушай, – не стал ходить вокруг да около Гульд, – зачем ты сюда явился?

– Да так... я, вообще-то, здесь проездом.

– То есть завтра уезжаешь?

Он пожал плечами:

– Возможно.

– Где ты остановился?

И тут чужеземец вдруг широко улыбнулся:

– Это наверняка знает тот стражник, которого вы послали следить за мной.

Сержант прищурился:

– Он постоянно докладывает мне о твоих перемещениях. Если в назначенное время от него не будет никаких вестей, я лично тебя отыщу.

– Как пожелаете.

Гульд поднялся.

– Ты оставил кусок хлеба, – заметил он.

– Это для богов.

– А что, если они не голодны?

– Они всегда голодны, сержант.

– Ужасно выглядишь, Манси, – ухмыльнулся Крыга, когда Эмансипор тяжело опустился на стул. – Что, Субли по ночам спать не дает, старик? – Крыга подмигнул сидевшему напротив Зануде. – Если спросишь меня, то скажу, что аппетиты у этой бабы, похоже, еще те...

– Я тебя ни о чем не спрашивал, – буркнул Эмансипор, уставившись в кружку с темным элем, – да и зачем? Можно подумать, будто я и так не знаю.

– Само собой, знаешь! – согласился Зануда.

– Эй, – сказал Крыга, откинувшись на спинку стула, – ты, случайно, не подхватил чесотку, которую притащили твои спиногрызы?

– Нет.

– Рад слышать. – Крыга вздохнул. – У меня как-то была чесотка. Кошмар. Боги, эта дрянь за ушами...

– Хватит об этом! – прорычал Зануда.

Сделав большой глоток эля, Эмансипор облокотился на стол:

– Мне нужно найти корабль. Который отходит сегодня вечером или завтра утром.

Зануда удивленно поднял брови. Он встретился взглядом с Крыгой, затем оба придвинулись ближе.

– Ну, – пробормотал Зануда, – это не так уж и сложно.

– Он прав, – кивнул Крыга. – Легче некуда. Хотя все зависит от того, что именно ты ищешь. Коли нужно провернуть какое-то тайное дельце, то «Плавучий амбар» вряд ли сойдет: тамошний капитан Пуммель слишком уж правильный. Предпочитает, чтобы все было по закону и так далее.

– А если тебе нужен быстрый и надежный корабль, – сказал Зануда, – не бери «Большое корыто», оно едва на воде держится, а капитан Турб задолжал половине минорских ростовщиков, включая Облера, так что ему даже ремонт толком не сделать.

– «Туча мух» вполне могла бы сойтись, но я слышал, крысы согнали всю команду на берег, и неизвестно, когда матросы попытаются отбить свой корабль, да и попытаются ли вообще. – Крыга нахмурился и покачал головой. – Получается, если подумать, то на самом деле задача не такая уж и простая.

Зануда поднял узловатый палец:

– Погоди-ка. Есть один корабль. «Солнечный локон».

Крыга поперхнулся пивом. Несколько мгновений Риз и Зануда смотрели, как их товарищ, побагровев, давится и кашляет, пока ему не удалось наконец вздохнуть.

Эмансипор повернулся к Зануде:

– «Солнечный локон», говоришь? Не знаю такого...

– Пришел из Стратема, – небрежно пожав плечами, объяснил Зануда. – Ему требовался кое-какой ремонт. Мы с Крыгой поработали на разгрузке, а потом содрали с них хорошую цену за железные гвозди.

Крыга, вновь обретший способность говорить, откашлялся.

– Угу, Зануда верно заметил. Вполне приличный корабль, не какая-то там лохань. Капитан скромнее некуда – во имя Худа, там вся команда такая, тихая и молчаливая. Да, «Солнечный локон» как раз подойдет для твоих нужд, Манси, каковыми бы те ни были. Этот корабль нынче стоит на Торговом причале, его только что с катков спустили. Отлично на воде держится.

Эмансипор допил эль и поднялся. Он настолько устал, что ему казалось, будто его мысли плавают в густом тумане.

– Спасибо. Прямо туда и отправлюсь. Пока.

– Пока, Манси, и не за что. Эй, а Субли нашла толкового алхимика?

«Странно, не помню, чтобы я что-нибудь говорил им об этом, – подумал Эмансипор. – Хотя, наверное, все-таки говорил. Крыга души не чаёт в нашем младшем сынишке – вот и беспокоится. До чего же приятный и заботливый человек этот Крыга».

– Да, все хорошо. Спасибо, что спросил.

– Не проблема, Манси. Рад был тебя видеть.

– И я тоже, – добавил Зануда. – До встречи, Манси.

Сержант Гульд пробирался по Кукольной улице. Семьдесят семь шагов по извилистому, погруженному в тень переулку. Он чувствовал, как задевает плечами сотни кукол из дерева, кости, тряпок и перьев, подвешенных за шею к навесам лавок по обе стороны улицы на сплетенных из водорослей лохматых шнурках. Глаза – из раковин, гвоздей или просто нарисованные, – казалось, следили за ним, будто все эти жуткие марионетки были одержимы демонами. А что, чего только на свете не бывает, это Гульд знал точно. Так или иначе, Кукольная улица не относилась к числу его любимых мест в Скорбном Миноре. Если сейчас за ним и следили чьи-то человеческие глаза, то люди эти прятались в холодном полумраке внутри лавок.

По иронии судьбы лавчонка Милены Чернонос оказалась в самом дальнем тупике: здание, притулившееся к стене какого-то склада, выходило фасадом на неровную булыжную мостовую. С выступающего навеса свисал ряд обшитых кожей кукол со зверскими физиономиями, которые скалились из-под спутанных жирных волос, сверкая глазами из оникса. Подойдя ближе, Гульд внимательнее присмотрелся к куклам. Это оказалась не кожа, а, скорее, что-то вроде свиной шкуры, плохо выделанной и сморщившейся вокруг стежков.

«Одному Худу ведомо, кто только такое покупает», – подумал он.

Из-под навеса послышался низкий мелодичный голос:

– Хочешь купить куклу для своих малышек? Каждое дитя должно познать, что есть настоящий ужас, а разве мои крошки не ужасны?

Сержант пробрался сквозь ряд миниатюрных виселиц.

– Где старуха? – требовательно спросил он.

На него смотрело смуглое изящное личико. Женщина слегка наклонила набок покрытую платком голову, с любопытством глядя на него голубыми глазами:

– Какая еще старуха, солдат?

– Та, кому, как говорят, принадлежит эта лавка, – ответил Гульд. – Старая карга, которая продает этих кукол и прочее... уродство. Которую за последние две недели видели на месте каждого убийства. Милена Чернонос.

Женщина негромко рассмеялась:

– Милена Чернонос – это я. А ты, солдат, вероятно, имеешь в виду мою сестру, Немилу. Она возит мой товар на рынок.

– Твоя сестра? Та карга? Ты что, за дурака меня считаешь?

Женщина начала набивать кальян. Ее плавно движущиеся в полутьме руки с длинными пальцами навели Гульда на мысль о морских змеях.

– Увы, – пробормотала она, – у нас совершенно разный образ жизни. Немила не ест ни мяса, ни рыбы. Только овощи и травы. Не пьет спиртного и не курит ни дурханг, ни мой любимый ржаволист. Она до сих пор девственница, встает рано, ложится с заходом солнца. Каждое утро бежит трусцой до мыса Великой Печали и обратно, в любую погоду. Сестра всего на год меня старше. Ей тридцать шесть. – (Повалил дым, заполняя лавку клубящимся туманом.) – Что

же касается меня, то я предаюсь всем возможным порокам, к крайнему ее неудовольствию. В любом случае, дорогуша, я так поняла, что ты пришел сюда не полюбоваться моим... товаром.

«Ну и женщина... Проклятье, нельзя отвлекаться! Сейчас нужно думать совсем о другом».

– Я хочу выяснить, по какой причине Немила проявляет интерес к тем убийствам. Где твоя сестра?

– Вероятно, на пристани: разглагольствует перед матросами.

– В смысле?

– Ну, они оскорбляют своим поведением здоровый образ жизни. А Немила намерена своими речами это изменить...

– Погоди... это не она ли каждую неделю отправляет петиции королю?

– Она самая. Моя сестра с радостью превратила бы Скорбный Минор в оплот благочестия и морали. Естественно, любые прегрешения карались бы смертью. Это ржаволист с добавлением мяты, не хочешь попробовать, солдат?

– Нет. – «Не сейчас. Может, позже... Да, позже». – Нет, я сказал!

Милена широко раскрыла голубые глаза:

– А разве я настаиваю?

– Извини. Нет, конечно же, не настаиваешь.

– Моя сестра, вероятно, посещает места убийств в поисках новообращенных. Как ты и сам, возможно, догадываешься, Немила кормится чужим страхом.

– Тогда почему она терпит тебя? И даже продает на рынке твоих кукол?

Милена рассмеялась:

– Ты-то уж точно должен знать, солдат, что королевские пики редко остаются без украшений. Скорбный Минор плодит преступников быстрее, чем крыс, быстрее даже, чем король успевает их вешать.

Гульд бросил взгляд на висевшую рядом с ним куклу.

«Так это, значит, вовсе не свиная кожа...»

Милена в очередной раз затянулась и продолжила:

– Это кожа преступников. Как считает моя сестра – восхитительная ирония.

Сержант в ужасе уставился на молодую женщину, ощутив внезапный приступ тошноты.

Она одарила Гульда широкой белозубой улыбкой, которая, казалось, проггла его насквозь.

– Большинство моих клиентов – родственники преступников. Им хочется иметь память о мертвых. Кто способен постичь тайны человеческого разума?

– Возможно, я еще вернусь, – пробормотал Гульд, выходя.

– Кто бы мог подумать? – рассмеялась она. – Тогда до встречи, солдат.

Пошатываясь, он вышел в переулок, пытаясь привести в порядок мысли. Из темноты справа от него вдруг послышался скрипучий голос:

– Берегись моей сестры, парень!

Гульд развернулся кругом.

Позади двух свисающих кукол мрачно ухмылялось сморщенное лицо Немилы. Во рту ее осталось лишь несколько зубов, стертых почти до основания.

– Она тебя погубит! – проскрежетала старуха. – Увлечет в бездну разврата! Искусительница! Знаток многих тайных притонов Минора, где процветают пороки и разврат! Ты не пове-ришь, насколько далеко простираются ее деловые интересы!

Гульд сузил глаза:

– Притоны, говоришь? Скажи мне, Немила, может, ей также известно, кто часто посещает подобные злачные места?

– Моя зловещая сестренка знает все! Кроме того, как позаботиться о себе самой! Ее уже преследует по пятам болезнь, пока незримая, но столь же неизбежная, как и сам Худ! Вскоре увидишь! Совсем скоро, если она не изменит свой образ жизни!

Сержант бросил взгляд вдоль переулка.

«Какой смысл тянуть? Никакого! Нужно допросить Милену. С пристрастием и во всех подробностях. Это может занять многие часы, но ничего не поделаешь».

– Не поддавайся ей, парень! – прошипела Немила.

Могильник под названием Бугор был самым большим и единственным поросшим травой в Скорбном Миноре. Бугор множество раз перекопали вдоль и поперек, однако его уникальная особенность состояла в том, что внутри он был абсолютно пуст. Бесчисленные грабители и антиквары находили лишь булыжники, гравий и глиняные черепки.

Гульд отыскал двух выдающихся городских крысоловов на вершине Бугра, где они развели небольшой костер, на котором жарили освежаванных крыс. Рядом, возле глиняного горшка с запечатанной крышкой, ждала пыльная бутылка отменного вина.

Бирклас Пунт и Балабол Рой были не вполне типичными представителями своей профессии в Миноре. Тем не менее сержант иногда пользовался их обширными познаниями всех возможных сторон городского преступного мира и считал обоих достаточно ценными кадрами, чтобы терпеть их странности.

– До чего же серьезный взгляд! – заметил Бирклас, небрежно помахав рукой с сальными пальцами взбирающемуся на могильник сержанту. – И почему это низкорожденные столь часто сгибаются под тяжестью своей несчастной судьбы, буквально падая на колени? Неужели единственная задача чистокровных жителей прекрасного града Минора состоит том, чтобы проводить дни – и ночи – в неприкрытой праздности?

– И что же такого чистого в твоей крови, Пунт? – проворчал Гульд, подходя к ним.

– Нет ничего более очистительного, нежели стремление быть особенным, мой бедный сержант. Узри же перед собой мою любезную особу, а рядом – его, не менее любезную. Мы оба – более чем особенные.

Одежда обоих приятелей походила скорее на лохмотья, не считая больших кожаных шляп с обвисшими полями: у Биркласа она была цвета выцветшего на солнце пурпура, а у Балабола – пятнисто-желтая. С их веревочных поясов свисали бесчисленные крысиные хвосты, а запястья и лодыжки украшали замысловато сплетенные из тех же хвостов браслеты.

Балабол Рой потянулся к горшку и вскрыл крышку запятнанным кровью кинжалом.

– Вы как раф вовремя, фержант. Крыфы пофти поджарилифь, а маринованные розовяфки – отлифная закуфка. Пофалуфта, прифаживайтефь.

– А я, – добавил Бирклас, – разолью выдержанное вино, пока мой напарник выловит несколько маринованных розовяшек.

Из-за укуса маленькие безволосые крысята стали еще более розовыми, что странным образом еще сильнее ужаснуло Гульда, когда он увидел, как Балабол вытаскивает одного и подносит ко рту. Крысеныш с чмокающим звуком скрылся между его губ. Балабол сглотнул и вздохнул.

– Прекрасное начало, – заметил Бирклас. – Прямо как устрица проскочил. Что воистину подтверждает его культурное происхождение.

– Культурное происхождение? – нахмурился Гульд. – Ты про Балабола или про крысеныша?

– Офень смефно, фержант! – захихикал Балабол Рой. – Прифоединяйтефь, профу!

– Спасибо, я уже поел.

Бирклас повернулся к своему напарнику:

– Ты что, не видишь, друг мой, что сержант Гульд пребывает в дурном расположении духа? Каждую ночь – жуткое убийство! Звонят колокола! Крысы разбегаются кто куда, и даже сам Белогрив прячется в самой глубокой норе. Воистину, некое зло преследует прекрасный Минор, и вот сейчас к нам явился за помощью самый главный городской охотник.

Балабол слегка отпрянул:

– Ефтефтвенно, я знаю обо всех нефафтях фержанта! Я профто из вефливофти...

– Хватит уже толковать о вежливости! – рявкнул сержант. – Я сто раз слышал, как вы говорили про этого Белогрива, и хочу знать раз и навсегда – он вообще существует?

– Однофнафно!

– Несомненно, сержант.

Гульд уставился на Биркласа:

– Он из одиночников?

– Точно так. Ничем не примечательный человек, когда он в человеческом облике. Но когда обернется – страшнее крысы просто нет. Умный и злобный тиран, правитель Мохнатого королевства, убийца всех соперников, блудодей высшего...

– Да-да, и все такое. И говоришь, он прячется от нашего убийцы?

– Забился глубоко в нору, сержант. Дрожит от...

– Понятно. Следует ли мне в таком случае предположить, что Белогрив встречался с убийцей?

Бирклас пожал плечами:

– Возможно. Хотя, скорее, его гонцы или стражники на перекрестках, или смотрители на крышах...

– Но не ефо дегуфтаторы, – вмешался Балабол.

– Да, – согласился Бирклас. – Точно не дегустаторы. Эй, Балабол, как они там поживают? Балабол Рой потыкал в тушки насаженных на вертел крыс:

– Я бы фказал, готовы.

– Отлично! Сержант, мы можем еще чем-то вам помочь?

– Возможно. Принцесса и господин Хум-младший...

Брови Биркласа взлетели на лоб.

– Нет уж, это не тема для разговора за ужином.

Гульд присел на землю:

– Я могу и подождать.

Башня Мертвого Секаранда поскрипывала на дувшем со стороны берега ветру, который после захода солнца становился все сильнее. Гульд, которого пробирало холодом, скорее от усталости, чем от ветра, поплотнее запахнул плащ. Пелена дневного дыма внизу рассеялась, и стены домов теперь испещряли огоньки масляных фонарей и свечей, похожие на тусклые звезды под ногами сержанта – будто смертные из последних сил пытались воспроизвести образ сверкающего звездного неба.

На лестнице послышался шорох, затем раздался стон взбирающегося на площадку Стуля Офана.

– Во имя беспокойного сна Огни, – прохрипел старик, – лучше бы мы просто встретились где-нибудь на углу.

Облокотившись на зубец стены, сержант взглянул на портовый район.

– Возможно, я нашел его, Стуль, – сказал он.

Маг тут же перестал возмущаться.

– Уверены? – спросил он из-за спины Гульда. – И когда вы намерены его арестовать?

– До таких подробностей дело пока не дошло. Уверен ли я? Что ж, возможно, я что-то и упустил, но интуиция подсказывает мне: это именно тот человек.

– И чего вы хотите от меня? – Гульд повернулся. Стуль Офан стоял возле люка, утирая лоб шелковым платком. Маг устало пожал плечами. – Я не слишком хорошо переношу высоту, сержант. Вы не против, если я останусь здесь, дальше не полезу? Хотя мне все равно не по себе – такое чувство, будто все это сооружение шатается на ветру!

Гульд собрался было ответить, но вместо этого лишь хмуро возразил:

– Боишься высоты, говоришь? Но ты же сам живешь в проклятой башне!

Офан снова пожал плечами:

– От меня ожидают именно этого. Ничего удивительного. Но в основном я обитаю на нижнем ее этаже.

Сержант пристально посмотрел на мага и вздохнул:

– Я тут думал насчет псов, которых послал по следу с места убийства Хума-младшего. Знаешь, что учуяли ищейки? Мужчина, может быть, двое: один из них воин, возможно бывший, другой – неизвестный. А еще они унюхали запах женщины, или двух женщин, или ни одной...

– Ни одной? Но если псы почуяли запах женщины, то как, интересно, это может быть?

– Хороший вопрос. Может, попробуешь ответить? Но сперва скажу: с места убийства в ту ночь действительно сбежала женщина, однако она не убийца.

Стуль Офан нахмурился и промокнул лоб:

– Не понимаю.

Гульд поморщился:

– Вспомни, что ты выяснил сам, чародей. И свою неуверенность насчет пола преступника. Давай хорошенько подумаем. Что мы имеем? Есть некий мужчина, который не мужчина и которого можно спутать с женщиной – даже если речь идет о магии или собачьем чутье. Предположим, что ты не ошибся, задействовав магию, да и собак чутье тоже не подвело. Ответь мне тогда: какое тут может быть объяснение?

– Мужчина, который не мужчина? Такой, кого принимают за женщину даже псы? По моему, сержант, это полнейший абсурд. Нас преднамеренно ввели в заблуждение, дабы окончательно запутать...

– Нет. Скорее, убийце было просто все равно – он уже знал по собственному опыту, что подобные попытки определить, кто он, неизбежно повергают всех в замешательство. Вроде загадки демона, Стуль Офан. Ответ слишком прост. Не стоит чересчур напрягать свои умственные способности.

Маг нахмурился:

– Вы что, издеваетесь, Гульд?

Сержант повернулся и снова взглянул на город:

– Каковы могут быть приметы евнуха, Стуль Офан?

Он услышал, как маг медленно выпустил воздух сквозь зубы.

– Вы правы, сержант. Воистину загадка демона. Вы нашли убийцу.

– Я знаю, кто он, – поправил собеседника Гульд. – Но я пока что его не нашел. – Прищурившись, он посмотрел в сторону квартала знати. – Однако думаю, это уже сделал кто-то другой. Узел начинает распутываться.

– В смысле?

– В смысле – она только что отправилась в путь, – проговорил Гульд, глядя, как один за другим зажигаются фонари на крышах, отмечая передвижение единственной оставшейся в этой игре загадки. Развернувшись кругом, сержант бросился к лестнице. – Возвращайся домой, маг, – сказал он. – Начинается настоящая ночная работа.

Сразу же после аудиенции у короля Гульд собрал все сведения, которые ему требовались. Он задал немало вопросов, при необходимости оказывая должное давление, и у него набралось

достаточно подробностей, чтобы их можно было свести воедино. Малоприятные наклонности молодого Хума включали в себя желание вкусить крови и причинить боль. Именно это свело вместе его и принцессу Шарн. И именно потому их союз казался столь непривлекательным как для его отца, так и для Сельджура, по сути внушая обоим страх.

Прошлой ночью с принцессой не было служанки, Шарн уже послала девушку по следу убийцы. Хуми оказался всего лишь жалким подмастерьем в извращенном искусстве плотских мук и боли. Убийца показал принцессе, насколько далеко – восхитительно далеко – может завести подобное занятие. Ощувив на дрожащих губах обещание большего, она теперь жаждала его изо всех сил.

Служанка отлично справилась со своей задачей. Солдат Гульда доложил, что она вернулась на рассвете. А теперь они с принцессой отправились в путь и должны были привести Гульда и его солдат к цели.

Выйдя из распахнутых настежь ворот башни, сержант быстро направился по улицам. Шарн совершила ужасную ошибку. Меньше всего Гульду хотелось опоздать – хотя это наверняка стало бы уроком для короля: «Вот что бывает, когда препятствуют расследованию, сир. Вы должны были разрешить мне допросить ее высочество». Но подобное удовольствие не стоило жизни молодой женщины – вероятно, даже двух молодых женщин, потому что служанка, скорее всего, разделила бы судьбу Шарн.

Гульд отслеживал их передвижение по зажженным его солдатами фонарям, и, когда он оказался в самом начале выходившего на Рыбную площадь переулка, у него еще оставалось в запасе немного времени. Вход в переулок отмечал старый, частично обрушившийся могильник. Присев на разбитый сланец, Гульд перевел дух.

Площадь была пуста. Посреди нее чернел столб с болтавшимся на нем единственным объявлением, которое Бошелен так и не забрал. На вершине столба сидел сонный ворон, покачиваясь под порывами соленого ветра. По булыжникам вприпрыжку пробежала собака и начала лакать воду из фонтана Беру. Сержант медленно достал из ножен меч, отчаянно надеясь, что его отряд сумеет не сбиться со следа, взятого возле дворца.

Его теперь беспокоило лишь одно: евнух каким-то образом сумел незамеченным покинуть «Печальник». Естественно, такое было возможно с помощью магии, но как раз это и тревожило Гульда.

Он замер, увидев женщину в плаще, которая вышла из улицы справа от него.

«Служанка. Проклятье, отважная девчонка. – Сержант смотрел, как она осторожно подходит к деревянному столбу посреди площади. – Неужели собирается тут его ждать? Но ведь в этом нет никакого смысла. Не могу поверить, что она в самом деле говорила с евнухом, – достаточно было просто выяснить, где он скрывается днем. Нет, полная бессмыслица».

У него возникла мысль крикнуть, броситься туда, но вместо этого Гульд застыл неподвижно позади кургана, увидев вторую фигуру в плаще – следовавшую за служанкой принцессу. Походка ее была легкой и пугающе уверенной.

Служанка остановилась перед столбом. Казалось, будто она оценивает его высоту, словно собираясь пасть перед ним ниц. Принцессу Шарн отделяло от нее около десяти шагов.

Ворон на вершине столба встряхнулся.

Гульд внезапно все понял, и глаза его расширились от ужаса. Он открыл было рот, чтобы закричать, но тут что-то твердое и тяжелое ударило его в основание черепа. Застонав, он осел на землю, сражаясь с нахлынувшими на него волнами черноты. Послышался хриплый шепот – совсем рядом и вместе с тем будто издалека:

– Приношу свои извинения, сержант. Но здесь только один, а мне нужны оба. Придется подождать. Нам необходима кровь, ибо лишь тогда Корбал Брош почувствует себя достаточно уязвимым, чтобы позвать на помощь. И тогда завершится моя долгая охота...

Гульд беспомощно смотрел, как стоявший рядом с ним мужчина – массивный, мрачный, закованный в броню – вынимает меч из его онемевших пальцев. В левой руке незнакомец держал тяжелый железный арбалет, взведенный и заряженный испещренной рунами стрелой.

– Не беспокойтесь, – прошептал он с ужасающим варварским акцентом, – вы получите то, что останется от них обоих: вполне хватит, чтобы умиротворить толпу. Но сейчас прошу мне не мешать. Вы понятия не имеете, с чем столкнулись, – и радуйтесь этому.

Гульд сумел поднять голову. Перед глазами все плыло, и он с трудом мог различить, что происходит у столба. Ворон распростер крылья и спланировал к служанке. Воздух подернулся маревом, а затем ворон превратился в рослого лысого мужчину в кольчуге, который взглянул на служанку, и она что-то ему сказала, а он усмехнулся в ответ. Подняв руку, мужчина совершил едва заметный жест, и девушка, хрипя, повалилась на бок на мостовую, разбрызгивая кровь по булыжникам.

Принцесса Шарн застонала, будто в экстазе.

Евнух медленно приблизился к ней.

– Стреляй! – сумел прошептать Гульд. – Стреляй, будь ты проклят! – Услышав странные скрипучие звуки, он повернулся и увидел, как потемнело, будто от огромного напряжения, лицо охотника. – Что с тобой, во имя Худа?

Гульд попытался приподняться, но его голову пронзила резкая боль. До него наконец дошло, что охотник напрягается изо всех сил, но не может пошевелить ни единым мускулом.

– Стек Маринд, – послышался позади них спокойный хладнокровный голос, – ну до чего же ты упрям. Можешь сопротивляться, сколько твоей душе угодно, но позволь тебя заверить, что демон, который крепко тебя держит, хотя ты его и не видишь, прилагает лишь весьма скромные усилия. Боги, – продолжал Бошелен, обходя обоих – и сержанта, и того, которого он назвал Стеком Мариндом, – какой смысл с маниакальным упорством всю жизнь продолжать эту охоту? Сколько лет прошло с тех пор, как наши пути впервые столь несчастливо скрестились? Воистину немало. Предлагаю тебе уйти на покой, смиренно поблагодарив меня за то, что я снова пощадил твою жизнь, – но хочу добавить: это в последний раз. Руку мою останавливает не милосердие, но, увы, безразличие. В конце концов, ты всего лишь мелкая помеха. Что ж... – Бошелен помедлил, а затем крикнул евнуху, уже начавшему совершать перед принцессой чародейский жест смерти: – Эй, Корбал Брош! Не трогай дамочку, дружище! Довольно на сегодня и ее несчастной служанки.

Поколебавшись, тот склонил голову, глядя на своего спутника.

– Принцесса дважды помечена, Бошелен, – тонким голосом произнес он. – Она принадлежала прошлой ночи, но меня, скромного слугу жизни, ее лишили.

– Значит, ей помогла Госпожа Удача, – небрежно бросил Бошелен, подходя к своему товарищу. – Пусть будет так.

– Опять лишаешь меня шанса стать отцом, Бошелен? – недовольно надулся евнух.

– Думаю, с тебя пока хватит, – ответил его компаньон. – К тому же, учитывая, сколь быстро разворачиваются события, я отправил нашего слугу на пристань – естественно, сперва наслав долгий сон на капрала возле «Печальника». Так или иначе, от нашего имени уже тратятся немалые деньги и наше отбытие неминуемо.

– Но, Бошелен, – тихо проговорил Корбал Брош, – здесь собрались все, кто шел по моему следу. Мы можем заставить разом замолчать их всех, и город останется нашим еще на многие недели. Даже об отряде сержанта уже позаботились: кто теперь сумеет нам помешать? Убьем сержанта, убьем Стека Маринда, убьем принцессу – и нам снова ничего не грозит.

– В городе, ввергнутом в хаос и насилие? – покачал головой Бошелен. – Стек не умрет от нашей руки в эту ночь, Корбал. К несчастью, он проживет еще много лет. Что касается сержанта, то должен признать, что он может стать для нас серьезной угрозой – если сегодня умрет принцесса...

– Тогда убей его. И все легко решится.

– Не столь легко, как ты полагаешь, – бесстрастно ответил Бошелен. – Меньше часа назад Смертный Меч Тульгорд Виз принес клятву на крови, освященной верховной жрицей Сестер. Похоже, в свите преследующих нас охотников появился еще один, и, подобно Стеку Маринду, этот глупец, давший обет богине, не остановится ни перед чем. Так что не будем добавлять к их числу еще и сержанта Гульда. Смертный Меч, помазанный кровью Сестер, уже сейчас одолевает мои чары и приближается к нам.

– Ну так убей его.

Бошелен покачал головой:

– Лучше подождать год-другой, когда сила обряда хоть как-то ослабнет. У меня нет никакого желания пачкать одежду... – Он повернулся, услышав донесшийся из боковой улицы стук копыт. – Похоже, мы слишком долго мешкали...

Тульгорд Виз преодолел все охранные заклятия, и сейчас из-за небольшого могильного холма, в том месте, где улица выходила на площадь, приближался грохот копыт его боевого коня.

Бошелен вздохнул:

– Внезапно обретенный Смертным Мечом могущественный дар... весьма впечатляет. – Он поднял руку. – Увы, Тульгорд Виз забыл благословить своего коня. – Бошелен совершил едва заметный жест, и по другую сторону могильника послышались сперва нечеловеческий вопль, а затем жуткий грохот и громкий хруст. Камни могильника будто вздыбились в тусклом свете факелов, после чего снова осели в облаке пыли. – Пройдет некоторое время, – продолжал Бошелен, – прежде чем Смертный Меч в достаточной степени оклемается, чтобы извлечь из могильника собственные голову и плечи. – Он снова повернулся к Брошу. – Друг мой, мы злоупотребили здешним гостеприимством. Наш слуга сейчас платит за доставку нашего багажа на корабль. Пора двигаться дальше, Корбал.

В это мгновение из-за разбитого могильника метнулось нечто белое величиной с толстого кота.

– Что ж, мне это нравится, – пробормотал Бошелен, совершая очередной жест.

На пути белой крысы возник громадный призрачный демон. Когтистая рука резко опустилась. Огромная крыса – Гульд понял, что это наверняка и есть Белогрив, – успела лишь жалобно пискнуть, прежде чем исчезла в клыкастой пасти демона.

– Выплюни немедленно! – рявкнул Бошелен, шагнув вперед.

Нависший над ним демон вздрогнул, сгорбив плечи.

– Кому я сказал!

Демон выплюнул помятый окровавленный комок шерсти, который лишь один раз дернулся на булыжниках и замер.

– Корбал, будь так любезен, посмотри, что с этим незадачливым одиночником.

Евнух повернулся в сторону крысы и принялся, затем пожал плечами:

– Будет жить.

– Прекрасно. – Бошелен снова обратился к демону: – Тебе повезло, Кенилл'рах. А теперь забирай несчастную зверюшку и полезай обратно в мой сундук...

– Не фтоль быфтро! – послышалось сбоку.

Сумев повернуть голову, Гульд увидел стоявших по другую сторону фонтана Балабола Роя и Биркласа Пунта в низко надвинутых на лоб шляпах. На плечах у обоих лежали длинные остроги для охоты на крыс.

– А вы кто такие? – поинтересовался Бошелен.

– Убей их, – проскулил Корбал Брош. – Мне они не нравятся. Действуют на нервы.

– Спокойнее, друг мой, ни к чему тревожиться, – предупредил Бошелен. – Хотя я и разделяю твою тревогу, наверняка можно договориться по-хорошему.

Гульд посмотрел на двоих в шляпах.

«Это всего лишь крысоловы – с чего чародей вдруг так перепугался?»

Бирклас с отвращением уставился на демона Кенилл'раха:

– Прочь, жуткое видение!

Демон сник, расплылся и исчез.

Лежавший на булыжниках Белогрив внезапно поднял голову, огляделся и метнулся в тень.

– Не стоило так делать, – упрекнул крысолова Бошелен. – Не люблю, когда моих слуг отправляет прочь кто-то, помимо меня самого.

Бирклас пожал плечами:

– Минор, может, и в самом деле выглядит скромно, чародей, но лишь внешне. В нем ведутся игры и есть свои игроки, и мы хотим, чтобы впредь так оно и оставалось. А ты и твой дружок-некромант... побеспокоили некие силы.

– Филы, – добавил Балабол, – которые не любят, когда их бефпокоят.

– От них воняет могильником, – сказал Корбал Брош.

Бошелен медленно кивнул:

– Так и есть. Но здешние могильники... слишком малозначительны. Не могу представить...

– Охранные заветы не вечны, – пробормотал Бирклас. – Хотя, должен признать, нам потребовалось время, чтобы выбраться из Бугра. И тогда мы узнали, что нас опередили почти все духи, погребенные рядом с нами в могильниках поменьше. Они использовали крыс – в отличие от нас с Балаболом. Так или иначе, хватит уже об этом. Считайте, что вы изгнаны из Скорбного Минора.

– Нас это вполне устраивает, – пожал плечами Бошелен. – Мы в любом случае уезжаем.

– Вот и хорошо, – улыбнулся Балабол.

Постепенно приходя в себя, Гульд оперся о стену и поднялся на ноги:

– Будь ты проклят, Бошелен...

Чародей удивленно повернулся:

– За что, сержант?

– За гибель моих солдат. Я сам готов принести за них клятву на крови...

– Чепуха. Они вовсе не убиты. Просто бесцельно блуждают, только и всего. В этом я точно могу поклясться.

– Если ты лжешь, маг, лучше убей меня прямо сейчас, ибо я...

– Я не лгу, сержант. И доказательство тому – то, что я оставил тебя в живых.

– Он говорит правду, – сказал Бирклас Гульду. – Как я уже упомянул раньше, нашему терпению есть предел.

Бошелен положил руку на плечо Корбала Броша:

– Идем, друг мой. Наш слуга уже ждет нас на пристани.

Гульд смотрел им вслед, полуослепший от накатывающей волнами боли.

Принцесса Шарн, похоже, пришла в себя. Она тоже уставилась им вслед, и лицо ее было бледнее луны.

– Он собирался меня убить! – яростно прошипела принцесса.

– Он всего лишь клятый евнух, – прохрипел Гульд. – Чем ты могла бы его очаровать? Ему даже бриться не нужно.

Стек Маринд застонал и повалился на булыжники. Его арбалет с лязгом ударился о камни, но не выстрелил. Гульд увидел на бесчувственном лице лежащего чуть глуповатую улыбку.

Бирклас Пунт и Балабол Рой приподняли шляпы и не спеша удалились.

Сержант сделал шаг от стены и пошатнулся, но сумел устоять на ногах. По его шее стекала кровь. Слышались далекие крики: наконец-то сюда шли его солдаты. Гульд вздохнул, глядя на лежащее в луже крови тело служанки, к которому целеустремленно бежала вприпрыжку какая-то дворняга. Сержанта затошнило.

– Безумие, – прошептал он. – Сплошное безумие!

Из темноты в переулке послышался сухой кашель, а затем хриплый голос нараспев произнес:

– Видишь, к чему приводит порочная жизнь?

С трудом проснувшись, Эмансипор Риз обнаружил, что смотрит на четыре дорожных сундука, прикрепленные ремнями к стене перед ним. Со всех сторон доносились скрипучие звуки, а койка, на которой он лежал, качалась и кренилась.

«„Солнечный локон“. Теперь вспоминаю. Во имя Худа, до чего же ужасная ночь!»

Он медленно сел. Корабль то поднимался, то опускался на волнах: они находились в открытых водах за пределами Минорской бухты, в Десятинном проливе. Воздух в тесной каюте был горяч и влажен.

«Едва успел сообщить Субли, – подумал Эмансипор. – Ничего, она справится, может, даже вздохнет с облегчением после того, как немного успокоится».

Он огляделся. Две другие койки были пусты.

Эмансипор яростно уставился на сундуки.

«Проклятье, ну до чего же они были тяжелые. Едва ось повозки не сломали».

Естественно, во втором сундуке Бошелена хранился огромный, завернутый в ткань кусок сланца, который тот извлек и положил на пол. На его плоской поверхности виднелись замысловатые знаки. Эмансипор моргнул, глядя на камень, и тут же нахмурился, внезапно вспомнив странный звук, который его разбудил. Внутри одного из сундуков Корбала Броша что-то шевелилось. Это нечто сумело освободиться.

Поднявшись на ноги, Эмансипор расстегнул удерживавшие сундук ремни. В замке торчал ключ. Отперев сундук, он поднял тяжелую крышку.

Увиденное повергло его в неописуемый ужас. Сдерживая тошноту, Эмансипор захлопнул крышку и дрожащими руками снова застегнул ремни.

Каюта вдруг показалась ему слишком маленькой. Ему нужен был воздух. Ему хотелось... убраться отсюда прочь.

Шатаясь, он добрался до двери и, поднявшись по потертым, побелевшим от соли ступеням, обнаружил, что находится в средней части «Солнечного локона». Неподалеку от носа корабля стоял Бошелен, который, похоже, не обращал никакого внимания на качку. Вокруг некроманта и Риза сновали матросы: проход через пролив требовал тяжелого труда.

Тяжело дыша, будто выброшенная на берег рыба, Эмансипор пробрался к Бошелену.

– У вас изможденный вид, любезный Риз, – заметил маг. – У меня есть ряд действенных снадобий...

Эмансипор покачал головой и перегнулся за борт.

– Я думал, вам несвойственна морская болезнь, – продолжал Бошелен.

– Это... только первый день, хозяин. Скоро буду крепко стоять на ногах.

– Понятно. Вы уже ознакомились с моим творением?

Эмансипор побледнел.

– Я говорю про сланец, Риз.

– Ах это... Да, хозяин.

– Я стараюсь помочь Корбалу в его беспрестанных попытках стать отцом, – сказал Бошелен. – И потому изобретаю... средства, если можно их так назвать. Начертанный на камне круг сохраняет живительную силу и при необходимости обеспечивает ей пищу. Еще ни разу не слу-

чилось, чтобы я не узнал в процессе что-то новое, так что польза есть для всех нас. Вы хорошо себя чувствуете, Риз?

Эмансипор не ответил. Уставившись невидящим взглядом на серые волны, вздымавшиеся перед ним будто стена, каждый раз, когда корабль нырял вниз, он весь дрожал, даже не чувствуя, как с грохотом вибрирует корпус корабля. «Стать отцом? Упасите меня боги!» Лишь болезненно извращенный разум мог назвать лежавшую внутри сундука корчащуюся и подрагивающую грудку сшитых между собой органов, каждый из которых был жив и наверняка содержал в себе душу, заключенную в мучительную тюрьму, откуда невозможно было сбежать... мог назвать нечто столь чудовищное... ребенком. Мечты евнуха о родительском счастье порождали лишь кошмары.

– Воистину, свежий чистый воздух оживляет душу, – проговорил Бошелен, глубоко вздохнув. – Я всегда чувствую себя... э-э-э... помолодевшим, вновь отправляясь исследовать этот мир. Хорошо, что удалось договориться с Оседлавшими Бурю. Морское путешествие не должно стоить больше одного-двух кувшинов крови – думаю, мы все можем с этим согласиться. А теперь, любезный Риз, позвольте мне заняться излечением вашей злополучной болезни. Мой прошлый опыт вскрытий и вивисекции помог мне определить ее причину – и кроется она, как ни удивительно, внутри ваших ушей. Будучи достаточно умелым алхимиком, я могу положить конец вашей чрезмерной чувствительности. Заверяю вас...

«Ох, Субли...»

– До чего же замечателен дневной свет, не правда ли, Риз? Ведают боги, я так мало его вижу. А вот и Корбал...

Эмансипор повернулся туда, куда указывал Бошелен. Следом за кораблем среди десятка кружащих чаек летел одинокий ворон. Черная птица ныряла и скользила по ветру, будто клочок тьмы.

– Он не знает устали, наш Корбал Брош, – любовно улыбнулся Бошелен.

«Не знает устали...»

– Должен вас предупредить, Риз. У меня сложилось впечатление, что с «Солнечным локоном» что-то не так. Дама, которая выполняет на судне обязанности капитана, похоже, не склонна вдаваться в подробности о конечном пункте назначения, и есть еще некая странность с гвоздями, каковые скрепляют этот корабль...

Он продолжал говорить, но Эмансипор его уже не слушал. «Пункт назначения? Проклятье, Бошелен, ты же сам велел найти судно, которое идет как можно дальше на восток. И я сделал то, о чем ты просил, будь ты проклят. А теперь я... оказался в ловушке. – За Десятиным проливом простиралось открытое море, тянувшееся до бесконечности. – Там же океан, Бошелен! Будь ты неладен!»

– Риз?

– Да, хозяин?

– Как вы полагаете, сколько продлится наше путешествие?

«Целую вечность, сволочь ты этакая».

– Несколько месяцев, – бросил Эмансипор, скрежеща зубами.

– Ого! Это может оказаться... не слишком приятно. Все дело в гвоздях, любезный Риз... они могут повлиять на начертанный мною круг. Как я уже говорил, это железо обладает некими загадочными свойствами. Меня тревожит, что дитя Корбала может сбежать...

Эмансипор захлопнул рот, едва не сломав зуб.

Вырвавшийся у него хохот распугал чаек за кормой. Их дикие, отдающиеся эхом вопли внезапно смолкли. Закричали матросы. Эмансипор упал на колени, не в силах остановиться и с трудом дыша.

– Печально, – пробормотал Бошелен. – Хотя я даже понятия не имел, что чайки столь легко горят. Видите ли, любезный Риз, наш Корбал очень не любит громкие звуки. Надеюсь,

вы сумеете вскоре укротить ваше странное веселье. Чем быстрее сие произойдет, тем лучше. Корбал, похоже, сильно взволнован. О да, всерьез взволнован.

Мутные воды Несмеяни

К западу от Клепта Десятинный пролив выходит в Пустоши, широкие океанские просторы, куда отваживаются отправиться лишь редкие искатели приключений и безрассудные храбрецы. Опасные морские пути простираются до кровавой дороги Несмеяни, а оттуда дальше, к островам Сегулехов и южному побережью Генабакиса, где земли Ламатата дают жалкое пристанище пиратам, бродягам, редким торговцам и вездесущим кораблям паломников Павшего Бога.

Только капитан Сатер и, возможно, ее первый помощник Абли Друтер знали, что заставило вольный корабль «Солнечный локон» покинуть защищенные воды Кореля и Клепта. Любопытство, способное привести к мыслям на подобные темы, могло увлечь душу с яростью приливной волны, – по крайней мере, так всегда повторяла Бене хриплым шепотом ее мать, а Бена не относилась к числу тех, кто затыкает уши, не желая слушать чужие советы.

Пока мать оставалась с нею, ее голос, похожий на шум волн и дыхание ветра, не замолкал почти ни на минуту. Ее предупреждающие свистки, язвительные реплики и издевательские стоны были знакомы Бене, подобно музыке собственного сердца. Впрочем, убеленные сединами волосы матери продолжали развеиваться на ветру, порой касаясь юных, гладких и, как поговаривали далеко внизу, соблазнительных черт Бены, которая сидела в своей обычной позе на верхушке мачты, устремив взгляд девичьих глаз в сторону западных Пустошей. Среди покрытых белыми барашками волн не было видно ни единого паруса, но она продолжала ждать, ибо в ее горькие обязанности входило первой увидеть, как темнеет, будто от крови, вода в окрестностях зловещей Несмеяни.

От маленькой тесной гавани Скорбного Минора их уже отделяла целая неделя пути, и по ночам Бена слышала разговоры напуганных матросов внизу – о нескончаемом скрипе гвоздей в койках и переборках, о странных голосах, доносящихся из трюма и из-за прочной дубовой двери кладовой, хотя все знали, что за ней нет ничего, кроме личного снаряжения капитана и запаса рома для команды, и лишь у капитана имелся зубастый ключ, открывавший чудовищных размеров железный замок. И еженощно, в час самого темного колокола, каждый из матросов, проколов себе большой палец, проливал в кубок три драгоценные капли крови.

Не пробралось ли еще в Скорбном Миноре на борт корабля какое-нибудь проклятие? Ведает Маэль, вряд ли что-то хорошее могло явиться под видом пассажиров, которых они там взяли. Высокородный щеголь с острой бородкой и холодным пустым взглядом и редко попадавший на глаза евнух, его спутник, а еще их слуга, не кто иной, как Манси Неудачник, который, как узнала Бена, оставил за собой больше затонувших кораблей, чем сами Буревсадники, – по крайней мере, так о нем говорили.

«Гони прочь этих жутких гостей», – бормотала мать Бены каждый раз, когда «Солнечный локон» отклонялся на пару румбов от проложенного курса, и Бена сжималась в комок, чувствуя, как дрожит и раскачивается мачта, а плетеная корзина на ее вершине порой кренится столь сильно, что, подняв взгляд, иногда можно было увидеть волны.

«Эти гости своенравны, как сам ветер, любимая дочь моя. Взгляни только на того ворона, что летит за нами, трепеща черными крыльями, а ведь на протяжении пятидесяти лиг, с тех пор как мы оставили позади Галечник, нигде даже кораллового рифа не попадалось. И все равно это демоново отродье преследует нас, черное, будто траур! Не позволяй ему свить гнездо на своем корабле, моя дорогая!»

С тех пор как она стала делить с матерью верхушку мачты, Бена никогда еще не слышала от нее подобных стонов. Протянув руку, девушка нежно погладила тонкие волосы матери, от которых осталось лишь несколько прядей на просоленной, похожей на пергамент коже головы над пустыми, незрячими глазницами.

«Обними меня, побудь со мной в эту ночь, дочь моя, ибо скоро впереди появятся темные, словно кровь, моря Несмеяни, и гвозди изрекут свои жуткие речи. Держись, дитя мое, за наш крошечный домик здесь, наверху. Мы высосем досуха последние яйца чаек и будем молиться, чтобы дождь промочил наши глотки, – и ты вскричишь от радости, увидев, как я вновь оживаю, моя дорогая. Обними же меня, побудь со мною в эту ночь!»

И тут Бена увидела вдалеке на западе то, о чем говорила мать, – кровавую полосу Несмеяни. Закинув назад голову, девушка издала пронзительный вопль, сообщая находившимся внизу о том, что наступил долгожданный миг. А потом снова закричала: «Умоляю, пришлите наверх ведро еды и порцию рома, пока не настала ночь! И, – добавила мысленно, – пока вы еще не умерли».

Когда на верхушке мачты смолк бессловесный звериный крик Бены-младшей, первый помощник Абли Друтер поднялся на кормовую палубу и встал рядом с капитаном.

– Добрались до кровавых вод всего на день позже, – сказал он. – Учитывая постоянно мешавший нам ветер, не так уж и плохо.

Капитан Сатер промолчала, сжимая штурвал.

– Дхэнраби все еще плывут за нами. Полагаю, направляются к кровавой дороге, как и мы. – Вновь не получив ответа, он подошел ближе и негромко поинтересовался: – Думаете, они нас преследуют?

– Абли Друтер, если ты спросишь об этом еще раз – я тебе язык вырву, – скорчив злобную гримасу, заявила она.

Вздвогнув, он потянул себя за бороду:

– Прошу прощения, капитан. Просто слегка нервничаю, только и всего...

– Заткнись.

– Так точно.

Абли Друтер еще немного постоял молча, пока не счел приемлемым затронуть другую тему:

– Чем раньше мы избавимся от присутствия на нашем корабле Манси, тем лучше. Судя по тому, что говорят матросы, которых мы взяли на борт в Скорбном Миноре, неудача следует за ним по пятам. Да что там, даже я в свое время слышал на Марских путях истории про...

– Дай мне свой нож, – приказала капитан Сатер.

– Зачем?

– Не хочу пачкать собственный твоей кровью.

– Простите, капитан! Я подумал...

– Вот именно – подумал. В том и проблема. Собственно, это всегда проблема.

– Но все эти разговоры насчет Манси...

– Не имеют никакого значения и вообще чушь несусветная. Я бы приказала команде их прекратить, если бы это хоть в чем-то помогло. Лучше бы, конечно, зашить им всем рты и покончить с этим. – Она зловеще понизила голос. – Мы ничего не знаем о Марских путях, Абли. Мы никогда там не были. С лихвой хватило и твоей болтовни в Скорбном Миноре о том, что мы вышли из Стратема: считай, пометил пенек для тех, кто идет по нашему следу. А теперь послушай меня, Абли. Слушай внимательно, дважды я повторять не стану. С тем же успехом они могли нанять флотилию марских разбойников, и в таком случае нас преследует нечто намного худшее, чем несколько десятков самцов-дхэнраби, ищущих себе пару. Достоточно будет лишь намек на то, что за нами охотятся маре, чтобы на судне поднялся бунт. Еще раз услышу от тебя нечто подобное – перережу глотку на месте. Я понятно выразилась?

– Да, капитан. Яснее некуда. Мы никогда не были на Марских путях...

– Верно.

– Вот только те трое, что пришли вместе с нами, постоянно твердят об этих путях и про то, как мы их проходили...

– Неправда. Ничего они не говорят. Я их прекрасно знаю. Лучше, чем тебя. Эти люди ни слова не скажут, так что если кому-то что-то известно, то исключительно по твоей вине.

Абли Друтер pokrылся потом и, отчаянно дергая себя за бороду, произнес:

– Может, я раз и сболтнул лишнего. Случайно повел себя опрометчиво, но больше этого не повторится, капитан. Клянусь.

– Стоит хоть однажды проявить неосторожность, и остальное уже не имеет значения.

– Простите, капитан. Я постараюсь сделать вид, будто соврал. Знаете, многие моряки сочиняют, преувеличивают и вообще такое плетут! Да что там, я знаю одну историю про Болотную трясину, в которую никто не поверит!

– Может, и не поверят, – медленно ответила Сатер, – только так уж вышло, что все, что ты когда-либо слышал о Болотной трясине, – чистая правда. Я точно знаю, в свое время я была телохранительницей у тамошнего управляющего. Нет, Абли, даже не пытайся притвориться лжецом: твоя беда не только в том, что ты слишком много болтаешь, но ты вдобавок еще и дурак. Вообще удивительно, что ты до сих пор жив, особенно после того, как трое моих друзей были вынуждены выслушивать тебя каждую ночь. Даже если я тебя не убью, наверное, это сделают они, а это может осложнить дело, ведь мне придется казнить одного или всех троих за убийство первого помощника капитана. Так что, если хорошенько все взвесить, мне, пожалуй, следует срочно понизить тебя в звании.

– Прошу вас, капитан, поговорите со своими друзьями! Скажите им, что я никогда больше и слова неосторожного не произнесу и вообще впредь буду помалкивать! Клянусь слюной Маэля, капитан!

– Абли Друтер, если бы ты не был единственным из нас, кто точно знает, где у корабля нос, а где корма, тебя давно бы уже не было в живых. А теперь убирайся с глаз моих!

– Слушаюсь.

– Наш кок – настоящий поэт, – сказала Пташка Пеструшка, садясь напротив своего друга.

Хек Урс дружелюбно кивнул, но промолчал, потому что набивал рот едой. На камбузе было почти пусто: Хек, Пташка и Густ Хабб не любили, когда кругом толпится много народу. Густ пока еще не появился, так что они сидели вдвоем, не считая еще одного пассажира, пристроившегося на скамье неподалеку. Он уставился в миску с таким видом, как будто пытался прочесть в густой массе свое будущее. Впрочем, Хек сильно сомневался, что Манси Неудачник стал бы заниматься чем-то подобным.

Впрочем, не важно. Они уже провели несколько месяцев на этом клятом угнанном корабле, и, хотя поначалу дела шли не лучшим образом, потом все как-то наладилось, – вернее, так было вплоть до их прибытия в гавань Скорбного Минора. Однако теперь до Хека начало доходить, что неприятности начинаются заново, причем Манси Неудачник был наименьшим поводом для тревог. Проклятый корабль наверняка одержим злыми духами: другого объяснения просто не существовало. Одержим, подобно катакомбам города Побора: голоса, призраки, скрипы, трески, шорохи. Нет, это были не крысы – никто не мог припомнить, чтобы после Минора ему встретилась хоть одна крыса. А ведь нет ничего хуже, чем когда эти твари бегут с корабля, – во всяком случае, так считал Хек.

Да, поначалу были проблемы, но теперь Сатер и они трое ничем не отличались от прочих моряков. Хотя моряком никто из них не был. Сатер и в самом деле была капитаном, но не корабля, а дворцовой стражи Побора – по крайней мере, до Ночи Певунов. Точно так же не были моряками Хек, Пташка и Густ, в ту судьбоносную ночь стоявшие на посту у юго-восточных ворот города. Пятого в их разношерстной компании, Абли Друтера, они подобрали на пристани Побора, но лишь потому, что он разбирался в мореплавании и у него имелась лодка,

которая была им нужна, чтобы убраться подальше от Стратема. И еще он достаточно ловко владел абордажной саблей, так что угнать «Солнечный локон» оказалось на удивление просто.

Абли Друтер. Едва лишь вспомнив об этом человеке, Хек скривился и хмуро уставился в пустую миску.

– Сплошная обуза, – пробормотал он.

– Капитан то же самое говорит, – кивнула Пташка Пеструшка. – Потому мы тут и оказались, Хек. Медленно, но верно погружаемся в бездну. Интересно, – добавила она, – а те дхэнраби голодные?

– Говорят, что во время брачного сезона они ничего не едят, – покачал головой Хек. – Потому акулы и держатся неподалеку. Когда мы окажемся на Красной дороге, самцы начнут драться, и акулы наедятся до отвала. Так мне рассказывали.

Пташка Пеструшка поскребла в коротких волосах и прикрыла ослепший глаз, как всегда бывало, когда у нее возникала какая-нибудь неприятная мысль.

– Ну до чего же я в последнее время возненавидела море. Мы сейчас будто в ловушке, в тюрьме, и день за днем ничего не меняется. И еще эти жуткие звуки... – Она вздрогнула и изобразила левой рукой знак Певунов. – Неудивительно, что всех нас мучают кошмары.

Хек наклонился вперед:

– Эй, Пташка, поосторожнее со знаками.

– Извини.

– Вполне вероятно, – умиротворяюще сказал Хек; Пташку он любил всей душой, – что никто тут даже и не слышал о Певунах. Но в любом случае лучше не рисковать, ведь никому из нас не хочется стать... обузой.

– Верно говоришь, Хек.

– К тому же я нашел способ избавиться от этих клятых кошмаров. Я договорился, чтобы нас перевели в ночную вахту.

– Серьезно? – Она еще больше прищурила слепой глаз. – Только этого еще не хватало! Ну ты и придумал!

– А что не так? – удивился Хек. – Разве не лучше – спать днем, чтобы тебя не мучили кошмары?

– Могу поспорить, те, с кем ты поменялся, сейчас пляшут от радости. Надо было сначала спросить меня, и тогда бы я кое-что тебе объяснила. Ночная вахта, Хек, означает возможность столкнуться с тем самым, что пугает нас до одури.

Урс побледнел и изобразил знак Певунов:

– Боги милостивые! Может, еще не поздно поменяться обратно...

Пташка фыркнула.

Хек уныло уткнулся в миску.

В это мгновение в тесный камбуз ворвался третий дезертир из Стратема, Густ Хабб. Дико вытаращив глаза, так что были видны белки, он зажимал рукой ухо, и по ней текла кровь. Его светлые волосы развевались вокруг головы, будто безумная аура. Несколько мгновений он смотрел на Хека и Пташку, беззвучно шевеля губами, и лишь затем с них сорвались слова:

– Пока я спал, кто-то отрезал мне ухо!

Эмансипора Риза, или Манси Неудачника, который сидел неподалеку, вырвало из задумчивости появление охваченного паникой матроса. А ведь парень сказал правду: после того как приятелям удалось убедить Густа убрать руку, оказалось, что у него и впрямь нет уха, которое ловко и чисто срезали, оставив лишь кровоточащую полоску кожи. Почему он при этом не проснулся? Загадка.

«Наверное, дорвался до контрабандного спиртного, напился до беспамятства и стал жертвой какой-то междоусобицы в матросском кубрике, – сделал вывод Эмансипор, вновь

переключая внимание на стоявшую перед ним миску с едой. – Как там недавно сказала эта женщина? „Наш кок – настоящий поэт“! А потом набросилась на жратву. С ума сойти».

Риз плавал на многих кораблях и пробовал творения целого легиона коков, но худшей стряпни ему до сих пор не попадалось. Есть это было практически невозможно, если бы не хорошая порция дурханга, который ему пришлось набить в трубку вместе с обычным ржаволистом. Дурханг вызывал сильное чувство голода, достаточное, чтобы преодолеть отвратительный вкус этой вонючей дряни. Без него от Эмансипора уже остались бы кожа да кости, как говорила его жена Субли каждый раз, когда у кого-то из их отпрысков обнаруживались глисты и требовалось как-то прокомментировать данный факт. Впрочем, произносила она это с оттенком зависти, учитывая, что ее собственная фигура отличалась весьма внушительными габаритами: «Ну и ну, просто кожа да кости, во имя святых могил!»

Пожалуй, он мог бы сейчас скучать по жене. И даже по сорванцам сомнительного происхождения. Но подобные мысли остались позади, как гавань Скорбного Минора, и сейчас казались Манси столь же далекими. Всего лишь туманная дымка на горизонте... И вообще, лучше выкурить еще трубочку дурханга.

Слушая разговоры матросов – еще до того, как появление их одноухого приятеля вызвало настоящий переполох, – Эмансипор смутно чувствовал, что с этой троицей и правда что-то не так. Ох, недаром остальные члены команды уверены, что эти так называемые моряки знают о кораблях не больше, чем крот о верхушках деревьев, а сама капитан Сатер, возможно, знает еще меньше, и, если бы не первый помощник, они давно бы уже налетели на рифы или угодили в пасть какого-нибудь гигантского дхэнраби. Так-то оно так, но за этим явно крылось нечто большее, и если бы Эмансипор мог стряхнуть окутывавшую его разум густую пелену, возможно, у него и появилась бы пара дельных мыслей на сей счет.

Чувство голода тем не менее росло, превращая миску блевотины чахоточного козла в произведение кулинарного искусства, и вскоре он уже набивал рот этой дрянью.

Миска покачнулась, и Риз откинулся назад, обнаружив, к своему удивлению, что еда внезапно закончилась. Он облизал пальцы, тщательно обсосал кончики усов, жадно провел языком по нижней губе – и тут же тайком огляделся, не видел ли кто столь недостойного, подобающего скорее зверю поведения. Но трое матросов уже ушли, причем довольно поспешно, в поисках корабельного лекаря. Эмансипор остался один.

Вздыхнув, он встал со скамьи, забрал деревянную миску и, бросив ее в кадку с соленой водой возле люка, направился на среднюю палубу.

В «воронье гнездо» на главной мачте поднимали ведро с едой, и Эмансипор, щурясь на ярком солнце, посмотрел вверх. Все говорили, что она очень хороша собой: не старуха, разумеется, а ее дочь. Но возможно, девчонка была немой – отсюда странные крики, то и дело доносившиеся с мачты. Что же касается Бены-старшей, ведьмы – заклинательницы бурь, то она ни разу не спустилась вниз, даже не показала свое сморщенное лицо с самого Минора – что, вероятно, и к лучшему. В любом случае, как Риз ни напрягал взгляд, рассмотреть ему никого не удалось.

И все же приятно было думать о той девушке как о красавице.

Улыбаясь, он направился на корму. Поводов для радости вполне хватало. Сытость и приятная тяжесть в желудке. Ясное небо над головой и легкий ветер, вздымающий небольшие волны на морской глади. Субли далеко, и бесенята с лезущими из всех отверстий глистами тоже. Равно как и убитые работодатели, обезумевшие убийцы и... увы, некоторые из них были не столь далеко, как, возможно, хотелось бы любому здравомыслящему человеку.

Что ж, об этом стоило помнить. Эмансипор обнаружил, что стоит, расставив ноги, возле кормового релинга, набивая трубку ржаволистом и пытаясь сосредоточить взгляд на закутанной в черное фигуре, сторбившейся на носу, на толстых мучнистых пальцах, ловко управлявшихся с крючком и леской с грузилом. На круглом бледном лице виднелись острый кончик

красного языка над обрюзгшей верхней губой и заплывшие глаза с тяжелыми веками и дрожащими на ветру ресницами.

«Сосредоточься...»

И тут Корбал Брош нацепил на железный крючок отрезанное ухо.

А затем забросил его за борт и начал разматывать леску.

С приходом ночи заскрипели гвозди, и скрип их был речью мертвых. Многого требовалось обсудить, следовало составить планы, поделиться честолюбивыми замыслами... но сейчас голоса были полны волнения и страсти. Настал час их освобождения – освобождения пленников, столь долго заключенных внутри гвоздей.

Красная дорога Несмеяни манила их, и волна за волной, в ритме грохочущих ударов моря о доски корпуса, они приближались к той мрачной жиле, в которой текла кровь самого Маэля.

Великий бог моря истекал кровью, как это обычно бывало со всеми древними созданиями. А там, где была кровь, была и власть.

Когда ночь распахнула свою пасть, зевнув тьмой, железные гвозди, соединявшие доски корабля «Солнечный локон», гвозди, когда-то обитавшие в дереве саркофагов в могильниках Скорбного Минора, завели свой хор, удивительно страстный и алчный.

Говорят, даже мертвецы могут петь песни о свободе.

– Будьте так любезны, Риз, достаньте мою кольчугу. Почистите ее и смажьте маслом. Насколько я помню, никакого ремонта ей не требуется, и это воистину радует, учитывая ваше нынешнее состояние.

Эмансипор остановился на пороге каюты и, моргая, уставился на хозяина.

Бошелен не сводил с него взгляда.

– Можете приступать, Риз. Надеюсь, вы справитесь?

– Э... да, конечно, хозяин. Кольчуга, говорите? Справлюсь.

– Вот и прекрасно.

Эмансипор потер затылок:

– Корбал Брош ловит рыбу.

– Вот как? Что ж, как я понимаю, у него возникла внезапная нужда в акульем хряще.

– У него, что ли, колени болят?

– Прошу прощения?

– Ведьмы-заклинательницы говорят, что это надежное средство от боли в коленях.

– Ах вот оно что. Полагаю, в данном случае речь идет о некоторых экспериментальных исследованиях.

– Гм...

– Вот что, любезный...

– Да, хозяин?

– Моя кольчуга... нет, погодите! – Сидевший на краю койки Бошелен встал. – Мне кажется, Риз, в наших отношениях наступил критический момент.

– Сударь? Вы меня увольняете?

– Надеюсь, до этого не дойдет, – сказал Бошелен, поправляя свой парчовый халат и поглаживая острую бородку. – Увы, за время этого путешествия ваше мастерство изрядно пострадало. Общеизвестно, что чрезмерное потребление дурханга приводит к угасанию умственных способностей, хронической апатии и исчезновению всяческих амбиций. Короче говоря, у вас начал атрофироваться мозг. Вы проводите все свободное от сна время в постоянном отупении, а когда спите, то не способны погрузиться в достаточно глубокий сон, чтобы отдохнуть и восстановить силы. Увы, вы стали бесполезны и утомительны.

– Да, сударь.

– Соответственно, ради вашего же блага и, что более важно, моего я вынужден конфисковать ваш запас дурханга на время этого путешествия, а если потребуется, то и навсегда.

– Для меня это было бы плохо, сударь.

– Да неужели? – Бошелен удивленно поднял бровь.

– Да, хозяин. Плохо. Это все из-за нервов. У меня с ними прямо беда. Они уже не те, что когда-то.

– И что же так действует вам на нервы, любезный Риз?

Именно от этого вопроса и позволял Эмансипору уклоняться дурханг. Но теперь хозяин требовал от него до омерзения полной трезвости, лишая всех возможностей сбежать от реальности. Внезапно лишившись дара речи, слуга показал на массивный деревянный сундук у стены.

– Дитя Корбала Броша? – Бошелен нахмурился. – Бросьте, Риз, это довольно глупо. Оно хоть раз сбежало? Собственно, вы и видели-то его только однажды, в самом начале нашего путешествия. Более того, разве вы не верите в узы и заветы, которые я наложил на этого скромного гомункулуса? Должен добавить, что паранойя – обычное явление среди тех, кто злоупотребляет дурхангом.

– Хозяин, но я слышу его каждую ночь. Бульканье, стоны, хрипы...

– Надлежащие ротовые и голосовые органы, с точки зрения Корбала, не играют особой роли. Подобные звуки вполне естественны, учитывая физические ограничения данного существа. Кроме того, – тон Бошелена внезапно стал жестче, – нас постоянно будут сопровождать гости, многие из которых куда менее приятны, чем созданное моим товарищем причудливое собрание органов и частей тела, пребывающее в этом сундуке. Я исходил из предположения, любезнейший, что вы, берясь за эту работу, в полной мере осознаете подобные обстоятельства. В конце концов, мое главное увлечение – вызов демонов, в то время как мой напарник Корбал Брош исследует загадки жизни и смерти, а также всего, что находится между ними. Разве не ясно, что всем нам придется столкнуться со множеством странностей и пережить немало приключений? Да и разве вам бы хотелось, чтобы все обстояло иначе?

На это у Эмансипора Риза не нашлось ответа. Раскрыв рот, он уставился на Бошелена.

Наконец чародей отвернулся, едва заметно вздохнув.

– В любом случае, Риз, дитя не должно вас беспокоить. Кажется, я уже говорил с вами на эту тему – собственно, вскоре после того, как мы вышли в открытое море. Этот корабль находился в гавани Минора как для пополнения запасов, так и с целью ремонта, а также чтобы набрать новую команду. Так вот, что касается ремонта, похоже, именно он стал ключевым фактором в нынешней нашей ситуации. – Бошелен подошел к кормовому иллюминатору и оперся обеими руками о раму, вглядываясь сквозь свинцовое стекло. – Близятся сумерки, Риз. И через несколько мгновений мы окажемся во власти Несмеяни. Железные гвозди, Риз. Купленные в Скорбном Миноре.

Эмансипор нахмурился. В голове зашевелились смутные воспоминания. Голоса двух приятелей в таверне. Крыга и Зануда, любители легкой наживы. «Мы поработали на разгрузке, а потом содрали с них хорошую цену за железные гвозди...»

Бошелен снова взглянул на Эмансипора:

– Скажите, Риз, раз уж вы уроженец Скорбного Минора, – что, собственно, такое жорлиг?

Хек Урс знал, что нужно поспать, пока не прозвучит колокол, возвещающий о начале ночной вахты, но мысли его были полны навязчивых тревог и переживаний. Ясное дело, организму требовалось некоторое время, чтобы перестроиться и перейти из одного режима в другой: спать днем и бодрствовать ночью. Пока не привыкнешь, в голове будет вроде как туман и все такое. Хотя Пташка Пеструшка, похоже, могла в любой момент погрузиться в глубокий сон – с другой стороны, она все-таки раньше была во вспомогательной службе гарнизона Певунов

в городе Поборе, привыкла к военной дисциплине. Что касается Густа Хабба, ему воистину повезло. Стоило парню лишиться уха, как корабельный лекарь сунул ему в руки бутылку нектара из д'баянга: от одного глотка его можно было заснуть так, что не разбудят даже спазмы в желудке у Огни, от которых вокруг рушатся горы.

Увы, у несчастного Хека Урса оба уха оставались на месте, не обладал он также и солдатским умением спать где угодно и когда угодно, а потому сейчас бесцельно бродил туда-сюда, натываясь на стены, будто кот, которому отрезали усы. А напротив него, у кормового релинга, стоял один из гостей: толстяк, которого почти никто никогда не видел, весь в черном, с поднятым капюшоном.

Хек хотел было развернуться и уйти, но тогда ему бы пришлось снова пройти возле капитана, а зачем рисковать понапрасну: если один раз обошлось без замечания или приказа, то во второй уже вряд ли повезет. Поэтому, глубоко вздохнув, Хек подошел к релингу и встал рядом со зловещей фигурой.

– Близятся сумерки, сударь... и впереди, похоже, спокойная ночь.

Голова в капюшоне слегка наклонилась, и Хек скорее почувствовал, чем увидел взгляд рыбьих глаз толстяка. Подавив внезапную дрожь, матрос облокотился о релинг:

– Вижу, вы леску забрасываете? Вокруг, говорят, опасно. Акулы и дхэнраби. Рыбачить довольно рискованно, я бы сказал. Замечали когда-нибудь, сударь, что моряки почти никогда не рыбачат? Обычно только пассажиры этим занимаются. Странно, да? Наверняка это как-то связано с тем, что однажды мы сами пойдем на корм рыбам. Жуткая мысль, откровенно говоря.

– Акулы, – произнес таинственный пассажир высоким тонким голосом.

Хек моргнул, затем нахмурился:

– В смысле? Акул ловите? Ценю ваше чувство юмора, что уж там. Акулы, ха! Небось покрупнее экземплярчик добыть хотите? Вроде тех с золотистой спиной, что величиной с сам «Солнечный локон»? Эх, славный был бы поединок. Можно ставки делать, кто кому на обед попадет!

Он рассмеялся было, но быстро оробел под молчаливым взглядом скрытых под капюшоном глаз.

– Ха... ха... ха...

Темнело. Пассажир продолжал разматывать леску.

Хек поскреб заросший подбородок.

– Акулы любят мясную наживку, – сказал он. – С кровью. Вот только свежее мясо у нас закончилось на второй день после того, как мы вышли из Минора. Чем пользуетесь, сударь? Что-нибудь уже клюнуло?

– Нет, – вздохнул его собеседник. – Да, ты прав. Нужна более кровавая наживка.

– Это точно, сударь.

– И возможно, более существенная.

– Я тоже так считаю. И крючок покрупнее, вроде остроги.

– Да, замечательная идея. Вот, держи.

Хек обнаружил, что держит в руках моток лески, чувствуя, как ритмично подрагивает под напором волн увлекаемая ею наживка. Он повернулся, собираясь сказать пассажиру, что ему пора на вахту, но тот уже исчез.

Матрос растерянно стоял, не зная, что делать. Если к тому времени, как пробьет колокол, этот придурок не появится, Хека Урса ждут большие неприятности.

Услышав за спиной топот сапог, он облегченно вздохнул и повернулся:

– Рад, что вы вернулись, сударь... Ой, это вы, капитан?

– Что, во имя Худа, ты тут делаешь, Хек?

– Э... держу леску, капитан.

– Рыбу решил поудить?

– Нет, капитан! В смысле, это не я, а один из пассажиров! Тот толстяк! Он ловил рыбу и попросил меня подержать леску, пока сам не вернется, а я даже сказать не успел, что не могу, потому что у меня ночная вахта и все такое: вот я тут и застрял, капитан.

– Хек, идиот ты этакий! Привяжи леску к релингу, а потом иди разбуди Пташку и Густа. Солнце уже почти зашло.

– Есть, капитан!

– Жорлиг? Последний раз я слышал о чем-то подобном лет двадцать назад, в Клепте, но сам никогда его не видел, – сказал Эмансипор, проклиная себя за внезапную трезвость. Похоже, Бошелен что-то подсыпал ему в чай. – Помнится, этого пресловутого жорлига настигли у самой пристани. Все дело в том, что тогда был отлив: если бы эта тварь успела добраться до воды, ее ни за что бы не поймали, и потом ни одна рыбацкая лодка не осмелилась бы выйти в залив еще многие месяцы или даже годы. Потребовалось двадцать крепких солдат, чтобы прикончить жорлига копьями, топорами и прочим, и даже при этом в живых осталось лишь четверо.

– Весьма опасное создание, надо полагать, – задумчиво проговорил Бошелен, сплетя перед собой пальцы.

– Что верно, то верно. А ведь ему, между прочим, было всего полдня от роду. Тут такая штука: жорлиги очень быстро растут, пожирая своих матерей.

– Пожирая собственных матерей?

Эмансипор уставился в чашку с чаем:

– Никто точно не знает, но рассказывают, будто семя жорлигов плавает в воде, будто мелкие червячки. И если какому-то из них вдруг попадается молодая женщина, у которой особые дни, – ныряльщица за раковинами или за жемчугом или рыбацкая, – этот червячок заползает прямо в нее и завладевает ее утробой. От этого бедняжка быстро толстеет, ест за троих взрослых мужчин, и так продолжается шесть или семь месяцев, пока у нее не начинает лопаться кожа. И тогда, обычно в безлунную ночь, жорлиг раздирает ей живот, вылезает наружу и пожирает женщину прямо на месте, с костями и прочим. А потом бежит к воде.

– Любопытно, – заметил Бошелен, – однако не столь уж невероятно или странно, как могло бы показаться. Вокруг полно паразитов, и большинство из них обитают в воде, как в соленой, так и пресной, находя способ проникнуть в тело носителя через любые доступные отверстия.

– Жорлиги – не просто звери, – возразил Эмансипор. – Говорят, они почти такие же умные, как мы. Они специально заплывают в сети и сворачиваются в клубок, пока их не вытащат на борт, а потом разрывают сеть, убивают всех рыбаков в лодке и съедают их. Некоторые даже пользуются оружием, упавшим за борт или брошенным морским духам, мечами и тому подобным. Однако, хозяин, жорлиги живут лишь в мелких прибрежных водах, но никогда – в открытом море.

– Разумно, – пробормотал Бошелен. – В этих водах слишком много конкурентов, не говоря уже о риске самому стать добычей. То, что вы описали, Риз, – полностью водное создание, которое лишь рождается на суше, подобно морским черепахам и дхэнраби. Однако оно вполне способно проявлять недюжинную изворотливость на палубе рыбацкой лодки. Из этого следует сделать вывод, что при необходимости жорлиг может выжить и вне воды. Интересно, как долго?

Эмансипор пожал плечами:

– Говорят, жорлиги похожи на ящериц, только больших и способных стоять на задних ногах. У них длинный мускулистый хвост и когтистые лапы, хотя, рассказывают, страшнее всего их зубы: эти твари могут откусить человеку голову и разгрызть череп, будто яичную

скорлупу... – Он замолчал, увидев, что Бошелен наклонился вперед, буквально пронизывая его взглядом.

– Весьма любопытное описание.

– Не то слово, хозяин.

Бошелен откинулся назад:

– Да, пожалуй. Спасибо, Риз. Как я понимаю, вы уже пришли в себя?

– Да, хозяин.

– Вот и хорошо. Займитесь тогда моей кольчугой – и поторопитесь.

– Поторопиться, хозяин?

– Ну да, Риз. Скоро мы окажемся на Красной дороге. Сегодняшняя ночь будет по-настоящему захватывающей. – Бошелен встал, потирая руки. – Когда закончите с кольчугой, будьте так любезны, наточите мой меч – тот, что с красным клинком.

«Кольчуга? Меч?» Эмансипор почувствовал, как внутри у него все сжимается от ужаса, – только сейчас он осознал, что со всех сторон доносится настоящая какофония звуков. Скрежет досок, скрип в местах их сочленений и стук расшатавшихся гвоздей, странные стоны неких созданий, глухо ударяющихся о корпус и проскальзывающих под кораблем...

«Солнечный локон» пьяно накренился, и небо за иллюминатором из свинцового стекла закрыла тьма.

Где-то внизу, в трюме, раздался чей-то крик.

Бена-младшая съежилась в своей корзине на верхушке мачты, услышав жуткий вопль.

«О да, моя дорогая дочь, вот и начинается та самая ночь! Нет числа ужасающим тайнам Несмеяни, и, будь у нас возможность летать на крыльях тьмы, сейчас было бы самое время покинуть гнездо, моя дорогая! Но кто в этом мире способен сбежать от собственных кошмаров? Закроем же глаза руками и заглушим нашу тоску собственным голосом, ибо у разума тоже есть крылья, и как бы он не умчался в бездну, оставив позади тело!»

Звезды странно кружили над головой, и «Солнечный локон» раскачивался так, будто ветер дул из последних сил. Черные волны лизали корпус корабля.

«Но здесь, дорогая моя, мы превыше всех их жалких судеб, и нам ничто не угрожает. Мы подобны королевам. Богиням!»

Когда из темноты внизу донесся очередной крик, Бена-младшая поняла, что она вовсе не ощущает себя королевой или богиней, и опутанная сетью трещащего такелажа мачта показала ей не настолько высокой, чтобы спрятаться от кошмаров, разыгрывавшихся под палубой «Солнечного локона».

А рядом с нею продолжала причитать и стонать Бена-старшая, и ее развевающиеся волосы ласкали лицо дочери, подобно крыльям мотыльков.

– Кто это там так орал? – спросил Хек Урс, как можно дальше выставляя перед собой фонарь.

По всему скрипящему кораблю плясали тени, шершавые сырые доски потолка касались макушки. Он вгляделся во мрак трюма, чувствуя, как его прошибает холодный пот.

Остальные уже проснулись, но в основном толпились возле люка, что вел в матросский кубрик. Урс усмехнулся с деланой бравадой, глядя на их выпученные глаза и раскрытые рты, похожие на крошечные ямки на стенах утесов, где гнездились стрижи.

«Ну и трусы!»

Хотя что с них взять, они ведь не были солдатами. Никто из них. Вполне естественно, что они полагались на Хека, Густа и Пташку Пеструшку, хотя те и помалкивали о своей службе в гарнизоне. Но хватало одной лишь их твердой уверенности в себе, когда все вокруг быстро

катилось в некую бездну, темную и жуткую. Хек стоял, держа в руке фонарь и зная, что у Пташки и Густа за его спиной – благослови их Худ! – висят на поясе короткие мечи.

– Брив пропал, – сдавленно проговорил Густ Хабб, прервав свою нескончаемую молитву. – Говорят, спустился сюда за бочонком чего-то там.

– Брив, помощник кока? – спросила Пташка Пеструшка.

– Нет, помощник плотника.

– Его что, тоже зовут Брив?

– Да, и есть еще Брив, что плетет веревки.

– Значит, Брив пропал? – прервал Хек их дурацкий разговор.

– Да, помощник плотника Брив.

– И он спустился сюда?

– Не знаю, – ответил Густ Хабб. – Полагаю, да, если это кричал он, но ведь точно нам не известно. Может, кричал какой-нибудь другой Брив?

Развернувшись, Хек яростно уставился на своего одноухого товарища:

– С чего бы другому Бриву вдруг орать, Густ?

– Я этого не говорил, Хек. Я лишь сказал, что мы не знаем, откуда орал Брив, да и Брив ли вообще это был.

– С какой стати, собственно, орать должен был обязательно Брив? – раздраженно осведомился Хек.

Густ и Пташка переглянулись, затем женщина пожала плечами:

– Ни с какой, милый.

– Если только, – заметил Густ, – все трое не пошли за одним и тем же бочонком.

– Вопрос совсем даже не в этом! – возразила Пташка. – Зачем вдруг помощнику плотника вообще понадобился какой бы то ни было бочонок? Вот в чем вопрос! Помощнику кока – да, понятно. Даже плетельщику, если он искал...

– Она, – поправил Густ.

– Брив, что плетет веревки, – «она»?

– Угу.

– Что ж, я имела в виду, что в бочках бывает воск, верно? И смола тоже, так что тут все логично. Брив-плетельщица спустилась сюда, чтобы...

– Слушайте, вы двое! – рявкнул Хек Урс. – Не важно, кто именно...

И тут из люка над ними послышались крики.

– Брива нашли! – фыркнул Густ.

– И кого же из троих? – спросила Пташка.

– Не важно! – заорал Хек и набрал в грудь побольше вонючего воздуха, пытаясь успокоиться. – Суть в том, что никто не пропал. Так кто же тогда там кричал?

Густ закатил глаза:

– Как раз это мы и пытаемся выяснить, Хек. Так что хватит впустую тратить время, лучше займемся делом!

Хек Урс шагнул вперед, еще дальше выставив перед собой фонарь.

– К тому же, – уже тише продолжил Густ, – я слышал, будто Брив-плетельщица – на самом деле вовсе даже не Брив, а Горбо, который любит одеваться как девушка.

Хек снова повернулся и яростно уставился на Густа, который лишь пожал плечами:

– Ничего удивительного, такой на любом корабле найдется...

– И где ты это слышал? – спросил Хек.

– Ну... вообще-то, это просто мое предположение. Но будь я проклят, выглядит весьма убедительно.

– Знаешь, чего бы мне хотелось? – сказал Хек. – Чтобы тебе не отрезали ухо...

– Мне бы тоже...

– ...а вместо него отрезали язык, Густ Хабб.

– Весьма нелюбезно с твоей стороны, Хек. Я, знаешь ли, ни за что бы не пожелал, чтобы тебе что-нибудь отрезали. И между прочим, мне до сих пор больно. Страшно жжет, особенно сейчас, когда я весь потею. Жжет, Хек, – как тебе такое? И еще этот свист. Все свистит и свистит...

– Я пошел в галюн, – сказал Хек.

– Что, прямо сейчас? Ты что, не мог...

– Он тут рядом, придурок! Схожу проверю.

– Как хочешь, – пожал плечами Густ. – Только не забудь потом помыть руки.

– Это кричал не жорлиг, – заверил Эмансипор Риз, облизывая внезапно пересохшие губы. Бошелен, продолжая поправлять рукава кольчуги, поднял бровь:

– По-моему, Риз, это был крик умирающего.

– Только не говорите мне, что Корбал Брош...

– Определенно, нет. Мы слишком далеко от суши, чтобы господин Брош стал искать жертв среди команды. Естественно, это было бы крайне неразумно, ибо кто же тогда станет управлять кораблем? – Бошелен надел черные кольчужные перчатки и протянул обе руки Эмансипору, чтобы тот завязал на запястьях кожаные ремешки. – До чего же жалобный вопль, – пробормотал некромант. – Само собой, я все это предвидел.

– Это все из-за тех гвоздей, хозяин?

Бошелен резко кивнул:

– Никогда не следует высвобождать духи мертвых, вырывая их из мест упокоения.

– Меня утешает мысль, что места упокоения вообще существуют, хозяин.

– Прошу меня простить, Риз. Подобных мест не существует, даже для мертвых. Я использовал не слишком удачное клише. Скорее уж их можно назвать местами вечного заточения.

– Ох...

– Естественно, духи наслаждаются неожиданной свободой, воображая, будто перед ними открылись невероятные возможности, но, увы, по большей части это лишь иллюзии. – Он подошел к мечу и вложил темный клинок в ножны. – Вот почему некоторые смертные столь... полезны. Корбал Брош прекрасно понимает этих необузданных духов.

– Тогда почему вы готовитесь к схватке, хозяин?

Бошелен помедлил, пристально глядя на Эмансипора, и повернулся к двери:

– У нас гости.

Слуга вздрогнул.

– Только без паники, Риз. Подойдите к двери и пригласите их войти.

Эмансипор поднял засов и попятился, увидев капитана Сатер и ее первого помощника. Женщина была бледна, но лицо ее оставалось бесстрастным, в то время как Абли Друтер выглядел так, будто наелся колючих морских ежей.

– Это все из-за тебя, Неудачник, – прошипел он, ткнув кривым пальцем в Эмансипора.

– Спокойно! – бросила капитан Сатер, не сводя серых глаз с Бошелена. – Хватит притворяться. Вы чародей.

– Скорее, фокусник, – ответил Бошелен. – И я даже не знал, что кем-то притворяюсь.

– Он вонючий маг, – прорычал Абли Друтер. – Вероятно, это и из-за него тоже! Скорите его дхэнраби, капитан, и мы без проблем доберемся до Безнадежного мыса за... Во имя Буревсадников! – внезапно выдохнул он, только теперь увидев боевое снаряжение Бошелена, и попятился к двери, положив руку на короткий меч на пояс.

Капитан Сатер развернулась кругом, яростно уставившись на первого помощника:

– Ступай вниз, Друтер. Посмотри, что там нашли наши парни в трюме, – Худов дух, проверь, живы ли они еще вообще. Иди! Быстро!

Абли Друтер еще раз взглянул на Бошелена, оскалив кривые зубы, и выбежал за дверь. Вдохнув, Сатер снова повернулась к магу:

– Что за напасть поразила наш корабль? Похоже, сам воздух пропитан ужасом – и все из-за единственного крика. Прислушайтесь к треску: кажется, еще несколько мгновений и корпус судна разорвет на части. Объясните, что все это значит! И почему, во имя Худа, вы вооружились, словно на битву?

– Будьте добры, Риз, – негромко сказал Бошелен, – налейте нам, пожалуйста, вина...

– Меня не интересует вино!

Бошелен хмуро взглянул на Сатер:

– Налейте мне вина, Риз.

Эмансипор подошел к сундуку, где его хозяин хранил запас пыльных кувшинов, бутылок и фляг. Пока он шарил среди всей этой коллекции в поисках чего-нибудь безобидного, Бошелен продолжил разговор с капитаном:

– Паника – обычное бедствие, когда пробуждаются духи, капитан Сатер. Подобно пылице в воздухе, семена ужаса укореняются в каждом незащищенном смертном разуме. Призываю вас к бдительности, иначе ужас пожрет и ваш рассудок.

– То есть тот вопль – лишь следствие безрассудного ужаса?

Услышав последующие слова Бошелена, Эмансипор представил, как тот едва заметно улыбается.

– Вижу, упоминания о вырвавшихся на свободу духах недостаточно, чтобы поразить вас, капитан. Я впечатлен. У вас явно имеется немалый опыт, основательно укрепивший ваши нервы. Собственно, я даже рад тому, как вы ведете себя в данных обстоятельствах. Так или иначе, тот вопль свидетельствовал об ужасной смерти одного из членов вашей команды.

За спиной Эмансипора наступила тишина. Он поднес к глазам бутылку из черного пузырчатого стекла и тут же вздрогнул, увидев выдавленную на ней печать в форме черепа и опоясывающие короткое горлышко кости. Поспешно вернув бутылку на место, он потянулся за другой.

– Духи, – холодно проговорила Сатер, – редко обладают способностью убивать живые души.

– Совершенно верно, капитан. Естественно, бывают исключения. Не стоит также забывать о Красной дороге Несмеяни и ее быстрых водах. Увы, имеет место весьма неблагоприятное стечение обстоятельств. Чтобы точнее определить, что именно пробудилось внизу, мне нужно поговорить с моим товарищем, Корбалом Брошем...

– Еще один клятый чародей?

– Своего рода заклинатель.

– И где же он? Недавно был на палубе, но потом исчез: я полагала, что этот евнух, от одного вида которого бросает в дрожь, здесь, с вами.

Эмансипор нашел еще одну бутылку из мутного зеленого стекла, на этот раз без жутких печатей. Повернувшись, он поднес ее к свету фонаря и, не увидев ничего подозрительного в темной жидкости внутри, взял кубок, откупорил пробку и налил хозяину до краев, после чего помедлил и осторожно принялся.

«Ага, это точно вино». Слуга облегченно вздохнул и, выпрямившись, подал кубок Бошелену, который взял его заключенной в металл левой рукой.

– Капитан Сатер, – небрежно сказал заклинатель, – советую вам воздержаться от столь... грубых высказываний в адрес Корбала Броша. Как может подтвердить господин Риз, добрый нрав моего товарища в той же степени пал жертвой кровавого увечья, как и его...

– Ладно, ладно. В любом случае он похож на загнанного в угол краба. Так вы мне не ответили: где ваш друг?

– Что ж... – Бошелен сделал большой глоток вина, – учитывая его опыт, могу предположить, что... – Последовала внезапная необъяснимая пауза, которая тянулась пять, семь, десять мгновений, прежде чем он медленно повернулся к Эмансипору. Обычно ледяные глаза Бошелена светились странным огнем, на лбу выступили мелкие капли пота, блестящие также в его бороде и подстриженных усах. – Скажите, Риз, – сдавленно проговорил Бошелен, – вы уже убрали бутылку в сундук?

– Э... да, хозяин. Хотите еще?

Рука, сжимавшая кубок, дрогнула. Бошелен рывком шагнул к Эмансипору и сунул меч ему в руки:

– Возьмите, быстрее!

– В чем дело, хозяин?

– Темно-зеленая бутылка, да, Риз? Без украшений, с продолговатым выпуклым горлышком?

– Ну да, она самая...

– В следующий раз... – выдохнул Бошелен, и его лицо обрело красноватый оттенок, какого Эмансипор никогда еще не видел, – в следующий раз, пожалуйста, берите любую из бутылок с черепом...

– Но хозяин...

– Это кровавое вино, Риз, причем самого смертоносного сорта: предупреждением служит форма горлышка. – Он потянул себя за кольчугу, будто у него внезапно заболел живот. – Предупреждение... о боги! Даже тоблакайская девица рассмеялась бы! Вон отсюда, Риз! Убирайтесь!

Капитан Сатер смотрела на них, ничего не понимая.

Забрав меч, Эмансипор Риз бросился к двери и распахнул ее. Когда он шагнул за порог, Сатер попыталась последовать за ним, но Бошелен молниеносно метнулся к ней, схватив одной рукой за шею:

– Только не ты, женщина!

Его скрежещущий, почти звериный голос невозможно было узнать.

Сатер пробовала было нащарить свой меч, но Эмансипор услышал жуткий треск разрываемой кожи и пряжек, а затем слабый женский вскрик...

Эмансипор стремглав выбежал в коридор, захлопнув за собой дверь.

Из каюты донеслись глухие удары, шорох сапог о пол, еще один приглушенный крик.

Эмансипор Риз облизнул губы, – похоже, в последнее время ему приходилось делать это довольно часто.

«Кровавое вино... где я раньше слышал это название? Хозяин что-то говорил про тоблакаев, великанов-варваров. Ну да, древесный сок, смешанный с вином. Вполне логично».

Из-за двери теперь слышались ритмичные поскрипывания и толчки, сопровождавшиеся женскими вздохами и мужским ворчанием.

Моргнув, Эмансипор уставился на меч, который держал в руках. Длинный, двуручный. Круглая головка эфеса из серебра и оникса, тяжелая и блестящая, будто от влаги.

Сквозь прочную дубовую дверь доносились отчаянные крики и стоны.

Вновь вспомнив то бутылочное горлышко, Эмансипор еще раз взглянул на рукоятку и эфес меча.

«Один глоток? Всего один? О боги!»

– Слышала?

Пташка Пеструшка, прищурившись, взглянула на Густа Хабба:

– Что?

– Вода льется. Похоже, у нас пробойна!

– Ерунда. Мы бы это почувствовали. Да мы бы тут уже по колено в воде бродили, клянусь языком Маэля! Никакой пробоины нет, Густ, так что лучше заткнись!

Они переговаривались шепотом, оба понимали, что лучше особо не шуметь, пока Хек Урс пробирался в сторону галюна в поисках того, кто недавно кричал, возможно рискуя обнаружить останки несчастного придурка или, еще хуже, лишь несколько липких, воняющих мокрых железом пятен.

– Я слышу воду, Пташка, клянусь. И еще щелчки и стоны – боги, они меня с ума сводят!

– Проклятье, да успокойся ты уже!

– И взгляни на те гвозди – те новые... смотри, как они потеют красным...

– Это всего лишь ржавая вода...

– Ничего подобного...

– Да хватит тебе. Смотри, Хек уже у галюна.

Этого оказалось достаточно, чтобы Густ Хабб замолчал. Рядом с присевшей на шедший вдоль киля центральный настил Пташкой слышалось лишь его быстрое дыхание. Оба напряженно всматривались в покачивающийся круг света от фонаря в полутора десятках шагов впереди. Черная покосившаяся дверь приоткрылась, и силуэт Хека Урса заслонил свет.

– Смотри! – прошептал Густ. – Он заходит туда!

– Смелчак, – буркнула Пташка Пеструшка, качая головой. – Мне стоило бы выйти за него замуж.

– Не такой уж он и смелчак, – заметил Густ.

Она медленно повернулась к нему, доставая нож:

– Что ты сказал?

Густ Хабб, даже не почувствовав опасных ноток в ее голосе, лишь указал головой вперед:

– Смотри, он просто заглядывает.

– Да, верно. – Она убрала нож.

Отступив назад, Хек закрыл дверь галюна и, развернув фонарь, поспешил обратно, туда, где его ждали двое друзей.

– Пусто, – сказал он. – Никого и ничего.

Густ Хабб вскрикнул и хлопнул ладонью по забинтованной ране на голове.

Хек и Пташка уставились на него.

– Ой! Меня кто-то укусил за ухо!

– За какое место укусил? – уточнил Хек. – У тебя там теперь призрак вместо уха, Густ Хабб. Его там больше нет, забыл?

– Клянусь...

– У тебя просто воображение разыгралось, – сказала Пташка Пеструшка и снова повернулась к Хеку Урсу. – Ну и что будем делать дальше?

Кто-то шел в их сторону. Повернувшись, оба увидели приближающегося Абли Друтера.

– Мы все обыскали, – доложил Хек, когда первый помощник подошел к ним. – Но ничего не нашли. Никаких следов.

Абли присел, жестом подзывая матросов к себе.

– Слушайте, вся клятая команда не спит, у всех глаза по сторонам бегают. Не можем же мы им сказать, что ничего не нашли...

– Переключку провели? – спросил Хек. – Кого не хватает?

– Плетельщицы Брив.

– Точно?

– Так мне сказали. Это та рыжая коротышка с волосатыми ногами...

– А Горбо на месте?

Абли Друтер кивнул.

Хек и Пташка переглянулись.

– Уверен? – спросил Хек.

Абли нахмурился:

– Да, это он сообщил о пропаже Брив.

– Что, правда? – фыркнула Пташка Пеструшка.

– Я же сказал.

– И никто больше не пропал?

– Ну... только тот толстяк-пассажир, который все время рыбачит.

– Ой! – Густ Хабб снова хлопнул ладонью по повязке.

– Что с тобой? – спросил Абли Друтер. – Почему у тебя голова забинтована?

– Неужели не слышал? – удивилась Пташка и тут же пояснила: – Кто-то пришел и отрезал ему ухо – не поверишь, во сне. И теперь у Густа призрачное ухо.

– Ты что, можешь слышать призраков?

Трое бывших солдат на мгновение уставились на первого помощника. Затем Хек Урс сказал:

– Вроде как может, только они иногда кусаются.

– Просто кошмар какой-то. – Абли Друтер выпрямился и поспешно двинулся назад, с каждым шагом удаляясь от круга света.

Вероятно, потому никто из присевших в проходе бывших солдат не сумел понять, что именно внезапно возникло за спиной первого помощника и откусило ему голову.

Палуба «Солнечного локона» далеко внизу под Беной-младшей и ее кудахчущей матушкой напоминала крошечное пятнышко посреди бурного моря. Черное, с размытыми краями, оно служило единственным свидетельством того, что корабль все еще существует, продолжая идти среди пенящихся волн, которые накатывают со всех сторон, подсвеченные в ночи красноватым сиянием.

Хлопая безразличными к ветру парусами, «Солнечный локон» дрейфовал, подталкиваемый течениями Красной дороги. За штурвалом никого не было видно. Лишь тени плясали на тросах и снастях, и никто не освещал на носу путь фонарем.

Бо́льшая часть команды столпилась вокруг ведущего в трюм люка. Вокруг были рассыпаны кучки песка, образуя жалкое подобие защитного кольца вокруг беспомощных моряков, – подробность, вызывавшая лишь хриплый смех, исторгнувшийся из разинутого рта Бены-старшей.

Порывистый ветер над головой разогнал тонкий покров серых туч, но в разрывах виднелась лишь бездушная, лишенная звезд тьма.

И в сторону этого чуждого неба выпускала свои безжизненные вздохи Несмеянь. Бена-младшая сидела на корточках, обхватив руками прижатые к груди колени и дрожа от слепого, повергающего в отчаяние ужаса.

Высохшая голова ее матери ритмично покачивалась, будто пытаясь приободрить дочку, и Бена слышала ее напевный стон:

«Похоть и смерть наполнят эту ночь, убийственная игра любви и награбленных сокровищ! Утопия, подобная влажным мечтам философа... И все танцоры замерли, будто их ноги прищипило жуткими шипами рассудка! Возвышенная музыка воспроизводства! Этот глупец Неудачник по случайности освободил всех нас – стоит ли нам благословить оскотенного безумца и того, кто таится в его запертом сундуке? Но нет, это дитя под надежной охраной – под защитой того, на кого не действуют никакие доводы!

Мы с тобой, дорогая, переживем эту ночь. О да, Бена-старшая может это обещать! Нам не грозит никакое изголодавшееся зло. Твоя дорогая любящая мамочка уже выросла до приличных размеров, ибо так действуют вздохи, что испускает Красная дорога, шепча обещания истинного величия, подобающего всему материнскому, и не будем терять надежды.

Не плачь, дочь моя. Согрейся в неослабных объятиях матери – тебе ничто не грозит. Ни сейчас, ни впредь. Твоя кровь девственна, как твой детский разум, и в девственности сила твоей души – твой самый сладкий поцелуй, благодаря которому живет та единственная, что по-настоящему тебя любит.

Ты моя навеки, даже в эту ночь, и я докажу это всем, сколь бы древними, зловещими и отчаянными ни были те силы, что бросают нам вызов снизу!

Дай же мне насладиться каждым стоном, срывающимся с твоих губ, дочь моя. Моя сила растет!»

Крик. Внезапно широко раскрытые глаза. Слабый первобытный трепет. Душа напрягается и сжимается в комок, ожидая повторения, ибо лишь тогда в темной неизвестности возникает лицо, испуганное и пугающее одновременно, искаженное от боли или – о, как бы этого хотелось! – полное ошеломленного восторга. Но, увы, желание это сбывается крайне редко, ибо одна за другой являются мрачные истины, которым, похоже, нет конца.

Крик. Перехватывает дыхание, замирает сердце. Что дальше?

На этот раз – взрыв воплей. Из трех глоток сразу. Уже нечто совсем... иное.

Грохот и глухой удар, где-то внизу мечется из стороны в сторону луч слабого света. Скользят сапоги по доскам, крики становятся хриплыми, будто рвется под потоком звука нежная ткань. Наступает мгновение, когда все колеблется на лезвии ножа, на краю зияющей пропасти, под завывание несущего забвение ветра – неужели пришло безумие? Вырвалось на свободу необузданное насилие и не разбирающее пути зло? Смутные фигуры врезаются друг в друга, каблуки топчут лица с широко раскрытыми ртами, летят за борт тела, трещат кости, хлещет кровь, грязные пальцы вонзаются в глаза – сколь же многие стали по прихоти судьбы жертвами безжалостного безумия!

А ведь хватило бы одного зычного, отданного командным голосом приказа, чтобы оттащить души от края смертельной бездны. Если бы среди сбившейся в кучу команды оказался хоть один, чья сила духа и железный хребет могли дать единственный шанс на спасение...

Но ужас, плывший в знойных течениях ночи, проникал в плоть и разум, и за раздавшимся снизу жутким воплем последовал безудержный хаос.

Жизнь, как бы мог заметить Бошелен – будь он в состоянии что-либо комментировать, – всегда склонна к глупости и, что вполне логично из этого следует, к жестокому самоуничтожению.

Но естественно, он был слишком занят, изливая в своей каюте бесконечный поток семени в лоно почти бесчувственной и совершенно несопротивляющейся Сатер – а это, как все прекрасно знают, является вершиной человеческой доблести, славы и величия.

В свете яростно раскачивающегося фонаря безголовое тело Абли Друтера продолжало сучить ногами, несмотря на кровь, хлещущую из кошмарно изодранной шеи. Руки его дергались, будто управляя непослушными марионетками. Пташка Пеструшка, Густ Хабб и Хек Урс дружно попятись по проходу в сторону носа – не носа Абли, поскольку головы у него уже не было, а гальюна на носу корабля, – но, поскользнувшись, все трое, крича, скатились к заплесневелому борту, судорожно пытаясь подняться на ноги. Хек продолжал держать высоко поднятый фонарь, чувствуя исходящий от промокшей одежды резкий запах мочи, а в случае Густа – и кое-чего похуже.

Если бы убийца сейчас явился по их души, он практически без усилий завладел бы добычей. Однако ничто на них не обрушилось, и, не считая их собственных воплей и глухого стука сапог Абли – а теперь еще и панического топота ног по палубе наверху, – не было слышно ничего подозрительного: ни шороха, ни ворчания, ни лязганья клыков, ни шипения оскаленной пасти.

Несмотря на это, ужас продолжал держать трех бывших солдат за горло – особенно когда Абли Друтер вдруг сел, рывком поднялся на четвереньки, а затем встал на ноги. По его туловищу спереди и сзади текла кровь, и у Хека вдруг промелькнула полная отвращения мысль, что ему стоило бы воспользоваться салфеткой. Шаря вокруг руками, Абли Друтер шагнул вперед.

Его повело в сторону, и все трое закричали с удвоенной силой, когда безголовый первый помощник свалился на них сверху.

Пальцы Друтера ухватились за то, что подвернулось, и Густ завопил, лишившись второго уха. Можно сказать, восстановилась благословенная симметрия, – но на фоне нескончаемого шума льющейся воды в его мозг ворвались жуткий хруст и чавканье.

Размахивая руками, бедняга отполз подальше от трупа, уткнувшись лицом в щель между деревянным настилом и корпусом. Рот его внезапно наполнился жирной шерстью, которая судорожно дернулась, когда он инстинктивно сжал зубы. Раздался жалобный крысиный писк, который закончился на слишком высокой ноте, как будто лопнул надутый воздухом пузырь, и в рот Густу Хаббу хлынула омерзительная жижа.

Желудок его тут же взбунтовался с такой силой, что изуродованную крысу отбросило на расстояние человеческого роста, в проход, где она неподвижно замерла на спине, задрав лапы и вывалив из раскрытого рта кроваво-красный язык.

Хека Урса тем временем душил безголовый первый помощник, которому явно требовалась голова, причем любая. Так что в конце концов, позабыв об опасности, которую может представлять горящий фонарь, Хек решил воспользоваться им как оружием. Однако, увы, просчитался: подобным оружием было бы хорошо врезать нападающему по затылку, однако тот отсутствовал, как и сама голова. Твердая горячая бронза заполненного маслом фонаря уперлась Урсу в лицо, подпалив ему самому бороду и сломав нос. Ничего не видя, он отшвырнул фонарь, разливая вокруг пылающее масло.

Огненный поток угодил между ног Пташке Пеструшке, которая как раз в этот момент присела. Почувствовав ожог, она вскочила, отпрыгнув назад, и, поскользнувшись на дохлой крысе, с грохотом ударилась головой о дверь галюна. Закатив глаза, Пташка лишилась чувств.

Кровь погасила тлеющую бороду Хека, и теперь, когда обе его руки были свободны, он начал один за другим выламывать сжимающие его шею пальцы. Из заднего прохода Абли Друтера слышались странные звуки, видимо заменявшие болезненные стоны. Наконец Хек Урс сумел высвободиться и, вскарабкавшись на спину первому помощнику, начал самозабвенно лупить его кулаками.

В полумраке возник Густ Хабб, чья безухая голова напоминала в мерцающих отблесках пламени кошмарный призрак. Блевотина на его подбородке смешивалась со стекающей по обоим щекам кровью. Выпучив глаза, он уставился на Хека Урса:

– Убей его! Убей!

– Пытаюсь, идиот! – бросил в ответ Хек. – Найди какой-нибудь меч, пику, веревку, чтоб тебя!

Густ Хабб, шатаясь, двинулся дальше:

– Сам ищи! Я тут больше не останусь! Ни за что! И никогда сюда больше не спущусь!

Ругаясь, Хек потянулся к ножу. Все так же сидя верхом на сопротивляющемся теле Абли Друтера, он извернулся и подрезал первому помощнику поджилки, сперва с одной стороны, а затем и с другой.

– Попробуй теперь походи! – прорычал он и, хихикнув, вновь выбрался на настил. Вскрикнув от прикосновения огненного языка, он пополз к Пташке Пеструшке:

– Очнись, милая! Нужно отсюда выбираться... очнись!

От третьей крепкой пощечины веки женщины затрепетали, затем она открыла глаза и уставилась на него непонимающим взглядом.

Хек, однако, ждать не мог, и начал поднимать Пташку на ноги.

– Идем, милая. Тут какой-то демон или что похуже – Густ, сволочь, уже сбежал. Давай пошли отсюда.

Она тупо посмотрела на него:

– Корабль горит. Плохо дело.

– Позовем сюда всю команду, всех до единого, будь они прокляты, и они потушат пожар.

– Хорошо. Да. Если все загорится – будет плохо.

– Да уж, дорогая, ничего хорошего. Давай смотри под ноги...

Когда Хек Урс потащил бессвязно бормотавшую Пташку Пеструшку по крутому трапу на палубу, безголовое тело Абли Друтера, оказавшись предоставленным самому себе, попыталось подняться на ноги, но, увы, ноги его не держали. Первый помощник уныло сел на настил, положив руки на колени и свесив кисти.

Искра жизни могла преодолеть невообразимые расстояния, вспыхнуть в самых неожиданных местах, промчатся по мышцам и нервам, будто белка с отрубленным хвостом. И иногда, когда уходила даже сама жизнь, оставалась ее искра – пусть и ненадолго.

Сидящий на настиле Абли Друтер больше не двигался – лишь слегка шевельнулись опускающиеся плечи. Даже кровь из всевозможных ран наконец почти перестала течь, превратившись в густые длинные капли.

Кошмарный убийца бесследно исчез.

Пламя, до этого алчно лизавшее просмоленный корпус судна, внезапно замерцало и погасло.

Со стороны галюна послышались мягкие шаги, и в полумраке появилась массивная фигура мужчины в длинной черной кольчуге. Его лысая макушка тускло поблескивала серым. Присев над раздавленным трупиком крысы, он протянул к ней руку с толстыми пальцами.

С обрызгших губ Корбала Броша сорвался тихий стон.

Это была последняя крыса на «Солнечном локоне». Его самая любимая, пусть и временная служанка. Она видела чудовище, которое небрежно, будто походя, прикончило первого помощника. И естественно, у жертвы отсутствовала голова. Чего вполне следовало ожидать.

Корбал Брош помедлил, наклонив надежно сидящее на месте ухо.

Паника наверху, похоже, несколько поутихла. Возможно, команда покинула корабль – что было бы весьма достойно сожаления. Наверняка ни капитан, ни Бошелен такого бы не позволили. Разве Бошелену неведомо, насколько любит Корбал эти мириады грязных, не особо здоровых проблесков жизни? Да, ему обещана хорошая жатва после того, как они станут больше не нужны. Обещана...

Что ж, Корбал Брош мог бы отправиться за ними в погоню, если вдруг они и в самом деле сбежали...

Из темноты, откуда-то со стороны носа судна, донесся хриплый смех.

Корбал Брош нахмурился.

– До чего же грубо – прерывать мои драгоценные мысли, – пробормотал он. – Крайне грубо.

Смех смолк, и послышался скрипучий голос:

– Это ты?

– Да, – ответил Корбал Брош.

– Не может быть.

– И тем не менее.

– Тебе придется умереть.

– Придется. Когда-нибудь.

– Совсем скоро.

– Как бы не так.

– Я убью тебя. Сожру твою круглую башку. Попробую на вкус горькую сладость твоих пухлых щечек. И всласть налагаюсь крови, которой ты истечешь.

– Нет.

– Подойди ближе.

– Это можно, – ответил Корбал Брош.

Поднявшись, он направился в сторону носа, пройдя под тусклым прямоугольником все еще открытого люка. Его рука в кольчужной перчатке сжимала зловеще блестящий топор в форме полумесяца, с короткой рукояткой, который, казалось, источал маслянистую жижу.

– Этим ты мне не повредишь.

– Да, больно не будет. Но я и не собираюсь причинять тебе боль, – усмехнулся Корбал Брош. – Я порублю тебя на куски. Без боли. Просто на мелкие кусочки. Мне нужны кое-какие твои части.

– Ты отважен, смертный. Нам воистину следует испытать друг друга... но не сейчас.

Корбал Брош остановился, поняв, что демон исчез. Разочарованно сунув рукоятку топора за пояс, он принялся, пробуя темноту на вкус, и прислушался к журчанию и бульканью воды снаружи. Наконец он почесал зад, повернулся и начал подниматься по трапу.

До верха он так и не добрался. С другой стороны, в его намерения это и не входило.

Когда снизу слышались крики и на средней палубе «Солнечного локона» начался хаос, Эмансипор Риз присел перед дверью каюты, уставившись на вопящую толпу матросов, которые металась по палубе, вырывая друг другу волосы, кусаясь и царапаясь. Некоторые падали за борт. Из трюма донеслись новые несмолкающие вопли.

– Только не снова это, – пробормотал он.

Так порой закручивается вокруг себя мир, подобно лобковым волосам на ветру, когда сидишь со спущенными штанами и холод пробирает в обычно потаенных, будто обратная сторона луны, местах. Снова и снова жизнь срывается с узды, и повторяются одни и те же сцены, жуткие и сверхъестественные, – да что там, он почти ожидал услышать хруст дерева от удара о камни и лед, ржание тонущих под палубой лошадей, увидеть спотыкающиеся фигуры с искаженными, перемазанными кровью лицами. И завывающий ветер, будто швыряющий в тебя сгустки тьмы со всех сторон, посреди безумной, полной смерти и разрушений ночи...

Но это, уверял он себя, было давно. На другом корабле. В другой жизни.

А сейчас... что ж, будь что будет.

Крепче сжав громадный меч Бошелена, Эмансипор Риз выпрямился и поднялся по трапу на палубу.

– Слушайте меня, матросы! – взревел он, высоко подняв оружие. – Слушайте все! Призываю вас к порядку, будьте вы прокляты!

Громоподобный рев, каковой в подобной ситуации неизбежно исторгся бы из глоток офицеров, вполне мог достичь того крошечного сгустка разума величиной с орех, что имелся в мозгах большинства матросов, и, если будет на то благословение Госпожи, а Маэль затаит дыхание, заставить этих придурков подчиниться, восстановив порядок и способность здраво рассуждать...

– Это же Манси Неудачник! Это он во всем виноват! Хватай его!

«Вот дерьмо...»

Густ Хабб, все еще пребывавший в расстроенных чувствах из-за утраты ушей, высунул изуродованную голову из люка и, выпучив глаза, уставился на разъяренную толпу, которая атаковала того самого слугу, носившего столь подходящее ему прозвище Неудачник. А он сжимал в руках гигантских размеров меч, которым опасно размахивал, пытаясь сдержать натиск

злобно рычащих матросов. Кто-то выбил деревянным нагелем оружие из рук Манси, и Густ увидел, как меч летит, кувыркаясь, прямо к нему.

Хабб с воплем отскочил назад, и между глаз у него взорвался огонь. Брызнула кровь, и, прижав руки к носу, он обнаружил на его месте лишь две кровавые дыры. Упав на бок, бедняга откатился от люка. В его мозг хлынул жуткий запах холодного железа, заглушая даже боль. Вместе с нескончаемым журчанием воды – которая, казалось, лилась из его полуослепших глаз – и доносящимся откуда-то едва слышным треском всего этого оказалось чересчур для его измученного разума, и на Густа накатило благословенное забытие, окутав его черной пеленой.

На какое-то время.

Хек Урс, тащивший Пташку Пеструшку, увидел неподвижно лежащего на палубе товарища, голову которого окружала лужа крови. Охваченный гневом, он оставил Пташку у края люка и выхватил свой короткий меч, о котором уже почти успел забыть.

У основания главной мачты суетилось два десятков матросов, поднимавших на канатах безвольное тело с болтающимися руками. Манси Неудачник, избитый до бесчувствия, а может, и похуже, привязанный за лодыжку, дергаными рывками возносился к небу.

– Что вы творите, во имя Худа? – взревел Хек, наступая на толпу.

Женщина по имени Миппл, чьи волосы напоминали давно заброшенное гнездо стервятников, резко повернула голову и оскалила грязные зубы:

– Это Неудачник! Он пытался всех нас убить! Мы приносим его в жертву Маэлю!

– На верхушке главной мачты? Спустите его, идиоты!

– Нет! – заорал другой матрос, размахивая нагелем и гордо выпятив грудь, будто именно он был тут главным.

Густ хмуро взглянул на матроса, пытаясь вспомнить, как того зовут:

– Вистер, кажется?

– Ты сухопутная крыса, Хек Урс, – и не пытайся отрицать! Только посмотри на себя: ты же клятый солдат, дезертир!

– Манси не...

– Он отрубил нос твоему другу!

Хек замолчал, еще больше хмурясь, и утер кровь с собственного носа.

– Точно он?

– Угу, вон тем здоровенным мечом, который торчит там, вонзившись в релинг. Видишь кровь на лезвии? Это кровь Густа!

Хор голосов подтвердил упомянутые подробности. Все дружно закивали, подкрепляя заверения Вистера смачными плевыми в сторону.

Хек убрал меч обратно в ножны:

– Что ж, в таком случае – наверх его!

«Что там такое, дорогая моя дочь? Слышишь шорох и толчки, треск и стоны? Грядет безумный демон! Угасли его чувства, потухла свеча разума – готовься, моя милая, вместе мы перережем ему глотку и прольем кровавый дождь на глупцов внизу!»

Корзина на верхушке мачты мягко покачивалась, описывая небольшие круги. «Солнечный локон» потерял управление и дрейфовал на волнах, медленно двигаясь боком вдоль Красной дороги Несмеяни. Внизу все еще бегали человеческие фигурки, которые наконец начали звать капитана; затем пришло ужасающее известие, что первый помощник Абли Друтер жестоко убит в трюме неведомой тварью. Тварью, которая, как слышала Бена-младшая, обладала способностью бесследно исчезать. На палубе внизу вновь началась паника.

Дрожа, девушка снова прислушалась. Вдоль мачты медленно поднималось что-то тяжелое. До самого верха, если ее мать говорила правду. Демон. Бена крепче сжала в руке маленький нож. Перерезать ему горло, да. С помощью матери.

«Слушай! Он уже почти здесь!»

Весь в поту, Бошелен скатился с капитана Сатер.

– Глотнуть бы чего-нибудь, – простонала она.

Сморгнув жгучий пот с глаз, чародей пристально посмотрел на нее:

– Вы даже не представляете, насколько страшны последствия употребления тоблакайского кровавого вина. Приношу свои смиренные извинения, капитан.

– Значит, все закончилось?

– Полагаю, да.

По всей каюте были разбросаны вещи: кольчуга и ремни, пряжки и белье. Фитиль в фонаре угасал, в последних проблесках мертвенно-бледного света по углам метались тени. Где-то неподалеку слышался звук падающих капель, но выяснять его источник никому не хотелось.

Сатер села:

– Вы слышите?

– Что именно?

– Там, на палубе... мы в дрейфе, а за штурвалом никого!

Взгляд Бошелена упал на обнаженную грудь капитана, с которой он в первое же безумное мгновение сорвал покровы. Округлые холмики слегка качнулись в его сторону, когда женщина потянулась за одеждой, и он вдруг снова ощутил невольное возбуждение. Поморщившись, Бошелен отвел взгляд.

– Мы собирались обсудить события этой кошмарной ночи, – сказал он, надевая через голову стеганую подкладку под кольчугу, один рукав которой был оторван по шву, и приглаживая волосы цвета железа.

– Призраки, – проворчала Сатер; поднявшись, она начала натягивать лосины, то и дело морщась.

– Не в этот раз, – ответил он, расчесывая бороду. И пояснил: – Лич.

Сатер уставилась на него:

– Как, во имя Худа, лич мог проникнуть на мой корабль?

– Гвозди и, может, еще кое-что. Корбал Брош наверняка знает больше.

– Кстати, я ведь уже спрашивала – где он?

– Полагаю, блуждает в лабиринте Худова царства, преследуя эту тварь. А сие, позвольте заметить, весьма рискованно. Повелитель Смерти не питает особой симпатии к Корбалу Брошу.

– Худ... лично знаком с вашим другом? – прищурилась Сатер.

– Богов легко прогневать. – Бошелен поднял кольчугу, звенья которой заструились в его руках. – Мне нужно забрать свой меч. Если лич действительно вторгнется в наш мир, на этот корабль, перед нами встанет серьезная проблема.

– Проблема?

– Да. Как остаться в живых.

– Мы тут ни при чем! – внезапно крикнула она.

Бошелен нахмурился:

– Так это за вами охотятся? Ну да, как мы и подозревали. – Он кивнул. – Кто именно идет по вашему следу, капитан?

– Откуда мне знать?

– Опишите, в чем состоит ваше преступление.

– И что это даст? Строго говоря, это даже не было преступлением. Мы просто... воспользовались случаем.

– Ага... поддались искушению, отбросив любой страх перед последствиями?

– Именно.

– На миг забыли о морали?

– Так и есть.

– Целесообразность победила чувство долга?

– Можно и так сказать...

– Защита, основанная на природной слабости, достойна лишь несмышленных детей и кусачих собак, капитан. Вы и ваши товарищи – все взрослые люди, и если вы отреклись от собственной чести, то справедливо заслуживаете суровой кары на глазах широкой публики, вернее, толпы, которая выразит вполне цивилизованную радость по поводу вашей жестокой судьбы.

На мгновение у Сатер отвисла челюсть, а затем она схватила меч и быстро застегнула пояс на округлых бедрах.

– Уж кто бы говорил...

– Что вы имеете в виду?

– Искушение, кусачие собаки и все такое... Проклятье, я едва на ногах держусь. Вы что, полагаете, будто мне нравится, когда меня насилуют? Я даже попыталась воткнуть в вас нож, но вы вывернули мне запястье...

– Хорошо известно, что кровавое вино – даже малейшие его следы на губах или во рту – вызывает у жертвы неодолимую похоть. Это даже нельзя уже назвать изнасилованием...

– Не важно, что и как там нельзя назвать, Бошелен! В любом случае согласия я не давала. Да наденьте же, ради Худа, кольчугу – может, хотя бы ее вес вас сдержит. Смогу хоть нормально соображать – не беспокойтесь, глотку я вам не перережу, пока нам грозит опасность.

– Я же извинился, – сказал Бошелен. – Я не владел собой...

– Лучше бы вам в лапы попался ваш слуга...

– Поскольку подобными наклонностями я не страдаю, я бы его просто убил, капитан.

– Ничего еще не закончилось.

– Искренне надеюсь, что закончилось.

Сатер подошла к двери и, распахнув ее, остановилась на пороге:

– Можем мы разделаться с этим личем, чародей? – (Бошелен пожал плечами.) – Ох, если бы я могла покончить с вами прямо сейчас...

Он снова пожал плечами.

Едва лишь опустил засов на двери каюты и топот сапог капитана стих вдаль, Бошелен, повернувшись, увидел Корбала Броша, который выходил из внезапно подернувшейся туманом стены.

– Глупая баба, – тонким голосом проговорил евнух, направляясь к своему сундуку. – Знала бы она, что такое настоящее отсутствие плотского наслаждения...

– Глупая? Вовсе нет. Сперва потрясение, потом стыд, затем негодование... Она в полном праве чувствовать себя оскорбленной как моим поведением, так и собственной страстной реакцией. У меня есть мысль написать ученый трактат об этической стороне кровавого вина. Член возбуждается химическими средствами, и похоть, подобно потоку, захлестывает все высшие функции разума... Воистину рецепт для бесконтрольного, ведущего к катастрофе размножения – хотя на самом деле скорее наоборот. До чего же приятно осознавать, насколько редко кровавое вино! Только представь: что, если бы оно было доступно всем людям в мире? Да они бы плясали на улицах, одержимые ложной гордостью и, что еще хуже, вопиющим самодовольством! Что касается женщин... без конца преследуемые мужчинами, они быстро растеряли бы свои организационные способности, и в итоге цивилизация впала бы в чудовищных размеров гедонистический коллапс... Ладно, не важно. В любом случае текст придется тщательно продумать и прилежно отредактировать.

Корбал Брош присел перед сундуком и откинул крышку. Охранные чары рассеялись с легким, похожим на звук бьющегося стекла звоном.

– Ах! – воскликнул Корбал Брош, наклонившись и глядя на свое шипящее и булькающее творение. – Жизнь!

– Оно голодное?

– О да, голодное. И еще как!

– Увы, – заметил Бошелен, подходя к товарищу и глядя на пульсирующее в своей мрачной пещере чудовище с парой десятков похожих на бусинки глаз, – преследовать добычу оно может лишь за счет сокращений тела. Даже улитка сбежала бы от него, не запыхавшись...

– Уже нет, – вздохнул Корбал Брош. – Это все в прекрасном прошлом. Я ведь выловил всех крыс на борту?

– Да, что весьма меня удивило.

– Дитя теперь передвигается на множестве лапок.

Бошелен поднял брови:

– Ты приделал своему отпрыску крысиные конечности?

– Не только. Ноги, челюсти, позвоночники и хвосты. У детки теперь множество ротиков.

И острых зубок. А также носиков, ушек и хвостиков.

– Но кто же даст загрызть себя насмерть?

– Дитя вырастет, поглощая все вокруг, и станет больше, проворнее и намного голоднее.

– Понятно. И есть ли предел его росту?

Корбал Брош поднял взгляд и улыбнулся.

– Понятно, – повторил Бошелен. – Ты намерен отправить свое дитя в погоню за личем?

В лабиринты?

– На охоту, – кивнул евнух. – Мое дитя – вольный охотник! – Он облизал толстые губы.

– Команда точно будет рада.

– Ну да, какое-то время. – Корбал Брош хихикнул.

– Что ж, продолжай, а я пойду отыщу свой меч – он мне наверняка понадобится, когда твое дитя выгонит из норы нашего незваного гостя.

Но Корбал Брош уже бормотал чародейские заклинания, полностью уйдя в свой собственный, наверняка приятный мир.

Открыв глаза, Эмансипор Риз обнаружил, что смотрит на жуткое иссохшее лицо древней старухи, беззубой и почти лишенной кожи.

– Тетя Нупси?

Откуда-то рядом послышался смешок, затем чей-то тонкий голос хрипло произнес:

– Ты теперь мой, демон. Я перережу тебе плотку. Вырву язык. Сломаю нос. Выщиплю брови. Боль, слезы из глаз и кровь отовсюду! Смертельные муки и нервы в огне! Кто такая тетя Нупси?

Эмансипор уперся ладонью в покачивающееся перед ним мертвое лицо и оттолкнул от себя труп, который повалился на бок, с хрустом сложившись у плетеной стенки.

– Ты за это заплатишься! Видишь этот нож? Сейчас устрою ему свидание с твоим пупком! Выпущу кишки, рубану по запястьям – и полетишь на палубу, на поживу матросам! Мужья – лишь пустая трата времени, так что даже не думай! Могу поспорить, она тебя терпеть не могла.

Синяки, шишки на лбу, грязь и кровь на языке, может, треснувшее ребро (или даже не одно, а три), пульсирующий от боли нос. Эмансипор Риз попытался вспомнить, что случилось, сообразить, где он находится. Темнота наверху, слабое свечение, исходящее от седоволосого трупа, качка, потрескивание со всех сторон, завывание ветра. И чей-то голос. Он повернулся, опираясь на локоть.

К изогнутой плетеной стенке, стискивая в маленьких обветренных руках нож, жалась худая девочка с широко раскрытыми глазами.

– Только попробуйте тронуть, – пискнула она, будтомышь, и добавила тем же хриплым шепотом, который Эмансипор уже слышал раньше: – Она не для тебя, о нет, демон! Мои зубы вонзятся в твою глотку! Один за другим! Видишь нож в руках моей дочери? Он выпил жизни у тысячи врагов!

Вокруг его лодыжки была завязана веревка, сильно ободравшая кожу. Болели все суставы, наводя на определенные мысли о том, что произошло.

– Да я же в клятом «вороньем гнезде». Эти сволочи привязали меня и втащили наверх! – Он, щурясь, взглянул на девочку. – Ты Бена-младшая?

Она попятилась.

– Спокойно, я ничего тебе не сделаю. Я Эмансипор Риз...

– Манси Неудачник?

– От иных прозвищ не избавишься, какая бы удача тебе ни сопутствовала.

– Удача? – хихикнула она.

– Угу. У меня хорошая работа. Надежный доход, вежливые хозяева – да моя жена сейчас наверняка пляшет от счастья на могильнике в нашем дворе в Скорбном Миноре. Мои дети наконец избавились от глистов, могут ежедневно чистить зубы и пользоваться прочими современными удобствами. Да, мое невезение давно в прошлом и столь же мертво, как большинство тех, кого я когда-то знал. Да что там...

– Заткнись. Гвозди вырвались на свободу, глупец. И вместе с ними – воюющие духи и призраки, но один из них возвысился над всеми остальными. Он тянет когтистые лапы, хватая души – слышал бы ты их вопли, пронзающие эфир! Хватает и пожирает и все растет и растет. Слой за слоем копится его сила, мрачная броня, не дающая прогнать его прочь, и множество его ноздрей вдыхают сладкий запах смертной жизни! До чего же славно он охотится, швыряя всех и вся в свою клыкастую, слюнявую и вонючую пасть с черными деснами! Даже сейчас я слышу пьянящий хруст костей!

– Ты что, спятила, девочка? Почему с твоих юных губ столь неподобающе доносится голос старой ведьмы?

Бена-младшая моргнула.

– Это все мама, – прошептала она, кивая в сторону трупа. – Это она говорит, предупреждает вас... Что вы так странно на меня смотрите? Неужели вас не пугает ее жуткий взгляд, сударь? Бена-старшая предупреждает нас: он там, внизу! Нет его ужаснее, и нам некуда бежать!

Эмансипор Риз со стоном сел и начал развязывать узел на лодыжке.

– Ты права, Бена-младшая. Совершенно некуда.

Он понял, что следует осторожнее вести себя с несчастной девочкой, чей разум явно пострадал в плену плетеной корзины, в обществе матери, умершей по крайней мере несколько недель назад. Пропать одиночества оказалась чересчур глубока, и бедняжку поглотил водоворот безумия.

Бена-младшая внезапно оскалила зубы, снова заговорив голосом старухи:

– Все умрут. Кроме меня и моей дочери – когда явится он, взобравшись на мачту, и доберется до этого гнезда, он схватит за горло тебя, Неудачник. А мы будем смотреть, как он тащит тебя вниз. Мы услышим хруст твоих костей, бульканье твоей крови, влажный треск лопающихся глаз...

– Думаешь, он не почует вас обеих? Твою дочь уж точно унюхает: ее живую кровь, тепло ее дыхания, которые манят неупокоенных подобно магниту...

– Я защищу дочь! Спрячу ее! В своих объятиях, да!

С трудом поднявшись на ноги, Эмансипор прислонился к краю корзины.

– Может, и получится. Пусть Госпожа будет благосклонна к вам обоим. Что касается меня, я спускаюсь обратно...

– Не смей! Слышишь их там, внизу? Безумие! И он бродит среди них, упиваясь ужасом...

И тут, словно бы в подтверждение описанного Беной-старшей кошмара, снизу послышались новые вопли, становясь все громче. Истошные, отчаянные, звериные.

Мачта и «воронье гнездо» покачнулись, будто от удара гигантского кулака. Раздался резкий треск. Они услышали, как рея сорвалась с креплений и с грохотом рухнула на палубу.

– Худов дух! – выдохнул Эмансипор, хватаясь за край корзины.

Развернувшись кругом, он, шурясь, посмотрел вниз. По палубе метались тени, больше походившие на некое порождение кошмара, чем на реальность. Возле люка лежало безвольно раскинувшееся тело. Эмансипор не видел, что врезалось в основание главной мачты, но смог различить белые следы расщепов, почти светящиеся на фоне просмоленного дерева.

– Что-то ударило нас внизу, может даже в трюме!

Он обернулся, собираясь предупредить Бену-младшую, и успел увидеть сверкнувшую рукоятку летящего к его голове ножа.

Белая вспышка.

«Колокола, Субли! Ты что, не слышишь клятые колокола?»

О жена моя, что же я наделал?»

Каким же прекрасным казалось ей это покачивание, столь мягкое и нежное! Левая грудь Пташки Пеструшки представляла собой ослепительно-белое полушарие, резко контрастировавшее с темной кожей, – отсюда и ее прозвище. Увы, эту подробность она не сумела сохранить в тайне от команды, как ей хотелось бы, – но, боги, когда ты заключена на борту корабля в обществе грубых матросов и немногих женщин, которые уродливее сморщенной задницы жреца, то что еще остается? К тому же она зарабатывала деньги, а деньги могли пригодиться, ибо кто знает, удастся ли им в очередной раз выйти сухими из воды? И потому Пташке Пеструшке очень не хотелось открывать глаза.

Особенно учитывая доносившиеся со стороны передней палубы крики. Хуже того, по трапу текла кровь – а может, просто кто-то вылил ведро соленой воды. Не самое подходящее время, чтобы намочнуть.

И все-таки Пташка Пеструшка открыла глаза. Сев, она обнаружила, что смотрит в сторону кормы, а чуть правее от нее – слегка приоткрытый люк, который ведет к каютам.

Оттуда выползло нечто мокрое, скользкое и темное, со множеством черных глаз-бусинок, хаотично разбросанных по бесформенной поверхности, бугорчатой и пятнистой. Слышалось шуршание и царапанье крошечных когтей по деревянным ступеням, слабый шорох и бульканье органов, пульсирующих под прозрачной, сочащейся жидкостью кожей. Половина лица под пурпурным наростом, который вполне мог быть печенью, на мгновение уставилась на Пташку Пеструшку остекленевшим глазом, а затем тварь переместилась дальше, и лицо скрылось из виду.

Из сшитых вместе кусков скальпов росли пучки жирных волос, черных и прямых, светлых и вьющихся, каштановых и кудрявых. Единственная бровь изгибалась не над глазом, но над чем-то напоминающим желчный пузырь, как будто желчные пузыри способны на иронический вопросительный взгляд, хотя всем прекрасно известно, что они могут лишь злобно хмуриться...

Пташка Пеструшка наконец поняла, что это склизкое подрагивающее чудовище вовсе не плод ее воображения. О нет, оно было вполне реальным.

И оно лезло на палубу, перемещаясь на множестве лапок, будто сороконожка, а его черные блестящие глаза, в чем Пташка уже не сомневалась, были устремлены прямо на нее, с типичной для крыс алчностью. Маленькие зубастые пасти открывались и закрывались, истекая слюной, а под ними, вода из стороны в сторону, неустанно нюхали воздух розовые, похожие на пуговики носики.

Судорожно всхлипывая, Пташка начала отползать на четвереньках по палубе.

Изнутри твари высунулось мускулистое человеческое предплечье, расположенное в крайне неудобном месте; на его запястье виднелась яркая татуировка в виде резвящихся ягнят. Из складок органов появилась вторая рука с татуировкой в виде рычащего черного волка. Вонзая ногти в доски палубы, тварь продолжала волочить свою тушу с целеустремленностью гигантского слизня, почуявшего кучу свежего навоза.

Наконец кошмарное создание сползло с трапа и с невероятной скоростью устремилось вперед. Из разинутого рта Пташки Пеструшки вырвался вопль, способный вдребезги разбить стекло. Она развернулась кругом, пытаясь вскочить на ноги, и тут же повалилась на бок, угодив левой рукой и левой ногой в открытый люк трюма.

Бедная женщина рухнула во тьму, пару раз ударившись о ступени крутого трапа, и тяжело грохнулась на настил в проходе. Перед глазами у нее закружился водоворот звезд, и ее поглотила черная бездна.

Каким же прекрасным казалось ей это покачивание, столь мягкое и нежное...

Капитан Сатер подтащила бесчувственную Миппл к фок-мачте и оставила ее там. В руке Сатер сжимала меч, изорванные остатки ее одежды были забрызганы кровью. Увы, ей не удалось заглянуть к себе в каюту, чтобы надеть доспехи и, возможно, пройти щеткой по волосам – как она всегда поступала после интимной близости, потому что нерасчесанные волосы могли за что-нибудь зацепиться, – но сожалеть об этом уже не имело смысла.

Особенно если учесть, что этот клятый лич постоянно вылезал из-под палубы, хватая множеством конечностей вопящих матросов и увлекая их за собой сквозь трескающиеся доски, причем остававшиеся в палубе дыры были столь невелики, что никто в здравом уме не мог представить, что сквозь них могли протащить тело взрослого человека. Но все собственными глазами видели, как острые края ломающихся досок обдирают куски мышц, кожи и одежды.

Сатер несколько раз пыталась пробиться к несчастным сквозь охваченную паникой толпу, но это ей так и не удалось. Она в достаточной степени сумела разглядеть в полумраке лица, чтобы понять, что ее меч, скорее всего, против него бесполезен. Чудовище в полтора раза превосходило ростом взрослого мужчину и было составлено из частей множества тел, обтянутых похожей на пергамент кожей. Рук у него имелось не меньше десятка, а из плеч, бедер, затылка и щек выступали вытянутые, похожие на звериные пасти. Из множества мест тускло сверкали красные немигающие глаза. Каждая нога представляла собой скопление множества ног с переплетенными в узлы мышцами, похожая на бочонок грудная клетка торчала вперед, окруженная сплошной подрагивающей стеной ребер: Сатер прекрасно понимала, что ее невозможно ни прорубить, ни проткнуть мечом. И голова... уж не голова ли это Абли Друтера?

Но как же ей хотелось начать рубить эти клятые руки!

Перед ней прополз Вистер, рыдая, будто испачкавший пеленки младенец, и таща за собой нагель, словно гигантскую погремушку.

Сколько еще осталось в живых?

Сатер огляделась. На передней палубе сгрудилось около десятка человек в окружении шести излучающих ужас зияющих дыр. Фок-мачта сломалась где-то внизу и накренилась набок, покачиваясь при каждом порыве ветра вместе с безвольно болтающимися парусами наверху. Если ветер усилится... Проклятье, ну почему обязательно должен был погибнуть Абли Друтер? Мачта могла просто рухнуть за борт или свалиться на переднюю палубу, разломав бо́льшую ее часть. Ни то ни другое не сулило ничего хорошего, а ведь ей, как капитану, следовало подумать о подобных проблемах... Боги, да что она, с ума сошла? Проклятый лич жрал ее команду!

– Вистер! Вставай, будь ты проклят! – Она сняла с пояса кольцо с ключами. – Ящик с оружием, в моей каюте! Возьми Хека Урса... Хек! Хватит бинтовать Густа, он и так выживет! Ступай вместе с Вистером. Тащите сюда абордажные сабли...

– Прошу прощения, капитан, но у нас нет абордажных сабель.

Сатер хмуро уставилась на Вистера:

– Нет? Ладно, тащите дубинки, колья и пики для отражения абордажа...

– Их у нас тоже нет.

– Тогда что, во имя Худа, в моем оружейном ящике?

– Неужто не знаете? Вы не смотрели?

Сатер шагнула к Вистеру, и меч в ее руке дрогнул.

– Если бы я знала, гриб ты безмозглый, я бы не спрашивала!

– Ладно. Бывший капитан Урбот держал там личный запас рома.

Сатер на мгновение прижала ладонь ко рту.

– Что ж, – обреченно вздохнула она, – тащите ром.

– Вот это дело! – внезапно оживился Вистер. – Пошли, Хек, клятый дезертир! Не будем терять времени!

Оба с грохотом прыгнули на главную палубу и тут же поспешно вскарабкались обратно. Лицо Вистера побелело, будто барашки волн. Хек шевелил губами, но не мог произнести ни звука. Рыча от злости, Сатер протолкнулась мимо них к краю палубы и посмотрела вниз.

По палубе, огибая край люка, ползло нечто похожее на груды отбросов со скотобойни – с десятками крошечных глаз, коротких скользких хвостов, рук, частей лиц, растрепанных прядей волос, маленьких, щелкающих зубами пастей. Столь по-идиотски выглядящего чудовища Сатер никогда еще не видела.

Снова зарывав, капитан прыгнула на главную палубу, подошла к твари и со всего размаху пинком столкнула ее в люк трюма. Раздался хор жалобных писков, и абсурдная груды плоти рухнула в чернильную тьму. Снизу послышались глухой шлепок и очередной писк, а может, слабый крик – она точно не поняла, да и какая разница?

Развернувшись кругом, Сатер яростно уставилась на Вистера и Хека Урса:

– Ну, чего вы ждете?

В трюме, возле галюна, лич спорил сам с собой. Души, когда-то заключенные во вбитых в их тела железных гвоздях, теперь наслаждались пребыванием в источающей миазмы мешанине плоти и костей, каковой, собственно говоря, и являлся лич. Мир состоял из мяса и крови, и для существования в нем требовалось обзавестись тем и другим. Слишком редки были случаи, когда эфир оказывался столь насыщен магией, что подобное колдовство становилось возможным. До чего же им повезло!

Чтобы стать мясом и кровью, нужно пожирать мясо и кровь. Такова была истина этого мира.

Однако фрагменты их личностей продолжали существовать, и каждая настаивала на своем праве на собственное мнение, стремясь одержать верх над остальными. Их голоса раздавались из множества ртов лица, стоявшего посреди растерзанных полусъеденных матросов, в большинстве своем мертвых. И только один молчал, несмотря на происходящий во мраке спор тех, кто когда-то был жив.

– Это торговый корабль! Что ж, трюм достаточно велик, и, если мы съедем всех матросов, наших объединенных духа и тела вполне должно хватить, чтобы управлять этим скромным судном!

– Неупокоенный-предприниматель? Подобная шутка достойна лишь злобного божества, – возразил другой дух скрипучим, будто хруст гравия под ногами, голосом. – К этому ли мы шли в течение бесчисленных поколений сомнительного прогресса? Мастер Балтро, само твое присутствие оскорбляет...

– А твое нет? – проскрежетал голос, похожий на женский, звучавший так, будто кто-то взял нежный девичий голосок и проехался по нему плотницким рубанком. – Секаранд дав-

ным-давно с тобой разделался, но ты опять здесь, цепляешься к нам, добрым людям, будто язва морального разложения...

– Все лучше, чем бородавка! – заорал чародей, убитый Секарандом в Скорбном Миноре много лет назад. – Я чую твою вонь, ведьма Дерьюга! Жертва разъяренных саламандр – иначе твое назойливое присутствие никак не объяснить...

– А ты, Вивисет? Секаранд отправил тебя в столь надежную могилу, что даже памяти о тебе не осталось! Так почему...

– Погодите, погодите! – крикнул мастер Балтро. – Хочу спросить вас всех: кто-то еще чует поблизости собственную плоть?

Из многочисленных ртов лича вырвался негромкий хор утвердительных возгласов.

– Я так и знал! – воскликнул мастер Балтро. – Нужно найти...

– Как человек благородного происхождения, – отозвался кто-то еще, – заявляю, что в первую очередь нужно найти мою личность.

– Кто ты такой, во имя Худовой пыли?

– Я господин Хум-младший из Скорбного Минора! Родственник самого короля! И я тоже чую близость некоей крайне важной моей части – прямо на этом корабле!

– Крайне важной? Что ж, по крайней мере, это точно не мозг. Скорее уж свиное рыло.

– Кто это сказал? – требовательно спросил господин Хум-младший. – Да с тебя кожу живьем сдерут...

– Слишком поздно, надменный хлыщ. С меня ее уже содрали, и прежде чем кто-то спросит – нет, я не из Скорбного Минора. Собственно, я никого из вас не знаю. Не уверен даже, знаю ли я самого себя.

– Гвозди... – начал бывший чародей Вивисет, но его прервал голос незнакомца:

– Я ни из каких не гвоздей, будь они прокляты, но, клянусь, я чувствовал, как явились вы все, включая того, кто отказывается говорить, что, может, и к лучшему. Полагаю, я был на борту задолго до любого из вас, хотя не могу сказать, насколько давно тут нахожусь. Но я точно предпочитал мир и покой, которые царили тут до вашего появления.

– Да что ты о себе возомнил, гордец...

– Оставь его, Дерьюга, – велел Вивисет. – Только подумай, какая у нас появилась возможность! Мы мертвы, но вернулись, и еще мы чертовски злы...

– Но почему? – уныло поинтересовался мастер Балтро.

– Почему мы злы? Ну и дурак же ты! Как смеют другие быть живы, когда мы мертвы? Это нечестно! Величайшая несправедливость! Мы должны убить всех на борту. Абсолютно всех. Сожрать их!

Души яростно завопили в знак согласия. Губы шевелились с разной степенью успеха, пытаясь выразить охватившую всех жажду крови и ненависть ко всем живущим. Все рты, усеивавшие жуткое бесформенное тело лича, ухмылялись, рычали, жадно облизывались и посылали поцелуи смерти, будто обещания любви.

В это мгновение из люка с грохотом, отдавшимся вдоль всего киля, свалилось нечто огромное. Послышались новые голоса, на этот раз более тонкие, болезненные, умоляющие. А затем в наступившей относительной тишине раздалось лязганье и щелканье челюстей.

– Это... та тварь! – в ужасе прошептал Вивисет. – Которая за нами охотится!

– Я чую селезенку! – взвизгнул господин Хум-младший. – Мою собственную селезенку!

Наконец дал о себе знать тот, кто до этого молчал – на самом деле всего лишь из-за замешательства и непонимания всех этих странных языков. Звериный рев жорлига заставил души спрятаться в складках холодной плоти и столь же холодных потоках крови внутри состоящего из множества частей тела лича, онемев от страха.

Бессвязные мысли жорлига метались подобно яростной буре. «Жрать! Терзать! Бежать! Плодиться! Жрать-терзать-бежать-плодиться!»

Одиннадцать рук лича вознеслись ввысь, ободранные кровавые пальцы согнулись подобно когтям, мышцы напряглись, будто тетивы взведенных арбалетов. Готовая к схватке тварь развернулась кругом, навстречу чудовищу, ползущему к ней по деревянному настилу.

Чудовище тащило за собой нечто бывшее по доскам ногами в сапогах и в панике пытавшееся вырваться.

– Моя селезенка! – снова закричал господин Хум-младший. – Оно хочет меня съесть!

«Жизнь подобна моллюску, – как-то сказал Пташке Пеструшке ее отец. – Годами цедишь дерьмо, а потом какая-то сволочь вскрывает тебя и отправляет в свой клятый рот. И конец всему, прекрасная жемчужина. Конец всему».

Они жили возле озера. Отец всю жизнь вел войну с семейством енотов за устричные отмели, которые обносил заборами и сетями: он делал все возможное, чтобы прогнать этих полосатых воришек, посягавших на источник его дохода. Сообразительностью и хитростью еноты явно превосходили папашу, сведя его сперва с ума, а затем и в могилу.

Глядя на безжизненное, искаженное в последнем яростном крике лицо отца, Пташка Пеструшка, носившая в ту пору куда более благозвучное имя, представила себе, что ее будущим может стать та же война, которая убила папашу. Единственное ее наследство, ожесточенное противостояние без малейшей надежды на победу. Ну и что это будет за жизнь?

Процеживание дерьма, не иначе.

Тогда ей было пятнадцать. Забрав свои нехитрые пожитки из хижины, стоявшей на сваях посреди топкой равнины, – своего родного дома, – она отправилась по Ракушечному тракту, в последний раз пройдя по этой унылой дороге в город Побор, где они с отцом когда-то продавали свой улов. Побор как город не представлял собой ничего особенного. Внутренняя стена окружала скромное пространство, которое город занимал двадцать лет назад, а что касается новых, возведенных за укреплениями зданий, то ни одно из них не было выше двух этажей.

Возьмите палку и воткните ее глубоко в грязь, там, куда достигают волны прилива в спокойный день, а потом придите через неделю или две – и увидите, что вокруг палки с одной стороны выросла груда ила, а с другой образовалась небольшая ямка. Если не налетит буря и не унесет палку, груда будет увеличиваться, а яма понемногу заполняться.

Именно таков был город Побор: каменная крепость посередине вместо палки, и медленный, но постоянный приток из окрестностей народа, оседающего вокруг крепости, как это обычно бывает. Десяток лет жалкой войны, вынудившей построить укрепления, а потом время «унылого мира», как говорили солдаты, описывая долгие бессмысленные учения и охрану границ, до которых никому не было никакого дела.

Нет, Пташка вовсе не против была стать солдатом. Ее вполне устраивали полубезумные товарищи по отряду – Густ Хабб, Биск Молот, Подлянка и Лишай. И естественно, Хек Урс, с которым она в конце концов стала делить постель – как от скуки, так и ради плотского удовлетворения, хотя ничто не могло столь успешно прогнать скуку, как откровенная низменная похоть. И почему только мир был полон скучающих женщин – замужних или пребывающих в ином союзе, – если очевидное решение буквально находилось у всех перед глазами, в любой встретившейся по дороге лачуге?

Жаль, что в ту ночь они потеряли Биска, Подлянку и Лишай. Возможно, лишь по случайности вторая лодка вдруг дала трещину и ее вместе с тремя вопящими солдатами увлекло на дно, где быстрое течение унесло всех на глубину. А может, следовало благодарить Госпожу за то, что остальные, включая Сатер и Абли, плыли вместе со всем награбленным в лодке побольше, которая сумела добраться до «Солнечного локона», бросившего якорь в бурном приливном потоке.

Возможно даже, что Сатер говорила правду о том грузе. Монеты, только что отчеканенные в Поборе, серебряные и золотые, еще не тронутые ничьей грязной рукой, сложенные акку-

ратными столбиками, – да Пташка ведь и сама их видела. Видела и передавала из лодки через релинг в подставленные руки Абли, ощущая вес несметного богатства. Это все так. Но вот что насчет остального? Тех завернутых в мешковину громоздких предметов, тяжелых, с оттягивающими драную ткань шишковатыми наростами? Судя по размерам, это вполне могли быть идола – хотя в Поборе было не так уж много безвкусно богатых храмов, вроде тех, про которые рассказывал Биск, выросший в Кореле и избежавший службы на Стене лишь потому, что подсунул вместо себя младшего брата. В тамошних огромных храмах тысячи бедняков оставляли последние медяки в больших чашах, даже едва держась на ногах от десятка болезней, каждый сезон терзавших местные трущобы. И храмы эти были достаточно богаты, чтобы позволить себе кровавых идолов и украшенные драгоценными камнями чаши для подношений. Пташка не имела ничего против того, чтобы грабить набожных пожирателей душ, и была бы только рада, если бы завернутые в мешковину предметы оказались именно такими идолами. Но они таковыми не являлись.

Половина всей городской казны, добыча, награбленная Певунами – гнусной толпой правивших городом тиранов, – предназначалась для оплаты услуг проклятого отряда наемников, Багровой гвардии. И все ради чего? Ради объединения Стратема, с Побором в роли его величественной столицы. Конец стычкам и междоусобицам, торговым войнам, засадам на караваны с мехами и кожей, которые сжигали дотла лишь затем, чтобы уморить голодом чьих-то соседей, включая младенцев и стариков. Да, наемники должны были принести долгожданный, пусть и унылый мир.

Так что можно представить, какие мысли возникли у команды «Солнечного локона», когда, прибыв на побережье, где, как им говорили, высадились сотни солдат Багровой гвардии, они не обнаружили вообще никого из этих придурков. Те куда-то уплыли, причем явно в спешке.

И что же теперь – разворачиваться и везти все это добро назад?

У Сатер, однако, имелась мысль получше.

Правда, теперь Пташка Пеструшка уже не была столь уверена, что их затея была удачной: она начала сомневаться с тех пор, как ее голова, плечи и по крайней мере одна грудь оказались внутри кошмарной туши хлюпающей, чавкающей, хрипящей, попискивающей, вздыхающей, моргающей и подрагивающей... твари.

И ведь Пташка не просто была внутри: она слилась с этой тварью. С каждым вдохом ее легкие заполнялись прозрачной и холодной, похожей на слизь жидкостью. Воздух? Нет. Слюна? Возможно, но насыщенная чем-то поддерживавшим жизнь. Кровь? Нет, слишком жидкая и холодная.

Широко раскрыв глаза, Пташка не видела ничего, кроме пульсирующих на красном фоне артерий и вен. Не возникало даже желания моргнуть – другая холодная желтоватая жидкость, прозрачная, будто змеиное веко, не давала глазам высохнуть.

Чудовище ползло вперед, увлекая женщину за собой. Она пыталась встать, подняться на ноги, но, похоже, это было невозможно – ей никогда не поднять эту клятую тварь, ни руками, ни тем более ковыляя по шаткому помосту.

До чего же паршивая смерть. Или, скорее, до чего же паршивое подобие жизни. Лучше уж умереть. Воистину лучше.

Никем, похоже, не замеченный, Бошелен появился на средней палубе, где нашел свой меч, воткнувшийся лезвием в релинг слева от него, – еще немного, и драгоценное оружие улетело бы за борт. На красновато-черном железе блестела кровь. Выдернув меч, Бошелен бросил взгляд на корму.

Что там такое?

Заинтригованный, он поднялся на корму, к штурвалу. Там никого не было, и руль свободно болтался, заставляя огромное колесо крутиться из стороны в сторону. Чародей нахмурился, разочарованный столь небрежным отношением моряков к своим обязанностям, и пошел дальше. Остановившись у кормового релинга, он взглянул на мрачную Красную дорогу Несмеяни.

За кормой бурлили темно-красные светящиеся волны, рваные и неровные. Он увидел едва заметную вырезанную бороздку, затем привязанную к релингу рыболовную леску. Корабль тащил за собой наживку, что вряд ли выглядело разумно в данных обстоятельствах. Наверняка тут не обошлось без Корбала Броша. Бошелен задумчиво погладил бороду.

А тем временем на носу корабля поднялась какая-то суматоха. Бошелен, прищурившись, развернулся кругом. Лич снова атаковал – голод безмозглого жорлига поразил все содержавшиеся в нем души. Увы, непонимание всегда было проклятием неупокоенных. Хотя, учитывая поток необузданной мощи, бурлящий в течениях здешних морей, даже непонимание могло обрести здесь некую... телесную истину.

А лич все жрал и жрал, наращивая массу и силу. Весьма любопытная эволюция, если даже не сказать уникальная. Вне всякого сомнения, достойная дальнейшего изучения.

До него донесся вопль очередной жертвы.

Похожий на гудение басовой струны звук заставил Бошелена вновь обернуться. Леска ходила туда-сюда: на крючок явно что-то попало. Акула? Возможно.

Леска внезапно ослабла.

Оборвалась? Скорее всего.

Он увидел за кормой рассекающие красно-черную воду плавники, быстро огибающие корабль. Их были десятки. Одна из акул вынырнула на поверхность неподалеку от руля – тварь длиной в две трети «Солнечного локона». Она извернулась, избегая столкновения с кормой, и скользнула мимо, ударившись о корпус. Сверкнув глазом величиной с круглый щит, акула скрылась из виду.

Бошелен понял, что акулы спасаются бегством.

Что ж, в этих водах действительно было полным-полно дхэнраби: в тысяче ударов весел к востоку рассекало огромные волны одно из этих гигантских членистых чудовищ. Оно двигалось удивительно быстро, обгоняя даже акул...

Бошелен снова расчесал пальцами бороду.

Голову Густа Хабба ниже глаз толстым слоем окутывали марлевые бинты. На выцветшей белой материи виднелись три темно-красных пятна: одно посередине и еще два по бокам, примерно на одной и той же высоте.

Его донимали всевозможные звуки – странный щебет и щелканье челюстей с одной стороны, шум льющейся воды с другой. Густ уже решил было, что их вполне можно вытерпеть, когда с той стороны, откуда слышался шум воды, вдруг донесся сокрушительный хруст, а за ним – крик невыносимой боли. От неожиданности он прикусил язык, и теперь кровь шла еще и изо рта.

До этого Хабб сидел на корточках на передней палубе, с упреком глядя на остальных, которые, будто издеваясь, красовались перед ним идеальными лицами, розовыми носами и совершенной формы ушными раковинами с тонкими складками и изящными мочками, но теперь повалился на бок, корчась от мучительной боли в уже не существующем ухе.

Что-то вдруг начало покусывать его за другое отсутствующее ухо, и он понял, что это, похоже, худшая ночь в его жизни.

К нему подполз Хек Урс с ножом в руках. Густ вздрогнул.

– Идиот, я не собираюсь тебя резать! Это для защиты, когда снова вылезет тот лич, – боги, неужели он еще не набил брюхо? Смотри-ка, Миппл только что пришла в себя: похоже,

пропустила все самое интересное. Терпеть этого не могу. Ладно, посмотри лучше, что я тебе принес! – И он показал товарищу глиняный кувшин, который держал в другой руке. – Ром!

Сделав еще один глоток, капитан Сатер отшвырнула пустую флягу. «И когда только все пошло не так?» – подумала она. Да, кража полдюжины статуй сех'келлинов, вероятно, была не слишком удачной идеей, учитывая, какие страшные истории рассказывали про этих клятых созданий. Скульптуры эти, аккуратно выстроенные в ряд, нашли погребенными в развалинах фундаментов Уклонного переулка за крепостью Побора – жуткие, сидящие на корточках фигуры из какого-то иноземного, белого как мел мрамора, за пару столетий покрывшегося пятнами от кухонных отбросов и королевских нечистот. От одного лишь вида их ничего не выражающих худых лиц кровь стыла в жилах. Еще больше пугали черные железные глаза и клыки, похоже неуязвимые для ржавчины, а также странные конечности с чрезмерным количеством узловатых суставов, дважды согнутые колени по бокам выдвинутых вперед голов, похожие на когти хищной птицы длинные пальцы и, что самое странное, охватывавшие их худые шеи железные ошейники, будто полдюжины этих созданий были чьими-то домашними питомцами.

Придворный маг – который назвал их сех'келлинами, что бы это ни означало, – сразу же заявил на них свои права. Сатер сама оказалась в числе несчастных глупцов, тащивших статуи в похожую на улей аптеку чародея на вершине единственного в городе холма. Неделию спустя она помогала тащить их обратно в крепость, в какую-то давно не используемую кладовую. Вход туда преграждала новая железная дверь, на которую маг наложил столько охранных знаков и печатей, что к тому времени, когда он закончил обряд, она напоминала расплющенное гнездо аиста.

Несчастный колдун вскоре сошел с ума, и, если это и было как-то связано со статуями, никто из властей не желал говорить на эту тему. Сатер была не единственной, кто оплатил очистительный ритуал в храме Солиэль за Чистым колодцем, – так поступил каждый солдат, прикасавшийся к статуям, за исключением капрала Стеба, который ковырял острием кинжала в носу и, подойдя к внезапно открывшейся двери, вогнал это самое острие прямо себе в мозг: просто удивительно, как он вообще сумел попасть так точно. Но потом все более или менее успокоилось, и казалось, что им удалось избежать проклятия, в чем бы то ни заключалось. Когда придворный маг утонул в лохани с мыльной водой, никто особо не удивился, – в конце концов, к тому времени он уже свихнулся.

А затем какой-то умник решил принести статуи в дар Багровой гвардии – говорили, будто ее солдаты владеют многими тайными знаниями. Но, как теперь полагала Сатер, речь могла идти не столько о даре, сколько о не слишком благородном желании избавиться от этих уродин.

А потом она их украла. Зачем? Какой безумный порыв побудил Сатер к этому, настойчиво, будто сжимающая горло костлявая рука? Да их следовало сразу отправить за борт. Выкинуть в море. Не это ли самое проклятие вызвало к жизни несчастного лича?

Нужно было избавиться от статуй. Немедленно, пока не стало слишком поздно...

Снизу послышались вопли, столь жуткие, что заледенела даже ее разогретая ромом кровь, и грохот, будто столкнулись друг с другом два тяжелых предмета. Весь корабль содрогнулся. Снова раздались крики, затем удары, глухие и яростные.

С отчаянно бьющимся сердцем Сатер огляделась вокруг и увидела троих матросов, сбившихся в кучу на носу судна.

– Брив! И ты, Брив! И ты тоже, Брив! Возьмите ключ от моей кладовой...

– Внизу?! – вскрикнул кто-то из них.

– На корме, там все спокойно. Увидите шесть завернутых в мешковину статуй – тащите их сюда, ясно? А потом – кидайте за борт! Быстро!

Внезапно рядом возникла высокая фигура с круглым лицом, обрюзгшим и ребяческим одновременно. На Сатер уставились блестящие, похожие на бусинки глаза. Шевельнулись толстые губы.

– Шесть статуй, говоришь?

Брив, помощник кока, посмотрел на Брива, помощника плотника, а затем снова взглянул на всхлипывающую Брив-плетельщицу с всклокоченной и странно покосившейся набок гривой рыжих волос. Лица обоих были полны ужаса, как наверняка и его собственное. Перед ними спускался по трапу один из двоих пассажиров (на самом деле пассажиров было трое, если считать слугу, но кто будет принимать в расчет какого-то лакея?) – тот, что внушал наибольший страх, здоровяк с круглой физиономией, толстыми губами и тонким голосом.

Сам он, похоже, вообще ничего не боялся: верный признак безумия.

Таинственный пассажир сопровождал их до кладовой, шурша длинной кольчугой под толстым шерстяным черным плащом. Его пухлые бледные руки были сложены на животе, будто у нищенствующего монаха.

«Мы все умрем. Может, кроме него. Так всегда бывает. Те, кто командует, обычно остаются в живых, когда погибают все остальные. Нет, этот тип точно выживет, как и кок, – потому что готовить никто не любит и потому что наш кок – поэт.

В самом деле – поэт. Никакой он не кок, клянусь Худом!

Если бы еще поэт из него был толковый... А то ведь петь не умеет, играть ни на чем тоже, даже рифмы складывать не умеет, ибо это ниже его достоинства.

Приснился как-то мне
Престранный сон:
Шагало рядом войско,
И все солдаты были
Безноги по колено.
И как понять такое? —
Ведь то была пехота!»

Таково было последнее творение кока, утренняя хвалебная песнь тем помоям, что он наливал в миски.

«Напыщенная рожа и извергающийся из глотки набор словесных отбросов, в которых якобы есть некий смысл. Тоже, поэт выискался, – рассуждал про себя помощник кока. – В конце концов, мне доводилось читать поэзию, да и слышал я ее тоже немало. В виде слов, песен, стонов, хрипа, шепота, бляенья, харканья... какой моряк с этим не знаком?

Но что нам известно? Это ведь не мы вздымаем тонкие брови над холодными жадными глазами. Мы всего лишь слушатели, бредущие сквозь болото душевных травм некоего идиота, который взирает в зеркало любви и ненависти, предаваясь словоблудию, и это нам, когда он наконец-то кончит – кончит, ха! – предстоит стонать и выгибать бедра в лингвистическом экстазе.

Да уж, кок умеет наяривать на своем клятом черпаке... понимаете, о чем я?»

Брив, помощник плотника, толкнул Брива, помощника кока, в бок:

– Давай шагай.

– Отстань, – буркнул тот. – Да иду я, иду.

Так они спустились по крутому трапу в трюм, который уже превратился в обитель ужаса – по крайней мере, та его часть, где находился галльон. И именно в галльон сейчас отчаянно хотелось всем троим морякам (или двоим морякам и одной морячке, что в данном случае не имело значения).

Брив, помощник плотника, держался на шаг позади Брива, помощника кока, и на шаг впереди Брив-плетельщицы, которая, если она плела веревки столь же плохо, как заплетала собственные волосы, вероятно, лучше сгодила бы на роль кока. Ведь кок был поэтом.

Но если некому было бы плести канаты, корабль мог бы пойти вразнос, так что подобный вариант тоже не особо годился. Да еще этот шум драки демонов, доносившийся со стороны носа... Если наклониться и заглянуть прямо у себя под ногами в щель между ступенями, может, удалось бы даже увидеть битву рычащих, шипящих и щелкающих зубами тварей. Но что с этого толку? Никакого. Они ударялись о драгоценный корпус, обдирали дерево, вырывали паклю из щелей и проделывали неприятные борозды в бортах – будто мало было рифов, отмелей, камней и топляков, так теперь еще и безмозглые демоны наносили кораблю всевозможный ущерб.

Ладно бы еще плотник знал свое дело – но тот был полным придурком, и его смерть стала подарком для всего мира. Забавно, однако, что, похоже, именно его предсмертный вопль положил начало всему остальному, и теперь повсюду валялись трупы. А вот и Абли Друтер, по крайней мере его тело, – сидит себе позади трапа, будто дожидаясь, когда вернется назад его голова. Вверх ногами он выглядел довольно-таки глупо, а тех тварей, что дрались дальше в полумраке, непросто было разглядеть – может, и к счастью...

– Проклятье, Брив, – прошипела Брив-плетельщица, – ты что, себе в рот насрать пытаешься?

– Довольно странно слышать подобные выражения от дамы, – ответил тот и, выпрямившись, поспешно нагнал Брива, помощника кока. – Нужно было взять фонарь.

Рослый евнух уже спустился на настил и, не дожидаясь матросов, направился на корму, в сторону кладовой. Бриву, помощнику кока, не следовало отдавать этому безволосому уроду ключ. Да что там, Брив, помощник плотника, с легкостью смог бы с ним справиться...

– Ай! Ты мне на пятки наступаешь, женщина!

– Там, позади меня, сидит мужик без головы! Поторопись, Брив!

– Да он на тебя никакого внимания не обращает.

– Клянусь, кто-то тарашится мне в спину.

– Точно не он. Оглянись – у него же башки нет.

– Слушай, женщины чувствуют, когда кто-то их глазами обшаривает. На корабле так еще хуже. Сплошные прилипалы...

– Вроде личей?

– Что ты в этом понимаешь? Я тут единственная порядочная женщина, поэтому так или иначе все вертится вокруг меня.

– Кто это вокруг тебя вертится?

– Тебе лучше не знать.

– Ну и ладно. Я просто полюбопытствовал.

А может, даже испугался. Однако с женщиной имеет смысл вести себя любезно, даже если груди у нее подпрыгивают, будто два буйка на волнах.

Евнух остановился перед дверью кладовой.

Брив, Брив и Брив столпились за его спиной.

– Хорошая ли это мысль? – спросил помощник кока, когда евнух вставил ключ в замок.

– Ох... – вздохнула плетельщица.

Ключ повернулся. Лязгнули засовы.

– Хорошая ли это мысль? – снова спросил помощник кока.

От сех'келлинов в любом случае не стоило ждать ничего хорошего, но сех'келлины в заколдованных ошейниках воистину являлись воплощением зла. Сех'келлины, своего рода

гомункулусы, были созданы яггутами по образцу – как говорили те немногие, кто обладал достаточным авторитетом, чтобы высказывать свое мнение, – некоей древней расы демонов, называвшихся форкасейлами: белых как кость, с чрезмерным количеством коленей, лодыжек, локтей и даже плеч. Стремясь к худшему во всех смыслах совершенству, яггути сумели сотворить существ, способных размножаться. Мало того, яггути – чего еще от них ожидать – сами в конце концов практически полностью вымерли, предоставив своим жутким творениям свободу делать все, что тем заблагорассудится: обычно это сводилось к убийству всех, кто попадался им на глаза. По крайней мере, до тех пор, пока не появился некто настолько могущественный, что сумел укротить сех'келлинов, сковав их жизненную силу, а затем, возможно, похоронил этих созданий там, где никто бы их никогда не побеспокоил: например, в заброшенном переулке в быстро растущем городе.

Достаточно могущественный чародей мог затем пробудить наложенные на этих тварей чары, подчинив их своей воле – естественно, с целью нечестивой и недостойной.

Возможно, именно это и было проделано с теми шестью сех'келлинами в кладовой.

Но на самом деле все оказалось намного хуже.

О да...

Чародеям требуются слуги. Тех, кто препоручает повседневные заботы другим, легко узнать: они круглые сутки сидят в своих башнях, строя зловещие планы мирового господства. Их ночные горшки моет кто-то другой. У тех же колдунов, кто не имеет слуг, попросту не находится времени на размышления о черной эпохе тирании, а тем более на воплощение зловещих замыслов в жизнь. Накапливается немытая посуда, а вместе с нею и грязное белье. Повсюду собирается пыль, угрожая захватить все свободное пространство. Белки продирают крышу, а иногда проваливаются куда-то внутрь стен, откуда уже не могут выбраться и в итоге превращаются в мумии: на мордочках застыли гротескные выражения, а зубы стесаны о кирпич.

Миззанкар Друбль из Джанта – города в Стратеме, рассыпавшегося в прах несколько столетий назад, города, о существовании которого не догадывались даже жители Джатемовой Пристани, нового поселения, расположенного менее чем в трех тысячах шагов дальше вдоль того же побережья; Миззанкар Друбль из Джанта – который, по мнению всех ныне давно умерших, был самым ужасным чародеем, заклинателем, колдуном, тавматургом и к тому же выглядел на редкость уродливо; Миззанкар Друбль из Джанта – который возвел башню из черного стекловидного камня, узловатого и пузырчатого, всего за одну ночь, посреди бушующей бури: кстати, именно потому в ней не было окон, а дверь была высотой по колено и шириной не больше чем в ступню, что не имело никакого смысла, поскольку сам Миззанкар был высок и толст, так что все ныне умершие решили, что он, вероятно, возводил башню изнутри, ибо несчастный глупец в итоге так там и застрял, и одному Худу ведомо, какие ужасные планы он строил, и вполне справедливо, что вокруг башни сложили костер из хвороста и бревен, на котором поджарили злого колдуна, будто орех в скорлупе, – так вот, Миззанкар Друбль из Джанта имел слуг.

Подобно охотничьим псам, нуждающимся в хозяине, сех'келлины были требовательными слугами, и потому владение ими отнимало немало времени, да и особой радости не доставляло. Миззанкар Друбль – на самом деле всего лишь мелкий чародей, имевший склонность проводить чересчур могущественные ритуалы, один из каковых (неосмотрительно начатое сражение с неупокоенной белкой) привел к ужасающему выбросу расплавленной лавы, которая застыла вокруг него, пока он стоял в своем жалком защитном кругу, и именно так возникла башня, навсегда ставшая для него тюрьмой, – был достаточно умен, и, будучи счастливым обладателем шести демонических слуг, порожденных ненавистью некоего несчастного яггута, понял в один

из моментов озарения, что ему нужен могущественный, желательно огромный демон, который мог бы взять на себя бремя командования сех'келлинами.

Совершив самый амбициозный и замысловатый обряд в своей жизни, Миззанкар вызвал подобное создание и, естественно, получил намного больше, чем просил, – по сути, древнего, почти забытого бога. Поединок их был прискорбно краток. Миззанкар Друбль из Джанта в последние несколько дней своей жизни, прежде чем селяне зажарили его живьем, был вынужден мыть ночные горшки, отскребать грязную посуду, отжимать белье и собирать на четвереньках пыльные комья.

Боги даже лучше чародеев понимали, сколь необходимо иметь слуг.

О последующих приключениях этого бога, а также обо всем связанном с сех'келлинами, равно как и с нагромождением катастроф, приведших к их краже и погребению в месте, которому предстояло однажды стать городом Побором, пусть расскажет кто-нибудь другой и в другое время.

Главное состоит в том, что бог вернулся за своими детьми.

Почти ничего не видя от пульсирующей боли в разных частях головы, Эмансипор Риз по прозвищу Манси Неудачник с трудом поднялся на колени и помедлил, дожидаясь, пока все вокруг не перестанет вращаться. Прижавшись лицом к влажным ивовым прутьям, он скосил взгляд, так что в поле зрения его левого глаза оказалась Бена-младшая, которая снова присела напротив, подняв нож на случай, если он вдруг решит на нее наброситься – что, естественно, вряд ли бы случилось. Эмансипор действительно мог прыгнуть к ней, но тогда наверняка изверг бы остатки сомнительного ужина кока, и, хотя его слегка порадовал мысленный образ измазанной вонючей жижей зловещей девчонки, в черепе тут же отдалась предупреждающим эхом жгучая боль.

Нет, для подобного рывка потребовалось бы слишком много сил. Закрыв глаза, он слегка приподнялся, выставив голову за рванный край корзины. Снова открыв глаза и моргнув, Эмансипор Риз обнаружил, что смотрит в сторону кормы.

Неужели все еще длится ночь? Боги, да она вообще когда-нибудь закончится?

Черные тучи, затмевающие небо над мрачными волнами. Мчащиеся со всех сторон быстрее любого корабля дхэнраби. Проклятье, он никогда еще не видел, чтобы эти чудовища двигались столь быстро.

Где-то внизу продолжалась нечеловеческая борьба, отзвуки которой громыхали по всему кораблю. Каждый удар о корпус раскачивал мачту.

Что-то массивное всплыло из воды прямо позади «Солнечного локона», увеличиваясь в размерах и быстро приближаясь. Эмансипор вдруг увидел мастера Бошелена, который стоял, широко расставив ноги, в нескольких шагах от кормового релинга, держа обеими руками меч и не сводя взгляда с поднимающегося из воды гребня.

– Ох... – выдохнул Эмансипор Риз.

Из вспенившейся воды возникли две чудовищные чешуйчатые лапы, которые с треском обрушились на релинг, ломая дерево, будто сухую ветку. В кормовую палубу вонзились длинные кривые когти, а затем в каскадах воды появилась вытянутая голова рептилии. Раскрылась пасть, обнажив устрашающего вида клыки.

Весь корабль содрогнулся и покачнулся, будто застыл от смертоносного удара в корму, а затем высоко задрал нос, когда пришелец вскарабкался на борт.

Вся сцена с участием твари и Бошелена, который прыгнул вперед, размахивая мечом, быстро пронеслась перед глазами Эмансипора, когда «воронье гнездо» резко накренилось вместе с мачтой. Что-то ударило Риза в спину, вышибив воздух из легких, а затем через него с воплем перекатилось худое тело с развевающимися волосами и, размахивая руками, вывалилось за край корзины. Он метнулся вперед, протягивая руку...

Когда корабль внезапно задрал нос, лича и уродливое дитя с силой швырнуло на треснувшие под их весом доски настила. К несчастью для плода сверхъестественных экспериментов Корбала Броша, лич оказался сверху. Затрещали ломающиеся от сокрушительного удара кости, включая позвоночник, лопнули ребра, извергая все, что не было хоть как-то закреплено внутри чудовищной туши. В разные стороны брызнули всевозможные жидкости, а следом за ними, будто триумф страдающего запором, вылетела верхняя половина тела, успевшего глаубоко внедриться в ее мутное слизистое нутро. Кашляя и выплевывая комки мокроты, Пташка Пеструшка откатилась в сторону, упав в щель между корпусом и разбитым в щепки настилом.

Лич поднялся над истекающим жижей трупом своего врага и, воздев кулаки вверх, закинул голову назад, будто собираясь издать полный ничем не обоснованной радости вопль.

Но даже самый недалекий ученый знает, что силы природы неразрывно подчинены определенным законам. То, что ныряет вниз, вскоре вновь устремляется вверх – по крайней мере, если оно плавает в море. И устремившаяся вверх палуба подбросила лича в воздух – в соответствии еще с одним подобным законом, благодаря которому, к примеру, были изобретены катапульты...

Шишковатая костистая голова, смутно напоминавшая голову Абли Друтера – сейчас лич был материален сверх всякой меры, – врезалась, подобно тарану, в доски передней палубы. И застряла там.

На миг ослепший от сотрясения лич так и не понял смысла внезапно раздавшихся вокруг криков:

– Бей его!

– Бей его! Бей!

На голову лича со всех сторон обрушились удары тяжелых сапог, ломая скулы, надбровные дуги, верхнюю и нижнюю челюсть, височные и лобные кости. Бах, бах, хрясь, хрясь – и тут чей-то сапог угодил в разинутую зубастую пасть лича.

И тот сжал клыки.

Когда жуткая тварь откусила половину его правой ступни, Густ Хабб взвыл, отшатнулся, разбрызгивая кровь, и рухнул на палубу. Челюсти лича перемалывали его бывшие пальцы, кроша покрытые коркой ногти, в то время как на смятую изуродованную голову продолжали сыпаться новые удары сапог. Точно так же недавно жевали его, Хабба, ухо, а от другого уже практически ничего не осталось, и оно слышало лишь шум медленно текущей жидкости, а что касается носа, тот не чувствовал ничего, кроме запаха ила. Холодного, соленого, склизкого ила.

Густ понял, что если так пойдет и дальше, то он попросту свихнется.

Кто-то упал рядом с ним на колени, и он услышал крик Миппл:

– Суньте его ногу в ведро!

А потом она рассмеялась, как и подобает сумасшедшей уродине.

Рыча и продолжая жевать, лич пополз назад, пытаясь спастись от избиения в дыре под палубой. Моргнув одним из своих все еще способных что-то видеть глаз, он заметил некое смутное пятно. Это была Пташка Пеструшка, которая, подобрав короткий меч Абли Друтера, метнулась к личу и вонзила широкое лезвие прямо ему в грудь.

Завопив, тварь полудюжиной рук отшвырнула женщину прочь, и та беспомощно покатила по палубе. Выдернув и отбросив в сторону мешающее оружие, лич навис над назойливой смертной, но вдруг почувствовал, что содержимое его пасти застряло в глотке. Судорожно закашлявшись, он изверг перемолотую смесь сапожной кожи, мяса, костей, ногтей и, что самое противное, волос. Еще большее унижение лич испытал, когда, потрянув головой, обнаружил, что у него отвалилась нижняя челюсть, с грохотом упав к его ногам.

Вырвавшийся из зияющей пасти рев напоминал скорее хриплое бульканье, которого, однако, вполне хватило, чтобы Пташка Пеструшка, завопив от страха, начала отползать на четвереньках вдоль настила, в темноту трюма, а потом еще дальше, в сторону кормы, – туда, где откуда-то сверху, а также из кладовой за ее спиной доносились звуки яростной борьбы.

Лич следовал за ней, угрожающе подняв когтистые лапы со свисавшими с них ошметками плоти.

Последним отчаянным усилием Эмансипор Риз сумел ухватить Бену-младшую за худую лодыжку, не дав ей рухнуть прямо в лапы выбирающегося на корму чудовища. Слуга застонал, чувствуя, как вес девичьего тела чуть не вырвал его руку из сустава, а затем услышал глухой удар ее головы о мачту и треск реи...

В это мгновение нос корабля вновь устремился вниз, отчего мачту вместе с «вороньим гнездом» резко бросило вперед. Что-то врезалось Эмансипору в спину, и на его голову упали иссохшие костлявые руки. Опрокинувшись назад и увлекая за собой Бену-младшую, Риз выругался и отпихнул локтем упавший на него гремящий костями труп. Локоть вонзился во ввалившуюся грудь, и мертвое тело полетело за край корзины...

Перекатившись на спину, Густ Хабб успел увидеть жуткую ведьму, падавшую прямо на него с ночного неба. Заорав, он выбросил было вверх руки, но поздно: та уже рухнула на него сверху.

Узловатый высохший палец угодил в левый глаз, и Густ услышал негромкий треск, будто лопнула виноградина. Вопя что есть мочи, он начал судорожно отбиваться, но рот его тут же заполнился грязными ломкими волосами.

– Бей эту тварь! – истерически крикнул кто-то.

– Бей! Бей!

Сапоги обрушились на Густа, без разбора ломая как мертвые, так и живые кости – никакого значения это уже не имело.

– Убейте ее!

– Она уже мертва!

– Так надо убить еще раз!

Чей-то сапог врезался сбоку в измученный череп Густа. Последовала ослепительная вспышка света, а за ней наступила тьма.

А тем временем в кладовой... Вернемся чуть назад.

Войдя внутрь, Корбал Брош остановился и огляделся, потом сделал еще шаг и увидел усеивавшие пол рваные куски мешковины. За ним бочком пробрались Брив, Брив и Брив, пригнувшись и перешептываясь. По крайней мере один из них всхлипывал.

Сех'келлины атаковали со всех сторон. Еще мгновение назад здесь царили полумрак и спокойствие – и вдруг поднялся просто невероятный хаос. Удары каменных кулаков разбросали Бривов во все стороны. Другие кулаки обрушились на Корбала Броша. Удивленно заорвав, рослый евнух начал отбиваться, с грохотом отшвыривая белые как смерть тела к изогнутым стенам.

Брив, помощник кока, увидел, как все шесть демонов смыкаются вокруг евнуха. И подумал: «Так и должно быть, – в конце концов, он тут главный и все такое». Заметив неподвижное обмякшее тело своей тезки, он подполз поближе, схватил Брив-плетельщицу за лодыжки и потащил прочь от той грандиозной битвы, что шла посреди кладовой.

Внезапно рядом оказался Брив, помощник плотника, который схватил Брив-плетельщицу за одну ногу.

– Смотри, – прошептал он. – У Брив волосы оторвались. Эй, да это вообще не Брив – это же Горбо!

– Естественно! – бросил Брив, помощник кока. – Все это знают!

– А я не знал!

Помощник кока замер:

– Не может быть – ты же с ним спал!

– Только один раз! И тогда было темно – а некоторым женщинам это нравится...

– Хватит уже об этом, помоги мне его отсюда вытащить!

– А что насчет парика?

– А что с ним?

– Гм... думаю, ничего.

Нелегко, ох, нелегко было понять, кто побеждает. Корбала Броша били, измолотив в фарш. Удивительно, что он еще держался на ногах, но это было и к лучшему; демонов трое матросов нисколько не интересовали, так что за порогом тех определенно ждало спасение. Главное – выбраться из кладовой.

Как только голова чудовищного бога появилась над релингом, Бошелен шагнул вперед и взмахнул мечом. Клинок врезался в морду твари, и та от удара выплюнула что-то из пасти.

Леску, крючок и ухо.

Бошелен не успел увернуться от взмаха гигантской лапы, и кривые когти рассекли его кольчугу. На кормовую палубу дождем посыпались черные звенья.

Ударив мечом по пронесшейся мимо конечности, он почувствовал, как железо вонзилось глубоко в запястье лапы, перерубив по крайней мере одну из костей.

Бог взвыл.

Увидев несущуюся на него сверху другую лапу, Бошелен поднял меч, пытаясь отразить удар, но, увы, не смог противостоять силе падающего, будто наковальня с крыши дома, чешуйчатого кулака.

Кулак обрушился на палубу. Затрещали доски, и Бошелен обнаружил, что уже не стоит на корме.

Он приземлился в кладовой, окруженный сыплющимися сверху щепками.

К нему устремился один из сех'келлинов. Бошелен инстинктивно сделал выпад, и демон сам напоролся на меч. Раздался вопль, и грудь демона раскололась, будто кусок мрамора под долотом каменщика.

Вопль этот слышали наверху. Взревев, бог начал раздирать кормовую палубу.

Пятеро оставшихся сех'келлинов одновременно подняли взгляд. Все они вдруг запищали, будто маленькие дети, и, толкаясь, начали карабкаться в сторону продолжающей увеличиваться дыры. Сверху опустилась гигантская лапа, и гомункулы спешно взобрались по ней, будто по дереву.

Снаружи донеслась настоящая какофония криков и воплей. Весь покрытый кровавыми ранами, Корбал Брош поднялся, отряхнулся, бросил взгляд на Бошелена и вышел из кладовой.

Пташка Пеструшка не сводила взгляда с нависшего над нею лича. Она все еще пыталась закричать, но голос полностью ей отказал, и теперь бедная женщина, сколь бы абсурдным это ни казалось, издавала почти в точности такие же звуки, как и сам лич.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.